

790158

Фердинанд Петрович
ВРАНГЕЛЬ

РЕДКОЛЛЕГИЯ СЕРИИ «НАУЧНО-БИОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
И ИСТОРИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ
ПО РАЗРАБОТКЕ НАУЧНЫХ БИОГРАФИЙ ДЕЯТЕЛЕЙ
ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ АН СССР:

доктор биол. наук *Л. Я. Бляхер*,
доктор физ.-мат. наук *Я. Г. Дорфман*,
академик *Б. М. Кедров*,
доктор эконом. наук *Б. Г. Кузнецов*,
доктор хим. наук *В. И. Кузнецов*,
доктор биол. наук *Л. И. Купцов*,
канд. истор. наук *Б. В. Левшин*,
чл.-корр. АН СССР *С. Р. Микулинский*,
доктор истор. наук *Д. В. Озубишин*,
канд. техн. наук *З. К. Соколовская* (ученый секретарь),
канд. техн. наук *В. Н. Сокольский*,
доктор хим. наук *Ю. И. Соловьев*,
канд. техн. наук *А. С. Федоров* (зам. председателя),
канд. техн. наук *И. А. Федосеев*,
доктор хим. наук *Н. А. Фигуровский* (зам. председателя)
доктор техн. наук *А. А. Чеканов*,
доктор техн. наук *С. В. Шухардин*,
доктор физ.-мат. наук *А. П. Юшкевич*,
академик *А. Л. Яншин* (председатель),
доктор пед. наук *М. Г. Ярошевский*

В. М. Насецкий

**Фердинанд Петрович
ВРАНГЕЛЬ**

1796—1870

790158

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА**

1975

**ВОЛОГОДСКАЯ
областьная библиотека
им. И. Е. Бабушкина**

31(98)

П 19

Книга, написанная на основе богатого документально-материала, посвящена жизни и деятельности выдающегося исследователя Арктики Фердинанда Петровича Врангеля. Это первая в отечественной литературе научная биография великого русского ученого, внесшего огромный вклад в мировую географическую науку.

Ответственный редактор

академик А. П. ОКЛАДНИКОВ

Василий Михайлович Пасецкий
Фердинанд Петрович Врангель

Утверждено к печати редколлегией
научно-биографической серии Академии наук СССР

Редактор Л. И. Приходько. Художник С. А. Данилов.

Художественный редактор Т. П. Поленова.

Технический редактор Н. Н. Плохова.

Корректоры И. С. Шабалина, Л. С. Агапова

Сдано в набор 30/VII 1974 г. Подписано к печати 21/X 1974 г.
Формат 84×108^{1/32}. Бумага № 2. Усл. печ. л. 8,4. Уч.-изд. л. 8,5.
Тираж 30 000 экз. Т-13270. Тип. зак. 967. Цена 51 коп.

Издательство «Наука». 103717 ГСП, Москва, К-62. Подсосенский пер., 21

2-я тип. издательства «Наука». 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

П 20100-024
054(02)-75 74-75НП

© Издательство «Наука», 1975 г.

Предисловие научного редактора

Почетный член Петербургской и Парижской академий наук Фердинанд Петрович Врангель оставил яркий след в истории русской науки. Он широко известен как выдающийся полярный исследователь, отважный мореплаватель, прогрессивный государственный деятель, один из организаторов Русского географического общества. Его «Путешествие по северным берегам Сибири и Ледовитому морю» вместе с другими научными трудами составило новую эпоху в исследовании Северо-Востока Сибири и прилегающих районов Северного Ледовитого океана. На долю Врангеля выпала трудная задача — отыскать «Северную землю», которая, по сибирским преданиям, являлась континентом. Рассматривая аспекты этой проблемы в исследовании, посвященном «Земле бородатых», мне приходилось отмечать ее существенное влияние на географические открытия на Крайнем Севере Азии и в глубине арктических морей. В цепи научных изысканий, подчиненных решению проблемы «Северной земли», основным звеном явилась Колымская экспедиция под руководством Врангеля. Исключительная значимость этих исследований была прежде всего оценена современниками мореплавателя — декабристами Г. С. Батеньковым и А. О. Корниловичем.

На средства Академии были изданы метеорологические и магнитные материалы Колымской экспедиции, наблюдения над арктическими льдами и полярными сияниями. Энциклопедическими исследованиями Врангеля по статистике и этнографии народов Русской Америки Академия наук открыла издание превосходной серии трудов по изучению Российского государства под редакцией академиков К. М. Бэра и Г. П. Гельмерсена.

Врангель трижды обогнул земной шар. Во время всех своих путешествий он постоянно вел наблюдения. Однако не все его труды дошли до нас, а уцелевшее научное наследство еще далеко не полностью опубликовано, в том числе дневник о плавании вокруг света на транспорте «Кроткий», являющийся важным источником по морской географии и истории Русской и Латинской Америки.

В настоящую книгу включены многие неизвестные читателью документальные материалы, собранные в государственных архивах. Это исследование — первая научная биография Врангеля — восполняет пробел в истории русского естествознания и ставит задачи по дальнейшему использованию научного наследства ученого-патриота, деятельность которого была подчинена служению России и русской науке.

Академик А. П. Окладников

Введение

Имя выдающегося ученого, мореплавателя и полярного исследователя России Фердинанда Петровича Врангеля навсегда вошло в историю мировой науки.

Начало его научной деятельности приходится на 20-е годы XIX в., ознаменовавшиеся широким развитием русского кругосветного мореплавания и полярных исследований.

Вскоре после окончания Отечественной войны 1812 г. учеными мореплавателями России Гаврилой Андреевичем Сарычевым и Иваном Федоровичем Крузенштерном были определены задачи русских полярных океанических исследований. Они включали поиски южного материка, решение проблемы Северного прохода из Ледовитого океана в Тихий, картирование арктических побережий от Нордкапа до Берингова пролива и от Берингова пролива к востоку, по возможности до Атлантического океана, со стороны которого предполагалось предпринять встречные изыскания Северо-Западного морского пути. Предусматривалось исследование восточного побережья России от Берингова пролива до границы с Китаем и северо-западных берегов Америки, на которых находились русские поселения и вела промыслы Российско-Американская компания. Одновременно предполагалось исследовать острова и архипелаги как в северной, так и в тропической зонах Тихого океана.

Для решения этих задач Россия отправила в 1819 г. экспедицию к Южному полюсу, в Берингов пролив, к Новой Земле и приступила к подготовке исследований, которые должны были охватить Север Европейской России и Северо-Восток Сибири. Одно из этих важных географи-

ческих предприятий — Колымскую экспедицию — предстояло возглавить Врангелью.

Если началом своей ученой деятельности Врангель считал участие в плавании шлюпа «Камчатка» под командой Василия Михайловича Головнина, то, путешествуя по берегам Восточной Сибири и льдам арктических морей, он уже зарекомендовал себя одаренным и пытливым исследователем, получившим международное признание.

«Врангель, — писал выдающийся русский флотоводец и ученый С. О. Макаров, — ясно попял, что результаты его трудов только тогда будут иметь научный вес, когда они будут произведены на научных основаниях [...]. Врангель твердо верил, что научные приемы могут быть применены ко всякому делу и в искусных руках способного человека научные методы всегда ведут к благотворным результатам.

Результаты действительно были прекрасные, и благодаря им и всем предшествовавшим трудам был описан весь сибирский берег Ледовитого океана»¹.

Врангель вел научные наблюдения, пройдя подготовку в Дерптском университете под руководством академиков Е. И. Паррота и В. Я. Струве.

Раскрытие научной деятельности Врангеля во время колымского путешествия составляет одну из главных задач научной биографии. Основное внимание в ней сосредоточено на рассмотрении вклада Врангеля в развитие научных знаний о восточных арктических морях, в доказательство несостоимости гипотезы о существовании перешейка между Азией и Америкой и внесение ясности в такой важный вопрос, как сообщение между Тихим и Атлантическим океанами.

Эта сторона исследовательской деятельности Врангеля особенно важна еще и потому, что съемка берегов Восточной Сибири, по признанию С. О. Макарона, являлась завершением изысканий Северо-Восточного морского пути, начатого северными отрядами Второй Камчатской экспедиции и продолженного последующими исследователями XVIII в.

Не менее существенным представляется проследить тот трудный путь ученого, который привел его к выводу

¹ С. О. Макаров. О трудах русских моряков по исследованию вод Северного Тихого океана. СПб., 1892, стр. 2—3.

о несуществовании «матерой земли» к северу от берегов Восточной Сибири. По словам академика К. А. Бэра, в результате исследований Врангеля был утрачен «большой материк», первые сведения о существовании которого относятся ко второй половине XVI в. Взгляды Врангеляшли вразрез с двумя взаимоисключающими направлениями. Представители первого на значительной части Северного Ледовитого океана рисовали контуры «матерой земли» как продолжения Американского континента. Сторонники другого направления утверждали, что за поясом льдов в центральной части Северного океана находится открытый безледный полярный бассейн.

Аспекты проблемы одного из вариантов северного материка — «Земли бородатых» были обстоятельно рассмотрены академиком А. П. Окладниковым². При этом было показано, что поиски гипотетической суши, предания о которой пережили сложную эволюцию, существенно повлияли на географические открытия и исследования.

В развитие этого важного вывода А. П. Окладникова в настоящей работе предпринята попытка проследить эволюцию представлений о «Северной матерой земле» от первого картографического изображения до наших дней и на этом фоне показать фундаментальный вклад Врангеля в исследование восточных арктических морей, включая выяснение границы распространения припая, открытие Великой Сибирской проливы, ледяных островов и установление того важного факта, что лед к северу от Восточной Сибири не является вечно «стоячим», а находится, выражаясь современным языком, в динамическом состоянии.

Следующей задачей первой научной биографии Врангеля является рассмотрение его научной деятельности во время кругосветного путешествия на транспорте «Кроткий». Сохранившийся в архиве дневник исследователя позволяет говорить о том, что даже в плавании, подчиненном сугубо транспортным задачам, он оставался пытливым наблюдателем. Ему, по словам Макарова, принадлежит постановка правильных наблюдений над температурой поверхностного слоя воды по маршруту плавания

² А. П. Окладников. Земля бородатых.— «Труды отдела древнерусской литературы Ип-та русск. лит-ры. АН СССР», т. XIV. М.— Л., Изд-во АН СССР, 1958, стр. 517.

через Атлантический, Тихий и Индийский океаны и проведение метеорологических измерений, которые были опубликованы и использованы в русских исследованиях по метеорологии и океанографии Тихого океана, в том числе в капитальном труде С. О. Макарова ««Витязь» и Тихий океан». Неопубликованные «Дневные записки» являются важным источником по истории и этнографии народов Америки.

Замечательной стороной научной деятельности Врангеля является его тесное сотрудничество с Академией наук, которая сначала избрала его своим членом-корреспондентом, а затем почетным членом. Именно при поддержке Академии и ее выдающихся представителей академиков К. М. Бэра, Э. Х. Ленца, Г. П. Гельмерсена, А. Я. Купфера были опубликованы важнейшие труды исследователя, в том числе результаты научных наблюдений и изысканий участников Колымской экспедиции 1820—1824 гг.

В задачу книги входит также раскрытие вклада Врангеля в изучение геофизических явлений, которые осуществлялись им по поручению Академии наук. Его неоценимой заслугой перед наукой является постановка систематических метеорологических наблюдений в Нижнеколымске, проведение магнитных измерений в Восточной Сибири и на льдах арктических морей, организация метеорологической и магнитной обсерватории на острове Ситха (в Новоархангельске), где им был выполнен пятилетний цикл метеорологических наблюдений. Во многих случаях это были первые в науке наблюдения. Их результаты использовались в трудах выдающихся русских и европейских ученых: А. И. Воейкова, К. С. Веселовского, Л. С. Берга, А. Я. Купфера, А. Гумбольдта, К. Ганстейна.

Подробное освещение данной стороны деятельности Врангеля, некогда высоко оцененной декабристом А. О. Корниловичем, тем более полезно, что она не нашла отражения ни в одном из опубликованных материалов, посвященных исследователю.

Врангель отдал лучшие годы жизни управлению русскими владениями в Америке, ревностно добиваясь укрепления позиций России в северной части Тихого океана. По его инициативе и содействию были организованы интересные исследования, охватившие северные и северо-

Фердинанд Петрович Врангель

западные берега, а также внутренние районы Американского континента. При поддержке Академии наук Врангель создал капитальный труд «Статистические и этнографические известия о российских владениях на северо-западном берегу Америки», который рассматривается советскими учеными как энциклопедия сведений о населении и хозяйстве Аляски.

Врангель был одним из инициаторов создания Русского географического общества и как руководитель отделения общей географии содействовал развитию географических исследований в России. Знаменательно, что одно из заседаний общества было открыто его докладом о средствах достижения Северного полюса, в котором он подтвердил свои взгляды на природу Северного Ледовитого океана.

Значение научных изысканий и трудов Врангеля определяется не только его вкладом в развитие географии. Этнография, метеорология, океанография, земной магнетизм, геокриология обязаны ему многими важными и интересными «приращениями».

При создании первой научной биографии Врангеля автор опирался на достижения историко-географической науки, опубликованные и неопубликованные труды ученого, на обширные документальные материалы Центрального государственного архива Военно-Морского флота (ЦГАВМФ), Центрального государственного исторического архива ЭССР (ЦГИАЭ), Архива внешней политики России (АВПР) и других архивохранилищ страны.

Привлекаемые источники раскрывают новые события и факты подвижнической жизни ученого-патриота, одното из самых выдающихся путешественников первой половины XIX в.—Фердинанда Петровича Врангеля.

Фердинанд Петрович Врангель родился 29 декабря 1796 г. в городе Пскове в дворянской семье. Основатели его рода прибыли из Дании в XIII в. и поселились в эстонской деревне Варанга, от названия которой и произошла фамилия Врангель. Дед Фердинанда Петровича был камергером при царском дворе. Когда Петр III был свергнут с престола Екатериной II, камергер Врангель, отказавшись присягнуть новой императрице, лишился не только огромных поместий, но и всего состояния.

«Несчастный родоначальник мой,— писал Врангель,— должен был оставить жену, детей, уйти за границу, скитаюсь по всей Европе и будучи всюду преследуем. Наконец, уплыл в Батавию, вступив на службу Голландской Ост-Индской компании, где и окончил жизнь свою, исполненную горести»¹.

Отец и мать Ф. П. Врангеля после бегства главы семейства за границу остались без средств. Они не могли дать воспитание своему сыну и отдали его на попечение одному из родственников. Вскоре Фердинанд Петрович остался круглым сиротой. Однажды родственников, у которых он жил, посетил Иван Федорович Крузенштерн, и Врангель услышал из уст первого русского кругосветного мореплавателя удивительный рассказ об опасном путешествии через все океаны к берегам Камчатки и Америки. Мечта увидеть далекие земли и моря овладела его сердцем.

---

¹ ЦГИАЛЭ, Семейный фонд Врангеля (ф. 2057), оп. 1, д. 444, л. 15.
Врангель — Литке.

«Рассказы эти оставили неизгладимые следы в воображении впечатлительного мальчика», — писал один из его современников. Родственники решили отдать Врангеля в Морской кадетский корпус. Исполненный восторга, он переступил порог этого учебного заведения, не говоря ни слова по-русски, а вышел из него настолько обрусевшим офицером, что русским языком владел гораздо лучше и свободнее, чем немецким. По свидетельству современников, он «знал в совершенстве все изгибы русской речи и от души любил русского человека»². Это справедливо. Его труд «Путешествие по северным берегам Сибири и Ледовитому морю» по художественной силе и образности русской речи почти не имеет себе равных среди описаний плаваний первой половины XIX в.

Об ученье в Морском кадетском корпусе у исследователя остались противоречивые воспоминания. Этим главным учебным заведением русского флота управлял «безненный старый адмирал», который за шесть лет только однажды посетил корпус. Но зато «невидимка Далай-Лама, директор» убедительно напоминал о своем существовании тем, что вводил жестокую экономию на пищу, одежду и учебные пособия.

«За исключением двух-трех хороших учителей математики, — писал Врангель, — можно сказать, порядочных учителей корпус не имел... учился кто сам хотел, кое-как... За шалости самым обыкновенным наказанием были розги, ударов по 100 и более; в ротах, а иногда и в классах кадеты и гардемаринчики пели матросские песни; играли в мячики величиною с человеческую голову, в чехарду; боролись и дрались па кулаках до крупных синяков, иногда целыми партиями ходили стена на стену; зимою в трескучие морозы бегали босиком в одних рубашонках по каменному полу открытых коридоров, перед тем как ложиться спать; прямо из бани бросались в снег для забавы; водили кадетов обедать и ужинать по открытым коридорам в огромную, худо топленную, холодную залу, в мундирчиках, в коротких штанах и башмаках, без фуражек. Словом, воспитание было спартанское, ученье самое плохое...»³.

² К. Н. Шварц. Барон Фердинанд Петрович Врангель.— «Русская старина», 1872, т. V, № 3, стр. 397.

³ [Ф. П. Врангель]. Биографическая заметка.— «Морской сборник», 1869, № 12, стр. 19.

Врангелю пришлось заниматься в корпусе и самовоспитанием, и самообразованием. Наперсником его дум и самым близким товарищем был Пётр Федорович Аижу, сын уездного врача в Вышнем Волочке. Они были лучшими воспитанниками выпуска: Врангель по успехам был призван первым из 99 кадетов, Аижу — вторым. Их добрые товарищеские отношения продолжались более 60 лет. Одним из последних трудов Врангеля были его заметки о П. Ф. Аижу, написанные после смерти полярного путешественника, «добрейшего, доблестного и благороднейшего человека».

21 июня 1815 г. Врангель и Аижу простились с Морским корпусом и отправились в Ревель (Таллин) служить в 19-м флотском экипаже. Они поселились в одной квартире. Первого офицерского жалованья у них хватало только на то, чтобы питаться щами да кашей. Даже чай они пили только в тех случаях, когда бывали гости. «Вообще, заря будущности Врангеля взошла не па светлом небосклоне», — писал один из его близких друзей. Он рос нелюдимым, замкнутым. Когда флотское начальство приказывало принять команду матросов и отправиться на постой в одну из эстонских деревень, он обложился там книгами, усердно штудировал математику, изучал языки, зачитывался путешествиями, учился искусству составлять карты. Вечера он проводил с Аижу, который квартировал в соседней деревне. Они ходили друг к другу и в дождь, и в снегопады. Спартанское воспитание продолжалось. Друзья готовились к трудной части ученых-путешественников.

Оказавшись в Ревеле, Врангель получил возможность посетить Ивана Федоровича Крузенштерна, удалившегося в эстонскую деревню Килтси (мыза Асс) для ученых занятий. Великий мореплаватель, зажегший в сердце Врангеля огонь любви к науке и благословивший его на путь моряка-путешественника, сердечно встретил юношу и обещал помочь в осуществлении его мечты о кругосветном плавании. Но пока Россия, еще воевавшая с Наполеоном, не предпринимала шагов к отправке судов морского флота к берегам Камчатки или Русской Америки.

Вскоре стало известно, что Петра Ивановича Рикорда, сподвижника знаменитого русского мореплавателя Василия Михайловича Головнина, прочат в пачальники Кам-

чатской области. Врангель не медля написал Крузенштерну, прося рекомендовать его в число членов экипажа корабля, на котором Рикорд отправится на Камчатку. Но Рикорд, как выяснилось, собирался ехать по сухому пути через Сибирь, и назначение его еще не было окончательно утверждено.

Врангелю оставалось ждать нового случая.

Именно с этого весьма важного в судьбе Врангеля 1816 года начинается 22-летия переписка с Крузенштерном, внимательно следившим за самостоятельными шагами Врангеля. Врангель делился с путешественником своими впечатлениями, рассказывал о наблюдениях над природой дальних стран и морей, просил советов и наставлений и всегда ощущал заботу и помоинь ученого-моряка, чьи труды о плавании вокруг света получили мировую известность⁴. Крузенштерн вслед за Головиным оказал большое влияние на формирование научных интересов Врангеля, которого впоследствии считал одним из самых отважных и образованных офицеров отечественного флота. Он одобрил намерение Врангеля посвятить себя изучению географии.

Летом 1816 г. Врангель и Апжу плавали на фрегате «Австроил» в Финском заливе. Во время стоянки корабля в Ревеле своих товарищ по кадетскому корпусу навестил Дмитрий Алексеевич Демидов, которому через три года предстояло под командой Ф. Ф. Беллинсгаузена отправиться к Южному полюсу. Демидов поделился с Врангелем важной государственной тайной. Русское правительство приняло решение послать судно к берегам Камчатки под командой капитана Головина. Врангель решил, что его час пробил. По его просьбе главный командир Ревельского военного порта обратился с письмом к Головину, рекомендуя молодого офицера для участия в предстоящем плавании. Но Головин ответил, что не берет в число своих спутников незнакомых ему лично офицеров.

Вскоре стало известно, что фрегату «Австроил» предстоит через несколько дней покинуть Ревель и отправить-

---

⁴ Сохранилось 32 письма Врангеля Крузенштерну, относящихся к 1816—1838 гг. Большая их часть посвящена описанию плавания на шлюпе «Камчатка», исследований Колымского отряда Северной экспедиции и кругосветному путешествию на транспорте «Кроткий» (ЦГАВМФ, ф. 14, оп. 1, д. 207, лл. 134—182).

ся на зимовку в крепость Свеаборг. Планы и мечты Врангеля о дальнем плавании рушились.

«Истощенный бессоницею и постоянным внутренним волнением, молодой мичман метался от одной мысли к другой,— писал близко знавший исследователя ученый-естественник К. Н. Шварц,— ему казалось, что вопрос идет не только о его будущности, но о всей его жизни. Должно было на что-нибудь решиться, и Фердинанд Петрович остался верен своему характеру: он решил на отважный шаг. За несколько часов до отплытия «Австроила» мичман Врангель отлучился с фрегата и подал рапорт о болезни; адмирал приказал больного или здорового доставить на фрегат, но мичмана Врангеля нигде не отыскали. Спустя несколько дней по уходе «Австроила» молодой мичман, с 15-ю рублями ассиг[нациями] в кармане плыл на каботажном судне, возвращавшемся в Петербург по сдаче плиты в Ревеле. После десятидневного плавания, выдержав шторм, судно прибыло в Петербург. Молодой мичман явился к капитану Головину и умолял его взять с собой простым матросом»⁵.

Врангель произвел на Головина благоприятное впечатление, и он включил его в состав своей экспедиции.

В экипаж шлюпа «Камчатка» входили капитан Головин, лейтенанты Матвей Муравьев, Никандр Филатов, Федор Кутыгин, мичманы Федор Литке, Фердинанд Врангель, гардемарины Ардалион и Феопонт Лутковские, Степан Артиков, Викентий Табулевич, клерк 13-го класса Степан Савельев, штурман 12-го класса Григорий Никифоров, штурманские помощники Прокопий Козьмин и Иван Афанасьев, штурманский ученик Петр Ильин. «Сверх того находился на шлюпе причисленный для компании коллежский секретарь Федор Матюшкин»⁶, товарищ Пушкина, Пущина и Кюхельбекера, переступивший «с лицейского порога» на борт «Камчатки». Многим из участников этого путешествия предстояло оставить памятный след в истории русской географической науки.

Экспедиция имела три задачи. Во-первых, доставить в Петропавловск-на-Камчатке различные грузы, перевозка которых по сухому пути через Сибирь была связана

⁵ К. Н. Шварц. Указ. соч., стр. 394.

⁶ ЦГАВМФ, ф. 166, оп. 1, д. 2537-а, л. 18.

Василий Михайлович Головнин

с большими трудностями или совсем невозможна. Во-вторых, ознакомиться с состоянием русских поселений в Америке и «исследовать поступки Российско-Американской компании в отношении коренных жителей». В-третьих, для усовершенствования карт Русской Америки Головнину поручалось описать на байдаре северо-западное побережье от губы Бристоль до залива Нортон. Кроме того, он должен был исследовать глубокий залив на Американском континенте, лежащий против острова Св. Лаврентия, и выяснить, справедливы ли слухи о том, что там живет «особый род людей, не похожий на американцев», и что у них есть «книги и образа, коим молятся».

Все, что Головнин не сможет описать, поручалось закончить начальнику Камчатки П. И. Рикорду, для чего должен быть послан морской офицер либо из Охотска, либо из Балтики. Вместе с тем Головнину разрешалось, если он узнает, что отправившийся на бриге «Рюрик» в Берингов пролив О. Е. Коцебу описал берега, которые

были указаны в инструкции, не «повторять таковые описи»⁷.

Вопрос об описи северо-западных берегов Америки между 60° и 63° с. ш. не был нов для Головнина. Еще 10 лет назад, когда шлюп «Диана» готовился к плаванию, в данную Головнину инструкцию было помещено мнение капитана Круzenштерна о необходимости описи неизученных северо-западных берегов Америки. По мысли Круzenштерна, проведение этих исследований должно было способствовать окончательному решению проблемы Северо-Западного прохода. Он надеялся, что, быть может, удастся открыть залив, бухту или реку, которая имеет сообщение с Баффиновым или Гудзоновым заливом. Однако, отправившись в странствие па «Диане», Головнин сначала попал в плен к англичанам, а затем к японцам и не смог приступить к выполнению поручения Круzenштерна.

Утром 26 августа 1817 г., «в день, вечно для России достопамятный Бородинским сражением», «Камчатка» покинула кронштадтский рейд. 5 сентября экспедиция приблизилась к берегам Дании. Головнин отправил Врангеля и Савельева нанять в Гельсингере лоцмана и закупить свежей провизии для всего экипажа. За четырё часа, в течение которых «Камчатка» находилась под парусами, они выполнили, к восхищению командира, его поручение. Через пять дней путешественники достигли Портсмута. 21 сентября «Камчатка» вновь оделась парусами и вскоре находилась на просторах Атлантического океана.

На «Камчатке» Врангель подружился с Федором Петровичем Литке, будущим руководителем Русского географического общества и президентом Академии наук. Их сблизили «одинаковые лета и одинаковое направление» мыслей. По словам Литке, они «жили душа в душу, хотя иногда ссорились»⁸. Несмотря на «различие характеров и воззрений», эта дружба продолжалась более полувека. По словам дочери Врангеля, Елизаветы Фердинандовны, «переписка между двумя друзьями должна служить обильным источником для изучения великих переворотов, произошедших в России в течение этого полустолетия»⁹.

⁷ ЦГАВМФ, ф. 166, оп. 1, д. 2537-а, л. 250.

⁸ Ф. И. Литке. Автобиография. СПб., 1888, стр. 111.

⁹ L. Engelhardt. Ferdinand von Wrangel und seine Reise. Leipzig, 1885, S. 11.

Федор Федорович Матюшкин

В экспедиции находился еще один моряк, штурманский помощник Прокопий Тарасович Козьмин, в то время менее близкий Врангелю, чем Литке и Матюшкин. Но именно ему и Матюшкину предстояло делить с Врангелем опасности и лишения. Никого из своих помощников Врангель не будет ценить так, как Козьмина. Если Матюшкин спасет его от голодной смерти, то Козьмин вместе с ним будет плавать на дрейфующих льдах и находиться рядом в тот трудный час, который, казалось, был последним в их жизни.

Первое плавание для Врангеля было наполнено романтикой. Он стремился как можно больше увидеть, узнать и свои впечатления заносил в дневник, который вел не менее тщательно, чем его товарищи по плаванию Ф. П. Литке и Ф. Ф. Матюшкин. Их дневники сохранились до нашего времени. Отдельные отрывки из них недавно опубликованы. Лишь дневники Врангеля остались не известны потомкам. Еще при жизни исследователя они погибли во время пожара. Эта потеря невозместима для науки, хотя письма, которые он посыпал Крузен-

Федор Петрович Литке

штерну, дают представление о широком круге его научных интересов.

5 ноября «Камчатка» отдала якорь в гавани Рио-де-Жанейро. После 46-дневного плавания, во время которого моряки видели только небо да волны, экзотические берега Бразилии произвели на Врангеля чарующее впечатление. Правда, ощущение земного рая сразу же исчезло после того, как, осматривая город, офицеры «Камчатки» увидели рынок черных рабов, которых продавали и покупали, как скот, и держали в загонах. Врангель был потрясен. С возмущением рассказывал он в письме, отправленном из Рио-де-Жанейро Круzenштерну, о работорговле.

В Бразилии судьба свела Врангеля со спутником Круzenштерна в его кругосветном плавании — натуралистом Григорием Ивановичем Лангсдорфом, ставшим русским консулом в Рио-де-Жанейро. Он посетил «Камчатку», как только она отдала якорь.

На следующий день Врангель вместе со всеми офицерами экспедиции обедал у Лангсдорфа. Моряки позна-

комились с женой консула, Фредерикой Федоровной, дочерью академика Федора Ивановича Шуберта, на суд которого затем Морское ведомство будет отдавать труды Врангеля, Анжу, Литке и других исследователей.

Рано утром 23 ноября 1817 г. «Камчатка» покинула Рио-де-Жанейро и 19 декабря приблизилась к району мыса Горн, на обход которого путешественникам потребовалось 25 дней.

«В продолжение сего времени,— писал Головнин,— весьма часто терпели мы бури, которые иногда, а особенно от севера, свирепствовали с ужасной силой, но как судно наше было новое, очень крепко построенное и снаженное самыми лучшими спарядами, то бури сии при всех своих жестокостях не могли причинить нам никакого важного повреждения, ни подвергнуть опасности. Однажды только при весьма жестокой буре от севера, которая развела столь сильное волнение, какого мы вовсе не имели, один вал, вышел из-под кормы, так сильно ударил вверх, что в кормовых окнах выбил рамы и щиты и наполнил мою каюту водою, которою множество венцей перемочило»¹⁰.

Об этой самой опасной поре плавания Врангель будет впоследствии часто вспоминать во время полярных скитаний, когда его жизнь не раз будет висеть на волоске. На всем пути от Рио-де-Жанейро до порта Каллао в Лиме, которого достигли 7 февраля 1818 г., Врангель определял географическое положение приметных мест: мыса Жанны, Земли Штатов, мыса Горн¹¹. Он наблюдал также морские течения, относившие корабль к северо-востоку.

По прибытии в Каллао Головнин отправил Врангеля к коменданту порта с поручением узнать, «будут ли с крепости на наши салют отвечать равным числом выстрелов». Вместе с ним поехал клерк Савельев, который затем вернулся на шлюп и доложил Головнину о достигнутой договоренности по поводу обмена взаимным салютом с одинаковым количеством выстрелов. Тем временем Врангель отправился к вице-королю Перу, чтобы передать важные бумаги от испанского посла в Рио-де-Жанейро,

¹⁰ В. М. Головнин. Соч. М.—Л., Изд-во Главсевморпути, 1949, стр. 289.

¹¹ ЦГАВМФ, ф. 14, оп. 1, д. 207, лл. 41—142. Врангель — Крузенштерну.

которые Головнин согласился доставить, принимая во внимание дружественные отношения между Россией и Испанией. Вице-король принял Врангеля «весьма хорошо». 10 февраля он дал обед в честь офицеров шлюпа «Камчатка».

За неделю были пополнены запасы воды и провизии. Утром 17 февраля Головнин отдал приказ готовиться к выходу в море. В пятом часу дня «Камчатка» находилась на океанском просторе. 14 марта Врангель увидел Вашингтоновы острова, к одному из которых — Нукагине — приставал Крузенштерн. Теперь он плыл тем же путем, через те же воды Тихого океана и к той же Камчатке, что и первый русский кругосветный мореплаватель.

29 апреля в разрывах тумана Врангель увидел мыс Безымянный, судя по карте Крузенштерна, находившийся на $51^{\circ}35'$ с. ш. Рядом был Петропавловск, на пути к которому моряки не сделали ни одной остановки от берегов Америки до Азии. Однако у самой цели первого этапа плавания они были задержаны на три дня туманом и снегом, помешавшими войти в Авачинскую губу. Наконец, 3 мая «Камчатка» отдала якорь в гавани Петра и Павла. Врангель здесь познакомился с начальником Камчатской области П. И. Рикордом¹², с которым его впоследствии связывали добрые отношения.

Во время путешествия Головнин давал Врангелю разные поручения. Капитан и на этот раз не обошел своим вниманием молодого офицера, устроив своего рода экзамен на зрелость в морском деле.

«Величайшее затруднение,— писал Головнин,— нам предстояло в привозе балласта и дров: первого нам нужно до 8 тысяч пудов и надлежало брать оный от гавани в 7 верстах, а дров надобно было более 25 сажен и должно было их рубить в Раковой губе, в расстоянии от нас 5 верст. Если бы нам привелось сии две необходимые потребности возить па гребных судах, то и в два месяца невозможно было бы изготовиться к походу; но мы для сего употребили с позволения областного начальника находившийся здесь охотский транспорт, послав на оном своих офицеров и матросов, и он в три раза привез все нужное нам количество балласта и дров. За сию поспеш-

¹² ЦГАВМФ, ф. 14, оп. 1, д. 207, л. 142. Врангель — Крузенштерну.

ность обязан я деятельности п усердию мичмана барона Врангеля, которому поручил я начальство над транспортом»¹³.

Для сдержанного и скромного на похвалы Головнина это была самая высшая оценка. Капитан увидел во Врангеле человека незаурядных организаторских способностей, исключительной воли и большого таланта. В своем «Путешествии», изданном после окончания плавания «Камчатки», Головнин очень редко упоминал имена своих офицеров. Исключение сделано только для двоих: Фердинанда Врангеля и Феопонта Лутковского, родственника его жены, образованного, хорошо знавшего языки юношу.

Из Петропавловска «Камчатка» отправилась спачала не в район Берингова пролива, как первоначально предполагалось, а к острову Беринга и затем вдоль Алеутской гряды к острову Кадьяк. Дело в том, что от Рикорда Головнина узнал, что командир брига «Рюрик» лейтенант Коцебу в 1816 г. приступил к описи тех мест, которые поручалось исследовать экспедиции на «Камчатке». Теперь Головнин мог оставить эту задачу «без исполнения» и приступить к обследованию русских поселений в Америке. На Кадьяке, куда путешественники прибыли 9 июля 1818 г., Головнин получил сообщение о том, что по поручению государственного канцлера Н. П. Румянцева Российско-Американская компания отправила отряд для описи берегов к северу от полуострова Аляски. Считая, что ему «уже ничего не оставалось делать в здешнем краю», Головнин направился в Новоархангельск. 28 июля Врангель впервые увидел столицу Русской Америки, не предполагая, что здесь, на краю света, ему предстоит провести вместе с женой пять долгих и трудных лет.

Сдав грузы, «Камчатка» направилась в русское поселение Росс в Калифорнии, где состоялась встреча с главным правителем Русской Америки известным мореплавателем Л. А. Гагемейстером. Затем путешественники посетили Сандвичевы и Марианские острова и 13 декабря 1818 г. прибыли в Манилу. Врангель по поручению Головнина отправился к генерал-губернатору Филиппинских островов и передал просьбу капитана о снабжении корабля припасами и пресной водой. Русских моряков

---

¹³ В. М. Головнин. Соч., стр. 312—313.

встретили благосклонно. Дом генерал-губернатора всегда был открыт для путешественников, в их честь устраивались приемы, все просьбы исполнялись без промедления. 15 января 1819 г. Головин дал обед в честь первых чиновников Манилы, а спустя два дня Врангель напес прощальный визит генерал-губернатору и от имени капитана поблагодарил его за гостеприимство, сообщив при этом, что через несколько часов «Камчатка» снова выйдет в плавание.

20 марта 1819 г. морякам открылся остров Св. Елены, где находился в изгнании Наполеон Бонапарт. На следующий день английские власти позволили съехать на берег лишь Головину да гардемарину Феопонту Лутковскому, выполнившему обязанности переводчика. Англичане ничего не допускали к Наполеону.

От острова Св. Елены путешественники направились к Азорским островам, где простояли 17 дней. Следующая остановка была в Портсмуте. Здесь повстречались с судами «Открытие», «Благонамеренный», «Восток» и «Мирный», которые были посланы «для открытий в полярных морях к северу и югу».

Кругосветное плавание приближалось к концу. 5 сентября «Камчатка» прошла близ северной стороны Ревельской губы. Вечером 6 сентября 1819 г. «Камчатка» бросила якорь на рейде Кронштадта. Первая страница многотрудной жизни исследователя была перевернута.

Встреча с Головиным оказалась решающее влияние не только на судьбу Врангеля, но и на становление его как ученого. На борту «Камчатки» он ревностно нес службу и увлеченно занимался восполнением пробелов в своем образовании: изучал географию, историю полярных путешествий, теоретическую и практическую астрономию, судовождение. Богатая библиотека капитана была к его услугам. Необычайная одаренность и широта познаний Врангеля обратили внимание Головина. Он поощрял его увлечение науками и вскоре поручил ему обучение гардемаринов Феопонта и Ардалиона Лутковских.

Врангель впоследствии неоднократно подчеркивал, что именно Головин был его учителем и добрым гением. Головин обладал, по словам Врангеля, изумительным запасом научных сведений и исключительной любознательностью. Для него капитан «Камчатки» павсегда остался необыкновенным «по редкому соединению в нем правди-

вости, рассудительности, ведомой обширными познаниями и опытностью, и неутомимой деятельности»¹⁴. Посвятив свою жизнь всецело служению интересам Русского государства, Головнин беспощадно критиковал политику самодержавия по отношению к морскому флоту: «Если бы хитрое и вероломное начальство, пользуясь невниманием к благу Отечества и слабостью правительства, хотело, по внушениям и домогательству виепных врагов России, для собственной своей корысти довести разными путями и средствами флот наш до возможного ничтожества, то и тогда не могло бы оно поставить его в положение более презрительное и более бессильное, в каком он находится»¹⁵.

Отголоски близких суждений о бюрократических порядках чиновничьей России впоследствии нередко будут звучать на страницах официальных документов и писем Врангеля. К концу плавания он не только стал настоящим учеником лучшей в России морской школы — школы Головнина, но и вполне подготовился к самостоятельной деятельности исследователя. Эти обстоятельства не ускользнули из поля зрения Головнина, и через несколько недель после возвращения в Кронштадт он дал своему, без сомнения, самому одаренному ученику ответственное поручение, которое припесло ему всемирную известность.

Плавание шлюпа «Камчатка», одной из задач которого являлось детальное ознакомление с положением дел во владениях Российско-Американской компании, оказало определенное влияние на принятие русским правительством крутых мер по защите национальных интересов в Америке. 10 сентября 1819 г. В. М. Головнин направил Главному правлению Российско-Американской компании письмо, в котором обращал внимание на необходимость строгого пресечения иностранной контрабандной торговли с жителями Русской Америки и укрепления позиций России в северной части Тихого океана. Решение некоторых из этих вопросов впоследствии выпало на долю Врангеля, но прежде ему предстояло возглавить одну из арктических экспедиций России.

---

¹⁴ ЦГИАЭ, ф. 2057, оп. 1, д. 268, л. 2.

¹⁵ В. М. Головнин. Записки о состоянии Российского флота в 1824 году. СПб., 1861, стр. 1.

Ф. П. Врангель и проблема «Северной земли»

Поручение В. М. Головнина

Покинув борт «Камчатки», Врангель отправился в Эстонию, где навестил родственников и встретился с Круzenштерном. От первого российского кругосветного мореплавателя он услышал, что в будущем году к берегам Новой Земли предполагается отправить экспедицию во главе с лейтенантом Андреем Петровичем Лазаревым, который в минувшую навигацию ходил к этому острову, правда, не очень удачно. Врангель решил вернуться в Петербург и увидеться с Лазаревым, чтобы предложить свою кандидатуру для его будущего экипажа. 10 ноября он явился в Адмиралтейский департамент, ведавший учено-й деятельностью флота. Первым офицером, которого он встретил, был Головнин. Командир «Камчатки» сообщил ему, что в русских правительственные кругах решен вопрос о посыпке экспедиции в составе двух отрядов для поисков и описи земель, существование которых, по давним преданиям и сведениям, предполагалось к северу от рек Яны и Колымы. Дав Врангелю прочесть проект «Записки о средствах для открытия земель, против северного берега Сибири лежащих», Головнин предложил своему ученику взять на себя руководство одним из отрядов, добавив при этом, что подготовка экспедиции и ее про-ведение будут осуществляться не только при его участии, но что он «сам будет дирижировать» ее деятельностью. Как видно из неопубликованных «Дневных записок», Врангель был ошеломлен этим «лестным... предложением». Для «молодого офицера, начинающего только службу свою», это была необыкновенная удача¹.

---

¹ ЦГИАЭ, ф. 2057, оп. 1, д. 268, л. 3.

Получив согласие Врангеля, Головнин просил подумать над тем, каким из отрядов он предпочел бы начальствовать, и сообщить ему свое решение без особого промедления. По расчетам Головнина, назначение Врангеля руководителем экспедиции могло состояться не раньше января-февраля 1820 г. Он посоветовал своему питомцу заняться дальнейшим совершенствованием познаний в физике, астрономии, химии и других науках в Дерптском университете. Головнин считал необходимым основать на Колыме обсерваторию, где можно было бы вести метеорологические, магнитные и астрономические наблюдения. И в этом плане надежды возлагались на Врангеля.

14 ноября 1819 г. Головнин передал Врангелю письмо, которое тот должен был доставить Крузенштерну, и пожелал счастливого пути. Хотя самого письма и не удалось обнаружить, но, судя по ответу первого русского кругосветного мореплавателя, оно посвящено участию Фердинанда Петровича в предстоящей экспедиции для поисков и описи северных земель.

«Крайне приятно мне узнать от Вас самих, что Вы довольны Врангелем,— писал Крузенштерн 19 ноября 1819 г.,— и премного Вам благодарен, что Вы изволили его назначить в новую экспедицию. Ревность его к морской службе и знания, приобретенные им в походе под Вашим начальством, конечно, дают нам право надеяться, что он исполнит повое, столь лестное для него Ваше поручение к Вашему удовольствию»².

Поскольку в каждую экспедицию Головнин назначал натуралиста, то Крузенштерн предложил кандидатуру будущего академика Бэра, «человека большой репутации в ученом свете»³.

Крузенштерн посоветовал Врангелю взять на себя исследование северного побережья России между Колымой и Беринговым проливом. Положение значительной его части не было достоверно известно. На русских картах оно изображалось весьма схематично на основе старинных документов и преданий. Это давало повод к рождению гипотез о существовании перешейка между Азией и Америкой. По мнению Крузенштерна, решение этой

² ЦГАВМФ, ф. 14, оп. 1, д. 252, л. 54. Крузенштерн — Головнину.

³ Бэр не смог принять участие в экспедиции, и на его место по рекомендации Крузенштерна Головнин назначил А. Э. Кибера

трудной задачи, о которую разбилось столько смелых попыток, явилось бы важным вкладом в географию Северо-Востока России.

29 ноября 1819 г. Врангель сообщал Литке, что выбрал Колыму и написал об этом Василию Михайловичу в Петербург. Далее он сообщал, что «сердце его заледенело», а мысли поглощены «северным полем, проливом Беринга, собаками и телескопом»⁴. С рекомендательными письмами Крузенштерна Фердинанд Петрович отправился в Дерптский университет, где под руководством профессоров Паррота, Струве и Энгельгардта изучал астрономию, геологию, физику Земли, включая земной магнетизм и метеорологию. Врангель поразил их запасом знаний, одаренностью и любовью к науке⁵. Паррот предложил Врангелю добраться до магнитного полюса не на собаках, как ему предстояло, а с помощью подвязанного под мышки воздушного шара. Достигнув таким способом района магнитного полюса, Врангель должен был опуститься на льдину, «сделать необходимые наблюдения и, выждав северного ветра, вернуться на материк».

Ни Паррот, ни Струве, ни Энгельгардт, ни сам Врангель не представляли и десятой доли тех трудностей, которые ждали экспедицию во льдах Северного Ледовитого океана. Ученые явно переоценивали возможности путешественников в плане проведения метеорологических, магнитических, астрономических, гляциологических и химических исследований. Но они оказали неоценимую услугу, вдохновив Врангеля на постановку важных наблюдений, которые составили целую эпоху в изучении Арктики и подняли значение его путешествия на недосягаемую для первой половины XIX в. высоту.

Врангель предполагал посвятить два-три месяца подготовке к научным наблюдениям, но в конце января 1820 г. его отзовали в Петербург. Паррот и Струве сожалели о его скором отъезде, хотя и были убеждены в том, что его пребывание в университете «не бесполезным оказалось». Они хорошо подготовили Врангеля к проведению ученых исследований, тем более, что он «при превосходном даровании и неограниченном усердии еще изрядный запас сведений и немалую в астрономических

⁴ ЦГИАЭ, ф. 2057, оп. 1, д. 443, л. 3 об. Врангель — Литке.

⁵ ЦГАВМФ, ф. 166, оп. 1, д. 663, л. 171. Паррот — Шуберту.

наблюдениях опытность имеет, а что всего уважительнее: не тщеславится тем, будто бы ему и учить уже ничего не оставалось»⁶.

Врангель усердно учился и в Дерите, и в Петербурге. Кроме естественных наук он изучал описания путешествий моряков и ученых на Север России.

Проблема «Северной земли»

Проблема «Северной матерой земли», решением которой предстояло заниматься Врангелю, возникла давно.

Впервые северный (или арктический) континент изображен на карте Г. Меркатора, изданной во второй половине XVI в. Он занимает огромное пространство приполярной области и разделен на несколько частей гигантскими реками. Очертания континента в центральной части Северного Ледовитого океана изображались современником Меркатора, картографом А. Ортелием. Контуры исполинского северного континента видны и на карте Исаака Массы. К северу от Новой Земли на ней показан берег безымянного материка, который уходит за рамку на меридиане устья Оби и появляется снова в не столь далеком расстоянии к северо-востоку от устья Енисея. Материалы для этой карты, опубликованной в 1612 г., были получены Исааком Массой из России.

В 40-х годах того же XVII века, столь богатого географическими открытиями на севере Сибири, легенда картографов нашла подтверждение в сообщении русского землепроходца М. Стадухина. В 1844 г. «колымская язырка именем Калиба сказывала ему», что к северу от Сибири находится исполинская земля. По словам М. Стадухина, этот остров «горазд с виду, горы его снежны, а долины и ручьи знатны». Он бывает виден с материка, и чукчи переезжают на него на оленях в один день. Путешественник считал, что остров является продолжением той самой Новой Земли, на которую ходят мезенцы, и, следовательно, протянулся на восток к Индигирке и Колыме.

Признаки «Большой земли» можно видеть на «карте с мест, от р. Енисея до Камчатки лежащих», составлен-

⁶ ЦГАВМФ, ф. 166, оп. 1, д. 663, л. 175. Паррот — Шуберту.

ной либо в 1710-м, либо в 1711 г. земским комиссаром Ф. Бейтоном. Одна «землица» показана к востоку от мыса Шелагского, другой остров виден к северу от Ключинской губы, очертания которой, как и всей Чукотки, даны в схематическом виде.

На «карте якутского дворянина Ивана Львова» к северо-востоку от мыса Шелагского имеется «остров, на котором живут чукчи»; показан он в том районе, где спустя полтора века был открыт остров Брангеля. Обращает на себя внимание еще одна особенность этой карты. Шелагский Нос показан в виде крупного полуострова, по своим размерам не уступающего Чукотскому, хотя, возможно, это перешеек, а не полуостров, поскольку его северная часть уходит за рамку карты.

В начале XVIII в. по приказу якутского воеводы был послан М. Вагин, которому было велено проведать «про острова к северу от Яны». Добравшись на собаках до Св. Пosa, М. Вагин в 1712 г. со своими спутниками перешел по льду на остров, получивший впоследствии название Большого Ляховского. С его берегов он видел другую землю (остров Малый Ляховский).

Около 1720 г. И. Вилегин открыл первый Медвежий остров, и почти одновременно распространились сведения о земле, открытой шелагским князем Копаем. Она изображена в виде обширного острова, лежащего к северу от Колымы на «карте Восточной Сибири», составленной около 1726 г. И. Козыревским. «Большая земля», открытая князем Копаем, видна и на карте А. Ф. Шестакова, с которой она была перенесена на западноевропейские карты. М. В. Ломоносов писал, что он «славных географов Делиля и Бюаша отнюдь в том не порицает» и имеет намерение «помянутый Копаев остров и за ним матерую землю положить на своей полярной карте»⁷. На одном из сохранившихся экземпляров этой карты к северу от Колымы Ломоносов действительно начертил «остров Сомнительный», однако контуров «матерой земли» не показал.

В 1763 г. Медвежьи острова посетил С. Андреев. Вернувшись в Нижнеколымск, он сообщил, что с острова Четырехстолбового он рассмотрел па востоке «какую-то

⁷ М. В. Ломоносов. Поли. собр. соч., т. VI. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1952, стр. 455.

чернь», но не мог решить, была то земля или открытое море. В 1764 г. Андреев продолжал поиски «Большой Северной земли». 22 апреля он обнаружил впереди «остров весьма не мал» с горами и «невидимым количеством стоячего леса». Длина его составляла около 80 верст. К нему вели следы людей. Андреев повернул назад, не дойдя 20 км до земли, которой предстояло стать одной из географических загадок, занимавших ученых почти целых два столетия.

В 1769 г. в «секретный вояж» отправился прапорщик Леонтьев, весьма точно нанесший на карту Медвежьи острова. Следующей весной от острова Четырехстолбового он пытался пробиться к «Большой Американской Земле», однако смог дойти только до $72^{\circ}05'$ с. ш. В 1771 г. Леонтьев совершил третий поход по льду строго на восток от последнего Медвежьего острова, но, не обнаружив признаков суши на траверзе Баранова Камня, повернул к берегу.

В экспедиции Леонтьева участвовал ученый чукча Н. Дауркин. Он сообщил якутским властям, что «Большая земля», которую искал Леонтьев вместе с прапорщиками Лысовым и Пушкиревым, есть не что иное, как протянувшийся на запад берег Америки, который отдельными полуостровами спускается по направлению к Чукотке, Колыме и Медвежьим островам, а затем уходит на запад, к Новой Сибири. Им была составлена карта, на которой действительные наблюдения во время путешествий удивительно переплетались с давнишними преданиями, слухами и, наконец, рассказами чукчей об Аляске. На карте есть надписи: «живут олennые люди храхай», «Земля Китеген, живут люди». «Обрис Большой земли» был сделан Дауркиным со слов «некоего американского тоена» и, как справедливо полагал Врангель, относился к северо-западным берегам Америки⁸.

Затем появилась «карта Чукоцкого Носа, сообщенная от полковника Пленстнера». По мнению некоторых исследователей, «она способствовала искоренению ряда фанта-

---

⁸ Путешествие по северным берегам Сибири и Ледовитому морю, совершенное в 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 годах экспедициею, состоявшую под начальством флота лейтенанта Фердинанда Врангеля, ч. I. СПб., 1841, стр. 102 (далее: Ф. И. Врангель. Путешествие...).

стических представлений об азиатско-американском материке»⁹, хотя на самом деле являлась лишь улучшенным вариантом карты Дауркина и сохраняла ее заблуждения о «Большой Северной земле».

Примерно в те же годы вслед за Вагиным и Этериканом купец И. Ляхов посетил ближайший к матерiku остров (ныне Большой Ляховский) и открыл острова Малый Ляховский и Котельный. Это еще больше повысило интерес к вопросу о землях, якобы находящихся к северу от Яны и Колымы.

В 1778 г. к северу от Берингова пролива появились два корабля английской экспедиции под начальством Джемса Кука. Кук и астроном Балей «неоднократно думали видеть приметы близости земли на севере», о чем свидетельствовали отсутствие течений, образование самих льдов, полет птиц с севера на юг и малое увеличение глубины моря по удалении от берегов¹⁰. По мнению его спутников, Джемс Кук догадывался, что «сии два материка соединяются у полюса»¹¹.

18 августа, когда экспедиция находилась в районе Ледяного мыса, в журнале экспедиции была сделана запись: «Стоим близко к краю льда сплошного, как стена, высота 10—12 футов. Дальше на Север она кажется еще выше».

После первого плавания в Северный Ледовитый океан Джемс Кук писал 20 октября 1778 г. в английское Адмиралтейство, что он в 1779 г. предпримет еще одну попытку, но мало надеется на успех: «Лед, который не так-то легко преодолеть, является, по-видимому, не единственным препятствием на нашем пути. Берег обоих континентов на большое расстояние очень низкий, и даже посередине между двумя материками глубины весьма незначительные. Это, да и другие обстоятельства, как бы доказывают, что в Ледовитом море имеется больше земли, чем об этом нам пока ведомо; там источник льда, и полярная часть океана отнюдь не является открытым морем».

⁹ Атлас географических открытий в Сибири и Северо-Западной Америке XVII—XVIII вв. М., «Наука», 1964, стр. 89.

¹⁰ Ф. П. Врангель. Путешествие..., ч. I, стр. 109.

¹¹ Последнее путешествие около Нового Света капитана Кука с обстоятельствами о его жизни и смерти. СПб., 1788, стр. 84.

Английские мореплаватели неоднократно в своих журналах отмечали вероятность существования в Ледовитом океане земли или «возможность соединения двух материков». Об этом свидетельствуют записи 16 марта и 27 июля 1779 г.

Результаты плавания Джемса Кука в Северный Ледовитый океан нашли отражение на «карте секунд-майора М. Татаринова», которую он составил в Иркутске в 1779 г.¹² Она интересна тем, что Американский континент распространен на значительную часть Северного Ледовитого океана. Его берег от Ледяного мыса круто поворачивает на запад и тянется почти ровной линией параллельно берегам Сибири. Между устьями Колымы и Индигирки он проходит примерно по 79° с. ш. и, спустившись несколько к югу в районе Св. Носа, принимает северо-западное направление. На меридиане Новой Земли он проходит вблизи 83° с. ш. и, миновав на той же параллели Шпицберген, наконец, соединяется с Гренландией. Точно так же изображен Американский континент и на «карте восточной части Азиатской Сибири и западной части Америки»¹³.

В 1787 г. участвовавший в экспедиции И. Биллингса лейтенант Г. А. Сарычев, находясь вблизи Баранова Камня, обратил внимание на факты, которые, по его мнению, свидетельствовали о существовании «матерой земли» к северу от Сибири.

«Течение через сутки,— писал он,— а иногда и через двое переменялось с той и другой стороны вдоль берега; вода временем возвышалась, только не более, как на половину фута, и то без всякого порядка. Это дает повод заключить, что сие море не из обширных, что к северу должно быть не в дальнем расстоянии матерой земле»¹⁴.

По мысли Сарычева, приливо-отливные явления не наблюдались потому, что здешнее (Восточно-Сибирское) море соединяется узким проливом с Ледовитым океаном. Подтверждение этого мнения он видел и в другом факте. Несмотря на сильный юго-западный ветер, дувший двое

¹² ЦГАДА, Картографический отдел библиотеки МГА МИД (ф. 192), Карты Архангельской губернии, № 16.

¹³ Там же, № 29.

¹⁴ Путешествие флота капитана Сарычева по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану», ч. I, СПб., 1802, стр. 96, 97 (далее: Г. А. Сарычев. Путешествие...).

суток, льды не отходили от берега. В том, что море по-прежнему оставалось забитым льдом, Сарычев усмотрел признаки существования обширной суши к северу, которая была преградой для выноса льдов. Это предположение подтверждалось и рассказами капитана Шмалева, который слышал от чукчей о «матерой земле, лежащей к северу не в дальнем расстоянии от Шелагского Носа»¹⁵. Чукчи говорили капитану, что земля обитаема и до нее зимой можно в одни сутки доехать на оленах по льду. Эти представления о «матерой земле» оказали определенное влияние на исследование Северо-Востока России.

В начале XIX в. натуралист М. И. Адамс сообщил в Петербург о новых открытиях сибирских промышленников. Он предполагал, что одна из открытых земель составляет особую часть света, через которую можно достигнуть Северного полюса и обнаружить там «отечество мамонтов». По инициативе государственного канцлера и видного деятеля русского просвещения Н. П. Румянцева русское правительство отправило на «новооткрытые острова и матерую землю» М. М. Геденштрома, положившего на карту, хотя и не совсем точно, весь Новосибирский архипелаг. Предполагавшийся материк оказался островом средней величины (Новая Сибирь). Правда, спутник Геденштрома Яков Санников в трех пунктах архипелага видел признаки земель к северу от обнаруженных им островов, поэтому вопрос о «Северной матерой земле» оставался открытым. Решение его было тесно связано с другой не менее важной географической проблемой — проблемой морского пути из Европы в Тихий океан через Ледовитое море. Поставленная в первой половине XVIII в. перед Второй Камчатской экспедицией задача найти проход из Белого моря в Тихий океан на Камчатку не была решена окончательно, поскольку опись была доведена от Архангельска до Большого Баранова Камня, расположенного к востоку от Колымы, и все северное побережье Чукотки оставалось неисследованным. Сведения же о плавании замечательного землепроходца С. И. Дежнева были, но словам Врангеля, так неопределены, что один из спутников Кука, Джемс Бурней, «находил в них доказательства в подтверждение гипотезы

¹⁵ Г. А. Сарычев. Путешествие..., ч. I, стр. 97.

своей о соединении Америки с Азией через сейком близ Шелагского мыса»¹⁶.

Важность исследования северного побережья России между Колымой и Беринговым проливом была очевидна. Дело, начатое Второй Камчатской экспедицией, пытался завершить в 60-х годах XVIII в. Никита Шалауров, отправившийся для «разрешения вопроса о Северо-Восточном проходе», однако при переходе из Колымы в Тихий океан он погиб. Экспедиции И. Биллингса, которая вышла из Колымы в 1787 г., также не удалось осуществить плавание в Берингов пролив. Правда, Биллингс достоверно картировал побережье Чукотки от Берингова пролива до Колючинской губы, но почти тысяча верст северо-восточных берегов России ждала своего исследователя. Вопрос об их описи, как и вопрос о поисках «Северной матерой земли», после завершения экспедиции Геденштрома не снимался с повестки дня русских полярных исследований. Он обсуждался в переписке Румянцева с Круzenштерном, Рикордом и Головиным, относящейся к 1813—1823 гг. Нашел он отражение и в программной «Записке» Г. А. Сарычева, которую он представил в 1818 г. морскому министру И. И. де Траверсе. В ней перед русским флотом была поставлена задача исследовать берега Северного Ледовитого океана от границы с Норвегией до Берингова пролива и описать обитаемую землю, которая, по уверению чукчей, находится к северу от Шелагского мыса и которую можно «описать в весенне время на собаках по льду таким же образом, как описана была Новая Сибирь»¹⁷.

Проблема «Северной матерой земли», опись северо-восточных берегов России, окончательное решение вопроса о разделении Азии и Америки и логически вытекающее отсюда доказательство Северного прохода в Тихий океан были важнейшими задачами русских географических исследований, которые впервые в истории отечественной науки получили глобальный характер.

Подготовка экспедиции

Инициатива постановки в правительственные кругах вопроса об отправке экспедиций для открытия земель,

¹⁶ Ф. П. Врангель. Путешествие..., ч. I, стр. 144.

¹⁷ ЦГАВМФ, ф. 166, оп. 1, д. 681, л. 3.

«против северного берега Сибири лежащих», принадлежит Головину. По поручению государственного канцлера Н. П. Румянцева он отвозил на Камчатку некоторую сумму денег, которую Рикорд должен был использовать для поисков Земли, по преданиям находившейся к северу от Чукотки. Головин был в курсе замыслов Румянцева, готов был содействовать их осуществлению, но понимал, что на скромные частные средства и при еще более скромных возможностях начальника Камчатки Рикорда вряд ли можно ожидать успеха. Поэтому через несколько недель по возвращении из плавания он предложил послать сухопутную «собачью» экспедицию на Северо-Восток Сибири и получил согласие Александра I на осуществление этого важного географического предприятия. В результате было отдано распоряжение морскому министру И. И. де Траверсе употребить «все возможные по свойству климата и местным обстоятельствам средства, которые могли бы обещать успех»¹⁸.

Головин составил «Проект предложения в коллегию», который без изменений был подписан морским министром. К нему была приложена «Записка о средствах для открытия земель, против северного берега Сибири лежащих», автором которой является Головин¹⁹. Имённо ее читал Врангель, когда в ноябре 1819 г. приезжал в Петербург. По предложению Головина каждый отряд должен был состоять из 17 человек: морского офицера, штурмана, штурманского помощника, живописца, шести матросов — уроженцев Архангельской губернии, которые были бы хорошими охотниками на зверей, и шести «человек, природных жителей Северной Сибири», преимущественно из числа спутников М. М. Геденштрома.

Для научных наблюдений отряды предполагалось снабдить хронометрами, секстантами, телескопами, барометрами, термометрами, микроскопами, компасами, инклинометрами и другими приборами.

Копии с «Предложения в Коллегию» и «Записки» Головина были 12 ноября 1819 г. высланы сибирскому генерал-губернатору М. М. Сперанскому вместе с письмом, проект которого составил Головин. Министр извещал Сперанского о решении русского правительства и просил

¹⁸ ЦГАВМФ, ф. 166, оп. 1, д. 663, л. 1.

¹⁹ Там же, лл. 2—4.

«сделать некоторые предварительные распоряжения для обеспечения успеха экспедиции».

«Многие опыты,— писал Траверсе,— в том числе плавание по Ледовитому морю капитана Биллингса и другие, свидетельствуют, что покушения сии на судах не могут быть успешны; а потому поиски земель в том краю должны производиться по льду на собаках и начать их с устья реки Колымы и Яны; следовательно, нужно знать, в каком расстоянии от них находятся ближние селения и как близко к устьям тех рек можно сделать временные жилища: избы или юрты для отрядов, кои употреблены будут для открытий; какое число собак можно приготовить и съестные припасы доставить»²⁰.

14 ноября Адмиралтейств-коллегия утвердила представленный вице-адмиралом Г. А. Сарычевым «План, как производить опись земель, лежащих на Ледовитом море к северу против устьев рек Яны и Колымы» и определила, что для осуществления этого предприятия потребуется до 30 000 рублей²¹.

План Сарычева вслед за «Запиской» Головнина был выслан Сперанскому. 20 января Сперанский ответил, что им собраны нужные сведения относительно северных земель, и направил морскому министру рукописное «Путешествие» Геденштрома с двумя приложениями, «Описание берегов Ледовитого моря от устья Яны до Баранова Камня» и карту Новосибирских островов, составленные Геденштромом, замечания Геденштрома по плану Сарычева и, наконец, смету на содержание Колымского и Янского отрядов экспедиции.

Сперанский, как видно из его простиранного ответа морскому министру, считал бесполезным отправлять Янский отряд, ибо Новосибирские острова достаточно обследованы Геденштромом. «Прежние предположения о существовании в сем месте материка или гряды островов с основательностью исследованы и отвергнуты»²².

Генерал-губернатор думал ограничить задачи экспедиции деятельностью Колымского отряда, которому следовало заняться поисками земель к северу и востоку от Медвежьих островов. Предположения об их существовании,

²⁰ ЦГАВМФ, ф. 166, оп. 1, д. 663, л. 5.

²¹ Там же, л. 9.

²² Там же, л. 72.

«возбужденные повествованиями сержанта Андреева и другими, впрочем, весьма смешными рассказами, остаются в своей силе и по крайней мере с достоверностью не отвергнуты».

Этот отряд должен был состоять из семи человек и предпринять первые поиски. Если удастся открыть землю, то в следующем году можно будет увеличить состав экспедиции.

Путешествие в том обширном объеме, в каком оно мыслилось Морским министерством, по мнению М. М. Сперанского, легло бы непосильным бременем на бедных и малочисленных жителей Сибирского Севера. «Во всем Колымском комиссариатстве на окружном пространстве с лишком трех тысяч верст, считается, их рассеяно с небольшим 2000 душ... Жители смежных комиссариатств Зашиверского и Ижигинского малое могут оказать пособие как по бедности их, так и по тому, что здесь смежность считается тысячами верст»²³.

Особые трудности представлял сбор собак и корма для них, так как в случае неурова рыбы дальнее путешествие вообще стало бы невозможным. В заключение письма Сперанский сообщал, что якутскому областному начальнику Миницкому дано указание о подготовке «нарт, собак и корму».

«Его величество, делая меня участником в предполагаемой экспедиции,— писал генерал-губернатор Сибири,— отдает справедливость моему рвению. Я приложу всевозможные старания. Препятствия значительны, но добрая воля и решимость все преодолевают»²⁴.

Поиски северных земель были поставлены на уровень высшей государственной политики. Указание о снаряжении экспедиции и о ее прекращении было дано самим Александром I. Царь неоднократно интересовался деталями снаряжения экспедиции и даже одернул М. М. Сперанского, когда тот попытался поставить под сомнение главную ее цель. Сперанскому было вменено в обязанность лично докладывать о ходе экспедиций не морскому министру или начальнику Морского штаба, а непосредственно царю.

²³ ЦГАВМФ, ф. 166, оп. 1, д. 663, л. 78.

²⁴ Там же, л. 83.

Морское министерство не согласилось с доводами Сперанского относительно ненужности Янской экспедиции. Траверсе уведомил генерал-губернатора Сибири, «что государю императору угодно, чтоб землям, против сей реки лежащим, было сделано точнейшее описание»²⁵.

Сkeptическое отношение Сперанского к «Северной земле» не встретило сочувствия в Морском министерстве. Траверсе напомнил еще раз губернатору Сибири о том, что правительством именно на него возлагается ответственность за обеспечение деятельности экспедиции и что «план продолжения открытий, когда будет действительно найдена земля противу устья Колымы, может измениться» в зависимости от того, миротюбивым ли окажется населяющий ее народ.

Министерство иностранных дел предоставило в распоряжение Морского ведомства все материалы экспедиции Геденштрома²⁶. Ознакомившись с ними, морской министр приказал снять копии со всех записок и бумаг, за исключением счетов. При этом писцы должны были трудиться посменно с раннего утра до позднего вечера.

Исключительная роль в подготовке Колымской и Янской экспедиций для поисков и описи северных земель принадлежала Головину. В Колымскую он определил Врангеля, Матюшкина и Козьмина, в Янскую — В. С. Табулевича и И. П. Ильина. По предложению Головина на должность натуралиста Колымской экспедиции был назначен выпускник Дерптского университета Кибер. Головин добился успешного решения вопроса о значительном повышении денежного содержания всем участникам экспедиций²⁷.

Как только последовало решение о назначении Врангеля начальником Колымского отряда, Головин без промедления вызвал его в Петербург. Врангель всецело отдался подготовке к путешествию. «В начале марта,— писал он 16 февраля 1820 г. Литке,— сухопутное путешествие возьмет свое начало. Другая экспедиция была препоручена Табулевичу, который и принял ее, но после сказался больным, и теперь Анжу начальник оной, Матюшкин [...] принят на место штурмана ко мне. Энгельгардт выхло-

²⁵ ЦГАВМФ, ф. 166, оп. 1, д. 663, л. 85.

²⁶ АВЛР, ф. Главный архив, II—21, 1806, д. 1, л. 535.

²⁷ ЦГАВМФ, ф. 166, оп. 1, д. 663, лл. 31—32.

потал ему Анну 3-ей степени. Другой штурман со мной Козьмин, который будет пожалован в 12-й класс, а с Петром Федоровичем идет Ильин, которому дадут 14-й класс, а нас обоих до отправления представят в лейтенанты; мы ужасно выиграем! — Жалованье будет двойное, круглый год порционные деньги по иркутским ценам и на подъем нам по 2000, прочим офицерам — 1000, а унтер-офицерским чинам — 500. Живописец уже отменен, и на место в челов. матросов будет только по 2, а число козаков прибавится. Инструкции своей я еще не видел; она отдана на рассмотрение Сарычеву, который выдает ее за собственно свою работу. Мы представлялись уже министру, который что-то такое пробормотал, кажется по секрету, ибо никто его не понимает»²⁸.

Перед Янским отрядом под начальством Анжу была поставлена задача описать Новосибирские острова и выяснить, не продолжается ли Новая Сибирь «далее и нет ли еще близь ее других земель». Колымскому отряду предстояло заниматься поисками земли, о которой рассказывали чукчи прежним путешественникам. «Если рассказы чукчей окажутся справедливыми, — писал Сарычев в своем «Плане», — то, открыв землю, путешественники должны обласкать коренных жителей и описать их страну... Но если она окажется пространной», Брангелю разрешалось для ее исследования оставить несколько человек до зимы. Если одного года будет недостаточно на опись, то «закончить оную на другой год»²⁹.

Опись известных земель имела второстепенное значение. Этими задачами должен был заниматься штурманский помощник, а самому Брангелю от мыса Шелагского следовало ехать по льдам моря к северу до неизвестной земли, находящейся лишь в расстоянии однодневной поездки от этого места. При этом делалась ссылка на путешествие Сарычева, в котором шла речь об этой стране. По настоянию Паррота и Струве при содействии Головнина Колымской экспедиции было поручено выполнение широких научных наблюдений.

«Всем астрономическим и физическим наблюдениям вести особенный журнал... а по барометру и термометру перемены записывать: по утру и вечеру в 6 часов, а так-

²⁸ ЦГИАЭ, ф. 2057, оп. 1, д. 443, лл. 10—11.

²⁹ ЦГАВМФ, ф. 25, оп. 1, д. 114, л. 87.

же в полдень и в полночь. Во время северных сияний, а особенно так называемых сполохов, которые сначала показываются в северной стороне сверкающими светлыми полосами, которые, умножаясь время от времени, распространяются по всей атмосфере, тогда она кажется объятою пламенем, в разных местах мгновенно вспыхивающим и исчезающим, и слышан бывает в сие время слабый треск наподобие происходящего от действия электрической машины. Из оного заключить должно, что явление сие происходит в самой нижней части атмосферы и по замечанию некоторых имеет влияние на магнитную стрелку, почему нужно вам в сие время делать примечание над компасом и инклинером, записывая происходящие с ними перемены»³⁰.

Под командованием Врангеля находились мичман Матюшкин, штурман Козьмин, доктор медицины А. Э. Кибер, слесарь С. Иванников и матрос М. Нехорошков. У Анжу было два штурманских помощника И. А. Бережных и П. П. Ильин, лекарь А. Е. Фигурин, матрос Игнашев и слесарь А. Воронков.

Руководить действиями экспедиции было приказано сибирскому генерал-губернатору Сперанскому, через которого начальники отрядов должны были сноситься с Морским ведомством.

Путешествие из Петербурга в Нижнеколымск

Дорога из Петербурга в Москву оказалась скверной. На ухабах и выбоинах то и дело ломалась бричка, в которой были уложены астрономические инструменты. Для ее починки приходилось делать длительные остановки почти на каждой станции. В начале апреля путешественники добрались до Москвы, где Врангель задержался на несколько дней, чтобы приобрести ружья для матросов. Здесь он бросил бричку, решив дальше путешествовать на перекладных. Анжу и штурман Козьмин задержались на некоторое время, дабы по окончании половодья двинуться в путь с инструментами и приборами экспедиции.

О своей поездке из Петербурга до Иркутска Врангель подробно писал Литке:

³⁰ ЦГАВМФ, ф. 25, оп. 1, д. 114, лл. 98—99.

«Экстракт из журнала моего путешествия до Москвы состоит в досаде и проклинаниях и пр., а от Москвы досюда в скуче, за исключением нескольких дней, проведенных мною в Казани между родственниками, в Тобольске, Томске и, наконец, в Иркутске, в кругу добрых и веселых знакомых. Проехал по Европейской России, перебрался через Урал, пролетел бранные поля Кочума, но видел немного: пустые города, коих одно достоинство — широкие улицы; просвещение на станциях, состоящее в том, что проезжему предлагает смотритель чай и суп — за сколько, пожалуйста, и т. д. Я не упоминаю о прекраснейших видах природы около Волги, Владимира и на Европейской стороне Урала, по Иртышу и около Красноярска при Енисее: они занимают только того, кто первый раз ездит через те места, и описать их не кстати. Дороги по Сибири стоят того, чтобы их похвалить; с самого Екатеринбурга можно сравнить езду по Сибири с плаванием пассатными ветрами, и тот, кто ездит по казенной надобности, плавает в Индийском океане, летом, когда *SO* пассат дует шторм, только держись! При всем том, что большая часть сибирских городов суть деревушки, и почти все деревни лучше обстроены, чем надобно, по сравнению с городами; однако же теперь ~~лучшего~~ ^{лучшего} понятия о Сибири, нежели был».

В Иркутске Врангеля и Анжу ждал Геденштром. Встреча с этим полярным исследователем и ~~сведения~~, полученные от него, были очень полезны для руководителей отрядов. Геденштром предупредил моряков, что на берегах и льдах Ледовитого океана ждут серьезные трудности, включая нехватку съестных припасов и корма для собак. По словам Врангеля, картина была мало привлекательна, но она «впрочем, не имела никакого особенного влияния на веселую бодрость нашу». Путешественники отметили серьезное внимание Сперанского к делам экспедиции и дружеское отношение его помощника Г. С. Багенского, впоследствии видного деятеля движения декабристов.

Сперанский, познакомившись с руководителями отрядов и задачами экспедиции, несколько изменил свое скептическое отношение к предполагаемой «Северной змье». «Может быть, мы откроем в Сибири новую Ис-

ландию, — писал он. — Ко мне прислали две партии молодых морских офицеров для открытий по Ледовитому морю. На сих днях отправляю их в путь к белым медведям. Есть, действительно, признаки большого острова, а может быть и земли, соединяющей Сибирь с Америкой»³².

25 июня отряды экспедиции покинули Иркутск. Спустя два дня путешественники прибыли в Качуг, где их ожидало большое плоскодонное судно. 28 июня экспедиция отправилась вниз по Лене и 25 июля достигла Якутска.

Врангель и Анжу были тепло приняты начальником Якутской области М. И. Миницким, который дал офицерам весьма ценные советы относительно предстоящего им путешествия по северу Сибири. Для поисков северных земель экспедиция разделилась на две самостоятельные: Колымскую и Янскую.

В начале августа 1820 г. Янская экспедиция во главе с Анжу отправилась в дальнейшее плавание. Врангель остался в Якутске вместе с Козьминым. Матюшкина он отправил в Нижнеколымск, поручив ему подготовить астрономическую обсерваторию и по мере сил заняться закупкой собак и корма для них, сам же взялся за изучение истории Якутска. Мыслями его владела земля к северу от мыса Шелагского.

«Ты, — писал Врангель Литке, — примечаешь, любезнейший, что я не в спокойном расположении духа. Точно так! Мне бы хотелось теперь полететь в Колымск, сбрать всех живущих казаков, мещан, купцов и уговорить их ласковыми угрозами доставить мне 41 тысячу сельдей, 34 нарты и 408 собак. Потом хотел, чтобы содеялся март месяц и, предводительствуя 33 нартами, пустился бы к Баранову Камню, закопал бы часть собачьего корпу и, отпустив бы порожние нарты, ушел бы на Песчаный мыс и потом *O* до берега, который осмотрел, правил бы оттоле по курсу *N* или вдоль берега до севернейшего его конца и т. д. Таковы мои желания»³³.

12 сентября, не дождавшись полного выздоровления, Врангель покинул Якутск. Путешествовать приходилось

³² Цит. по кн. В. Вагин. Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 год, т. II. СПб., 1872, стр. 165.

³³ ЦГИАЭ, ф. 2057, оп. 1, д. 443, л. 16. Врангель — Литке.

за вьючных лошадях и ночевать на «почтовых станциях», где вместе с людьми находились домашние животные. Чаще всего Врангель спал в лесу у костра на медвежьей скуре под толстым меховым одеялом. Он скоро привык к неудобствам и 20-градусные морозы казались ему «мягкой температурою».

17 сентября при переправе через реку Алдан плоскодонное деревянное судно, на котором вместе с путешественниками находились инструменты, вещи и лошади, начало наполняться водой. Течь увеличивалась, судно погружалось все глубже. Врангелю казалось, что здесь, в шести днях езды от Якутска, бесславно закончится его участие в поисках «Северной матерой земли». Еще минута, другая — и утонут приборы, книги, припасы и лошади. О собственном спасении он не помышлял, как не думали об этом и его спутники. Вдруг они заметили небольшой остров и благополучно добрались до него. Пазы судна проконопатили мхом, замазали их глиной и откачали воду. Остальную половину Алдана пересекли довольно успешно.

Дальнейший путь Врангеля лежал через болота и мрачные леса, сквозь заросли ив и осин, через завалы бурелома и стремительные реки.

С тревогой и опасением ~~желания прородиться~~ о самой трудной части пути — переходе через Верхоянский горный хребет. Рассказывали, что там бывают столь неистовые ураганы, что они сбрасывают в ущелья и людей, и лошадей. «Случалось, что целые караваны низвергались в пропасть, подле которой вьется узкая дорога». Но погода стояла прекрасная. Врангель благополучно перепел через горы и спустился в долину реки Яны. «Верхоянский хребет, разделяя Ленскую и Янскую системы, — писал он, — состоит сплошь из чистого черного сланца; северный скат его не так крут, как южный. Хребет сей, по нашим наблюдениям, лежит под $64^{\circ}20'$ широты и составляет замечательный раздел в произведениях прозябаемого царства»³⁴. Девять дней путешественники шли тропинками, лишь однажды повстречав жалкий шалаш, в котором жил тунгус с дочерью и двумя собаками. Он потерял своих оленей и теперь жил охотой.

---

³⁴ Ф. П. Врангель. Путешествие..., ч. I, стр. 200.

«Надо себе представить необозримую безлюдную пустыню и его полупрозрачное жилище,— писал Врангель,— чтобы получить понятие об образе жизни сих отшельников. Особенно ужасно положение бедной девушки, когда отец ее на лыжах уходит в лес и часто несколько дней гоняется безуспешно за оленями, а она остается одна, почти не имея одежды, чтобы согреться от ужасного холода, терпя часто недостаток в пище и проживая в жалком шалаше, который даже и летом не доставляет достаточной защиты от дождя и непогоды»³⁵.

Еще много раз предстояло Врангелю увидеть большое горе, голод и крайнюю нужду. А пока он тащился на лошади по первому снегу, в шубе, покрытой льдом. Не было возможности обогреться, и когда Врангель наконец встретил юрту якута, она показалась ему дворцом, а мерзлая рыба, нарезанная тонкими кусочками (строганина),— настоящим лакомством.

10 октября Врангель добрался до Зашиберска, небольшого городка на правом берегу Индигирки, где кроме церкви стояло пять домов. Дальше ехали лугами и озерами, прикрытыми неглубоким слоем снега. Летом здесь почти невозможно пробраться через топкие болота, но зимой, кроме ветра и пурги, среди безбрежной пустыни ничто не угрожало путнику.

Спустя 15 дней поздним вечером они прибыли в Среднеколымск. Здешние жители нашли форменную одежду Врангеля непригодной для путешествия. Его одели в песцовую куртку и заячьи штаны. На ноги кроме двух пар носков из мягкой шкурки молодого оленя заставили натянуть меховые сапоги, а на голову надели шапку, спитую из лисьего меха.

Такое одеяние очень стесняло Врангеля. Было тяжело ходить, а еще труднее взбираться на лошадь или пролезать через узкие двери якутских юрт. Но через несколько дней, когда он ехал в Нижнеколымск на нартах, запряженных собаками, он чувствовал себя превосходно и не жаловался ни на 30-градусный мороз, ни на резкий северный ветер.

2 ноября 1820 г. Врангель прибыл в Нижнеколымск, который почти два века тому назад основал Михаил Стадухин, тот самый казак, который пришел в эти края за

³⁵ Ф. П. Врангель. Путешествие..., ч. I, стр. 204—205.

мамонтовой костью и моржовыми клыками, построил острог на Колыме и узнал от местной жительницы Калибы, что к северу находится «Большая земля».

«По приезде моем в Нижнеколымск,— писал Врангель,— отвели мне квартиру в самом большом доме, стоявшем уже несколько лет пустым и слывшем убежищем нечистых духов. Изба была выстроена по общему образцу здешних строений и состояла из двух комнат, каждая в две квадратные сажени и в 4 арш. вышины от пола до крыши, совершенно плоской и покрытой землею. Первая комната, с русскою печью, служила кухней; в ней поместил я людей моих; в задней, с чувалом, расположился сам. В обеих комнатах находилось по одному маленькому окну, заделанному слоем льда, в 6 или 8 дюймов толщины, сквозь который проникал тусклый свет, подобный тому, какой дают стекла на судах, вделанные в палубу над каютами. Скамья, служившая кроватью, шаткий стол, и стул, связанный ремнями, составляли всю мою мебель»³⁶.

Спустя полчаса после приезда Врангеля вернулся Матюшкин, который ездил к устью Колымы закупать у местных жителей рыбу на корм собакам. Нижнеколымские власти, которым из Якутска предписано построить зимовье у Баранова Камня, в запасе несколько сот пудов рыбы, ничего не сделали, поставив тем самым экспедицию в весьма трудное, почти безвыходное положение. Еще хуже обстояло дело с постройкой импровизированной обсерватории, ибо, по словам Врангеля, «ни готового леса, ни плотников не было», и только благодаря стараниям Матюшкина приступили к постройке обсерватории. Несмотря на сильные морозы, доходившие до 35°, ее постройка вскоре была завершена, и «полезное употребление астрономических инструментов экспедиции сделалось возможным»³⁷.

Еще более красочно Врангель рассказал о тяжелом положении своей экспедиции в письме к Литке. «Дыша твердым намерением преодолеть все трудности и пренебрегать беспокойствиями, дабы достигнуть своей цели и исполнить возложенное поручение,— сообщал он 15 июня 1821 г.,— предпринял я путешествие и прибыл в Нижне-

* Ф. П. Врангель. Путешествие..., ч. I, стр. 271.

** ЦГАВМФ, ф. 215, оп. 1, д. 781, л. 77.

колымск, здесь представились препоны моим планам совершенно иного рода в сравнении с теми, о коих пылкая мысль молодости разумеет, когда рассуждает о невозможностях, с коими хочет бороться и покорить, умирающую бедность должно было встретить на каждом шагу, голос притесненной невинности слышать со всех сторон, быть свидетелем бесчувственности, испорченного низкого нрава, сплетен, интриг, мерзостей: надлежало уничтожить, т. е. задушить, последних и помочь первым и, наконец, не видеть средств, чтобы приступить к своему делу. Расскажу по порядку, как поступил при сих обстоятельствах: уверившись однажды, что из самого Нижнеколымска мне нельзя было почерпнуть все нужные пособия и что тот, от которого я должен был требовать исполнения надобностей — разумею комиссара Среднеколымского округа, — был не достоин того, чтобы я к нему относился, и слаб, чтоб быть мне пособником, обратился к якутам около Среднеколымска и жителям Средне- и Верхнеколымска. Обещая им награды, набрал у них значительное количество рыбы и зимою же на лошадях велел перевести оную в Н[ижне] к [ольмск]. Правда, о государственном интересе я тогда мало думал, ибо не понимал, как выгода государства может состоять в бедности жителей. Счастливое событие поправило еще наш запас собачьего корма; т. е. неожиданный удачный промысел осенью, или, лучше сказать, в начале зимы, на устье Колымском; однако с скучным терпением должны были собирать кротики из навозной кучи. Умолчу о мелочах, причинивших мне тогда много хлопот и неудовольствий, а скажу только, что в начале января были наконец в состоянии думать о возможности предпринять изыскания по льду»³⁸.

Для того чтобы выполнить опись северных берегов Сибири от Колымы до мыса Шелагского и предпринять к северу от него поиски «матерой земли», по подсчетам Врангеля, требовалось около 50 нарт, 600 собак и 30 тыс. рыб. Врангелю и Матюшкину удалось запастись почти всем потребным для обеспечения деятельности экспедиции. Особенно большую помошь оказал сотник Антон Татаринов. Он участвовал в экспедиции Геденштрома, слыл отличным знатоком собак, великолепно знал сибирские берега и полярные льды и был незаменим для Вран-

³⁸ ЦГИАЭ, ф. 2057, оп. 1, д. 443, лл. 18—19. Врангель — Литке.

геля, с которым участвовал во всех санных поездках. Большую поддержку путешественникам оказал купец Ф. В. Бережной. Он отдал экспедиции 2500 рыб, отказавшись от платы и объявив, что доставит собачий корм из Среднеколымска на своих лошадях.

В последний день 1820 г. в Нижнеколымске появился английский морской офицер Джон Дундас Кокрен. Сначала он собирался путешествовать пешком по Африке, но британское Адмиралтейство рекомендовало ему отправиться в Россию и при содействии русских властей совершить путешествие через Сибирь в Русскую Америку. В Петербурге ему выдали открытый лист, который воистину открывал дорогу во все области Российской империи. 31 декабря Кокрен встретился с Врангелем. Между путешественниками установилось «нехолодное расположение» друг к другу. Однако, когда Кокрен высказал желание принять участие в русской экспедиции, Врангель отказал ему. Правда, якутский областной начальник Миицикский советовал дать положительный ответ, но Врангель казалось, что сибирский генерал-губернатор не хотел, чтобы Кокрен принял участие в этой ответственной и важной экспедиции, за ходом которой внимательно следило русское правительство. «Причины», — писал Врангель Литке, — честолюбие мое не позволило допустить английского капитана участвовать там, где хотел действовать сам»³⁹.

Дело было не только в честолюбии Врангеля. Он отлично понимал, что перед экспедицией поставлено решение важных национальных задач русской географии, и, следовательно, об участии Кокрена в поисках русских моряков не могло быть и речи.

Кокрен решил отправиться на ярмарку в село Островное, где надеялся уговорить чукотских старейшин доставить его к Берингову проливу и самому убедиться в справедливости гипотезы Джемса Бурнея, доказывавшего существование перешейка между Азией и Америкой.

В начале февраля 1821 г. Врангелью стало известно, что большая часть закупленных собак и нарт может быть оставлена в Нижнеколымск лишь в середине марта. Инструкцией ему предписывалось исследовать берег Ледо-итого моря от Колымы до Шелагского мыса. Здесь он

• ЦГИАЭ, ф. 2057, оп. 1, д. 443, л. 21. Врангель — Литке.

должен был отрядить Козьмина для продолжения описи к востоку, а сам отправиться по льду к северу, к пространной обитаемой земле, и обследовать ее в течение весны, а если потребуется,— то и лета. Не располагая средствами, необходимыми для выполнения этой грандиозной задачи, Врангель изменил план действий. Не дожидаясь доставки нарт из Средне- и Верхнеколымска, он решил составить небольшой отряд и предпринять путешествие до мыса Шелагского, «коего положение было весьма мрачно».

Врангель сообщил М. М. Сперанскому, что находится «в состоянии приступить сего же года к определению Шелагского мыса и к отысканию Северной земли»⁴⁰. Отправляясь с небольшим отрядом на Чукотку, Врангель считал, что малое число доброжелательных путешественников встретит гораздо лучший прием и будет в большей безопасности, чем значительная военная сила. Тем более, что появление летом 1820 г. у чукотских берегов экспедиции М. Н. Васильева в составе шлюпов «Открытие» и «Благонамеренный» должно было внушить уважение к русским и тем самым служить защитой для Колымского отряда.

Путешествие к Шелагскому мысу. Поиски «Северной земли»

19 февраля 1821 г. Врангель выехал из Нижнеколымска на трех путевых и пяти завозных («провиантских») нартах. Он имел намерение осмотреть берег океана от Большого Баранова Камня до мыса Шелагского, к северу от которого, по утверждению Сарычева, находилась обитаемая «матерая земля», а по мнению Бурнея, располагался перешеек, соединяющий Азию с Америкой.

На третий день Врангель в сумерках добрался до мелкого Сухарного, лежавшего в устье восточного рукава Колымы и состоявшего из двух сараев, или балаганов. В одном из них путешественников ждали промышленники, ранее высаженные Врангелем. В сарае, напоминавшем снежную пещеру, горел огонь и был готов ужин. Хотя жилище было заполнено густым дымом, путешественники считали, что эту ночь провели хорошо. Дальше им

⁴⁰ ЦГАВМФ, ф. 215, оп. 1, д. 781, л. 82.

вом должна была служить палатка из оленых шкур. Изначально путь лежал через места, где путешествовали Биллингс и Сарычев. Врангель сравнил собственные географические определения с наблюдениями своих единомышленников и был очень доволен, что они «совершенно согласовались», убеждая путешественников «в досточности и надежности принятых ими правил измерения» (имелась небольшая разница лишь в определении протяженности).

24 февраля экспедиция оставила позади Большой Баканов Камень. Дальше лежали места, которые были известны только по сообщениям Никиты Шалаурова. Каждый мыс, каждый утес, каждый изгиб берега надо было следовать с особенной тщательностью.

В ночь с 26 на 27 марта при 30-градусном морозе выпалась сильная метель. Холод в палатке сделался выносимым. Даже меховые одеяла плохо грели. Время от времени путешественники выходили на улицу и бегали вокруг своего жалкого жилища, чтобы согреться. Особенно страдал от холода штурман Козьмин. Сняв сапоги, обнаружил, что шерстяные чулки покрылись ледяным кристаллом и привели к коже. Пришлось осторожно снять кристаллы и оттереть ноги водкой. От холода крота страдали не только люди, но и собаки, и виновность кротов во всем способствовала успеху экспедиции. Проводники тянули животным на лапы меховые чулки — горбасы. На следующий день пропали всего лишь 20 метров истановились на привал вблизи устья реки Большой Аранихи. К северу простиралось скованное льдом море. Самого горизонта параллельно берегу виднелась непрерывная гряда возвышений. То были хаотические нагромождения льдин, иногда достигавшие высоты современного 10-этажного дома. Ночью Врангель занимался астрономическими наблюдениями, надеясь определить истинное время, но его ждала неудача — искусственный ртутный ризонт оказался в полузамерзшем состоянии. Поверхность его покрылась кристаллами, и Врангелю пришлось скратить наблюдения. Весьма трудно было работать секстантом. Стоило к нему прикоснуться обнаженной рукой или лицом, как кожа немедленно примерзала к металлическому прибору.

«Несмотря на то, — писал Врангель, — мало-помалу пришли мы такой ловкости, что производили наши на-

блюдения при 30° мороза и ночью при тусклом свете маленького ручного фонаря с достаточной точностью со-считывали на дуге секстанта градусы, минуты и секунды. На хронометры также простиерлось влияние холода: они сами собой остановились. Опасаясь этого, носил я их днем при себе, а на ночь прятал в обвернутый несколькими шкурами ящик, который с собою клал под одеяло. Несмотря на все мои предосторожности, вероятно, ночью, когда огонь потух в нашей палатке, холод, проникнув через все обвертки, заморозил масло, между колесами находившееся, и остановил их движение»⁴¹.

1 марта путешественники достигли острова Сабадей (Айон) в Чаунской губе. Здесь они обнаружили следы недавней стоянки чукчей. Проводники советовали Врангелью вернуться в Нижнеколымск. Но он лишь отослал завозные нарты, провизию с которых сгрузили в продовольственное депо (четвертое по счету). На следующий день Козьмин объявил, что видит землю. Путешественники поднялись на береговой утес и с его высоты в телескоп различили огромную полынью, а за ней гряду торосов. Ночью Врангель наблюдал изумительной красоты полярное сияние, которое переливалось исполинскими огненными полосами над застывшим морем. Как предписывалось инструкцией, он наблюдал за колебаниями магнитной стрелки компаса, но не заметил каких-либо изменений в ее положении.

3 марта путешественники провели на льду Чаунской губы, дав отдохнуть измученным дальней и трудной дорогой собакам. Дрова кончались. Их хватило лишь согреть чай и сварить суп. Врангель, Козьмин и три казака едва не замерзли. Кругом были льды, торосы, и никто не мог сказать, сколько верст отделяет их от цели. И вдруг вечером путешественники увидели на востоке очертания невысоких куполообразных гор, которые отражались в зеркальной поверхности огромной полынни. То был мыс Шелагский. Казалось, что он находится от места стоянки в расстоянии одного дневного перехода.

«На другое утро при солнечном свете,— писал Врангель в «Дневнике»,— превратилась вода в гладкий лед, когда подъехали к сей полосе, то, к великому удивлению нашему, не находили ни воды, ни ровного льда, а одни ужасные торосы, из крупных и мелких льдин синеватого

⁴¹ Ф. П. Врангель. Путешествие..., ч. I, стр. 309.

цвета составленные, образовали почти непроходимый вал от 15 до 20 сажен вышиною и облегали вокруг всего мыса. Странное преломление лучей в густой атмосфере причинил сей феномен, так нас обманувший, что мы не мало заботились о переправе чрез предполагаемую полынью. Вероятно, что усмотренная нами широкая полынья марта 2-го была также полоса высоких бесснежных торосов.

На примкнувших к мысу кругообразных горах и в ложбинах усмотрели некоторые из нас высокий стоячий лес, а боязливое воображение других превращало мнимые деревья в чукоцкие юрты: в самом же деле было это множество кекуров, подобных стоящим на Барановом Камне и описанных в путешествии капитана Сарычева⁴².

5 марта Врангель впервые наблюдал необыкновенное метеорологическое явление, впоследствии получившее в научной литературе название фена. В этот день крепкий юго-восточный ветер принес теплую погоду. Термометр поднялся с -40 до -3° . Зато путь до Шелагского мыса превзошел все ранее испытанные трудности и опасности.

«В 3 часа проехали не более 9 верст, — писал Врангель, — каждый шаг вперед угрожал тем опасностью изломать нарты и переломить собак, которые стыкались и проваливались между острыми льдинами, не могу представить вернее положение наше, как сравнить нарту, огибающую по торосам Шелагской мыс, со сплющкою, бросаемую волнением мыса Горна. Переехав торосы на другую их сторону, спустились на довольно ровный лед, покрытый морскою солью в таком множестве, что мы должны были пособлять собакам тащить нарту по оной, и ежели торосы сравнить с большим волнением, то сия соль для нарты то, что противный шторм мореходцу. Мы и наши собаки измучились так, что решились было остаться здесь и провести другую ночь без дров, ибо насосного лесу по подошвам гор не находили, заметив, однако, вдавшийся губою низменный берег позади близ нас находившегося отруба, попытались стащиться до того места, где к великой радости, нашли несколько бревен»⁴³.

⁴² ЦГИАЭ, ф. 2057, оп. 1, д. 443, л. 40. Подлинник. Копия хранится в архиве И. Ф. Круzenштерна (ЦГАВМФ, ф. 14, оп. 1, д. 189, л. 1—6).

⁴³ Там же, л. 41.

Итак, Врангель достиг цели своего первого путешествия и определил координаты мыса Шелагского. Несмотря на скучные запасы продовольствия и корма для собак, он предпринял попытку определить направление берега на восток от мыса Шелагского. Врангель прошел до скалистого мыса, который назвал именем своего спутника — штурмана Козьмина. Убедившись в том, что берег принимает юго-восточное направление, путешественники из-за недостатка корма прекратили опись. Таким образом, писал Врангель в донесении Сперанскому, «обнаружилось неправдоподобие какого-либо соединения в сем месте перешейком Америки с Азией, как утверждают некоторые, но, к сожалению, было невозможно доказать совершенно противное, ибо надлежало бы достичь Северный мыс Кука, для исполнения чего нужно обратить все способы и средства экспедиции в сию одну сторону, не разделяя оных, как-ныне»⁴⁴.

7 марта экспедиция отправилась в обратный путь, производя по пути опись восточных берегов Чаунской губы. Путешественники открыли мыс, который назвали именем Матюшкина, и небольшой остров Роутан (Араутан). На обратном пути они пережили тяжелый голод. Три из четырех продовольственных складов были разорены песцами и росомахами. Несколько дней путешественники ничего не ели. Едва живыми Врангель, Козьмин и три сопровождавших их казака добрались до Нижнеколымска, пройдя за 23 дня 1122 версты.

«Не могу тебя, — писал Врангель Литке, — занять описанием любопытных происшествий, красот природы и подобными предметами, придающими обыкновенно столь много занимательности по отдаленным безвестным странам не столь единообразным, не столь суровым и диким, как сибирские берега Ледовитого моря: отрубистые скалы чередуются здесь с низменным, во льдах моря теряющимся берегом; глубокий снег покрывает всю землю, льдяные горы ограничивают северный горизонт, мохнатый житель льдистого Севера, белый медведь, выходит угремо из своей норы и не находит добычи, укрывается паки в оную — и северным сиянием освещаются ночью

⁴⁴ ЦГАВМФ, ф. 215, д. 781, л. 85. Врангель имеет в виду «известное мнение Бурнея». (Ф. П. Врангель. Путешествие..., ч. I, стр. 320).

хладные сии предметы, путешественника окружающие. Но следя со мной по тем местам, может быть, объясняются тебе некоторые темные рассказы о плаваниях сибирских казаков, по сему морю еще в 17-м столетии ходивших, и как любитель географии порадуешься со мною, что некоторые важные погрешности в прежних картах исправятся и что гипотеза о соединении Америки с Азией отчасти опровергнута»⁴⁵.

В Нижнеколымске Брангель застал доктора Кибера, которому предстояло заниматься естественнонаучными исследованиями.

20 марта возвратился Матюшкин, ездивший в село Островное, где во время ярмарки встретился с чукотскими старейшинами. Однако все они, приняв подарки, молчали. Лишь один Валетка нарисовал на снегу к северо-востоку от мыса Шелагского остров и сообщил, что он «горист, обитаем и должен быть весьма велик и куда ежегодно они отправляются на кожаных байдарах для торгу». Матюшкин думал, что Валетка имеет в виду берега Америки. Но после ярмарки, расспрашивая толмача Мордовского, «узнал, что последнее обстоятельство он сам от себя прибавил» (вероятно, о торговле чукчей с жителями гористой земли). Матюшкин остался «в недоумении, какая это земля, и токмо впоследствии объяснилось, что чукча этим островом означал не противодежащий берег Америки, а землю, видимую из север от Якана»⁴⁶.

Старейшины пригласили путешественников посетить их родину. В то же время они сообщили Матюшкину, что невозможно, следя по льду, открыть землю, которая бывает видна к северу от берегов Чукотского полуострова. Вместе с Матюшкиным ездил англичанин Кокрен. Он решил выдать себя за купца и просил его провести через Чукотку в Америку. Тойон Леут запросил с него 10 пудов табаку. Такую непомерную цену не только Кокрен, но и вся Колымская экспедиция не могла заплатить

ЦГИАЭ, ф. 2057, оп. 1, д. 443, л. 39. Брангель — Литке. К этой фразе Брангель сделал примечание о том, что гипотеза выдвинута в недавно опубликованных трудах английского капитана Бурнея.

Ф. Ф. Матюшкин. Журнал путешествия по тундре к востоку от Колымы летом 1822 года. В кн. Ф. П. Брангель. Путешествие..., изд. 2. М., Изд-во Главсевморпути, 1948, стр. 407.

если бы даже продала все свое имущество. Англичанину пришлось вернуться в Нижнеколымск. От Брангеля он узнал, что мыс Шелагский — это не перешеек, соединяющий Азию и Америку. Более того, берег за ним принимает юго-восточное направление, и, следовательно, его соотечественник Джемс Бурней заблуждался. Неизвестно, дошли ли до Бурнея первые вести о начале крушения его гипотезы. Он умер в ноябре 1821 г. от апоплексического удара, оставив миру несколько томов трудов об открытиях в Тихом океане и плаваниях русских на северо-востоке.

25 марта Брангель направился к устью Колымы, где в становище Сухарном ждал его Матюшкин. Штурмана Козьмина он оставил в Нежнеколымске, поручив составление карт путешествия к Шелагскому мысу. Нарушая инструкцию, которую получил от Морского ведомства, Брангель начал поиски «Северной земли» не в районе Шелагского мыса, а севернее устья Колымы. Выйдя 27 марта в путь, через день достигли Четырехстолбового острова. 31 марта экспедиция направилась дальше на север. Выйдя из района торосов на ровный лед, путешественники обнаружили, что он покрыт слоем твердых и острых кристаллов соли, по которому нарты тащились, как по песку. Моряки и проводники шли пешком, щадя уставших собак. Затем окрестности окутал туман, и на льду появилась вода. Брангель увидел в этом признаки близости «открытого моря».

1 апреля экспедиция пересекла 71-ю параллель и не обнаружила «Северной земли». Лишь на северо-западе виднелось синее облако тумана, который, как утверждали проводники, свидетельствовал о близости открытой воды.

На следующий день, едва оставив место ночлега, путешественники попали в гряды больших торосов, через которые с трудом удавалось перетащить тяжелогруженые нарты. На ровном льду по-прежнему попадались в огромном количестве кристаллы соли. Порой путь был настолько тяжел, что приходилось перетаскивать упряжки. Встретив тюленью лунку, Брангель измерил толщину льда. Она составляла всего около 40 см. Надежность льда вызывала опасения, но путешественники продолжали идти на север, то карабкаясь через торосы, то увязая в рыхлом глубоком снегу. Вечером экспедиция находилась на 71°31' с. ш.

Ночи были похожи на день. Разница между сумерками и рассветом, по словам Брангеля, была почти неприметна. Он решил двигаться дальше ночами, когда снег лучше держал наряды и солнце не столь сильно слепило глаза.

3 апреля Брангель отправил три наряда в Нижнеколымск, а как только солнце опустилось за горизонт, он продолжал путь на север. Вдали виднелась полоса тумана. «Сначала собаки бежали довольно скоро по гладкому снегу, хотя и был он покрыт иногда соляными кристаллами, но, проехав 15 верст, очутились мы, так сказать, в рассольном болоте, и уже никак не могли подвигаться вперед. Исследовав лежащий под соляным слоем лед, я нашел, что он был не толще 5 дюймов и так мягок, что можно было резать его ножом. Мы поспешили удаляться с такого опасного места и, проехав на четыре версты, встретили довольно гладкую, твердым снегом покрытую долину. В двух верстах отсюда снова исследовали мы лед и нашли его толщиной в поларшину. Глубина моря была 12 сажен, дно его состояло из илистой зеленоватой глины. Проехав еще $1\frac{1}{2}$ версты, остановились мы отдохнуть у небольших торосов. Торосы льда и глубина моря были прежние. Через некоторое время, вставленные во льду для исследования, вода выступила на лед и разлилась на большое пространство во все стороны. Она была отвратительного солоноватого вкуса, который тотчас сообщился подмоченному ею снегу. Когда водяные частицы испаряются от действия солнечных лучей, на снегу остается толстый слой морской соли и отчасти кристаллизуется, а отчасти проникает в лед и способствует его разрушению. Северный ветер скреплял и, вероятно, сильно взволновал открытые места моря, потому что вода из сделанного нами отверстия более и более выступала, лед, на котором мы находились, пришел в волнообразное движение. Вдали раздавались плески волн и треск льдов. Положение наше сделалось довольно затруднительное, даже сопровождавшие нас туземцы весьма беспокоились, и только собаки, не чувствуя опасности, им угрожавшей при разломке льда, спокойно спали»⁴⁷.

Брангель считал неблагоразумным и даже опасным быть дальше всей экспедицией. Поручив Матюшкину по-

Ф. П. Брангель. Путешествие..., ч. II, стр. 19—20.

печеине об обозе, он с двумя проводниками и двумя нартами, на которые погрузил лодку, весла, доски, провизию, отправился прямо на север. Лед покрывал глубокий слой рассола, по которому с трудом тащились собаки. Затем начались трещины. Через них переправлялись по шестам и доскам. Вскоре путь преградила полынь. Ее обогнули с левой стороны, чтобы через версту встретить более широкое разводье. Лед становился все тоньше и ненадежнее. Местами на нем виднелась земля. Из трещин выступала мутная вода, «уподобляя сию часть моря обширному болоту». Врангель пришел к выводу, что «море начало ломаться с недавнего времени».

«Несмотря на то,— писал Врангель,— мы подвинулись еще на две версты к северу, перескакивая или переправляясь на досках через небольшие щели и обходя полынь, но вскоре, однако же, полыни так умножились, что трудно было определить, чем покрыто море: сплошным ли растрескавшимся льдом, или плавающими льдинами. Во всяком случае, каждый несколько сильный шквал мог совершенно раздробить или разогнать поддерживавшие нас глыбы и превратить место, где мы стояли, в открытое море. Лежавший на поверхности свежий снег явно доказывал, что лед был разломан только в предшествовавшую ночь северным ветром. Судьба наша зависела от дуновения ветра»⁴⁸.

Открытая вода была совсем рядом. Сравнивая характер торосов в прибрежном районе около Бааранова Камня с только что образовавшимися торосами в 224 верстах от сибирского побережья, Врангель обратил внимание на различие составляющих их льдов как по толщине и прочности, так и по степени солености. Здесь, у границы открытого моря, он был в несколько раз тоньше, чем в «недальнем расстоянии от материка», и толщина его колебалась от 12 до 4 см, что совершенно, по словам Врангеля, противоречило действию жестоких сибирских морозов. Он высказал предположение, «что в продолжение целой зимы сия часть моря то замерзает, то следующим свежим ветром опять разламывается так, что мороз никогда не может действовать долгое время на тот же лед, а должен образовать свежий и уже не столь твердый по причине остающейся всегда в большом количестве

⁴⁸ Ф. П. Врангель. Путешествие..., ч. II, стр. 22.

соли в воде, ибо известно, что при образовании льда проходит в него сначала только малая часть соли.

Различие между торосами сей части моря и находящихся близ материка, равно и тонкость льда, подает повод заключению, что море здесь не сужено какою-либо обширною землею, не в дальнем на севере расстоянии находящейся. Но, с другой стороны, трудно объяснить малую глубину моря.

Поворотив с сего места обратно, поспешил к оставшимся позади нартам, дабы сего же дня переехать со всем отрядом на др. гое надежнейшее место»⁴⁹.

Таким образом, своей поездкой на север от Баранова Камня Врангель поставил под сомнение выводы Сарычева, что море в этом районе невелико и недалеко на севере должна находиться «матерая земля»⁵⁰.

Экспедиция направилась на юго-восток и вскоре встретила гористый остров высотой более 20 м, который оказался ледяным. «Сопки сего льдяного острова, — писал Врангель, — показались нам издали за действительные каменные горы, даже находясь на оных, прорубали мы глубокие ямы, чтобы увериться в их составах»⁵¹. Именно такие ледяные острова с высокими сопками, которые даже вблизи трудно отличить от каменных, могли быть приняты за неизвестные земли, поисками которых потом десятилетиями занимались исследователи. Остров был достаточно внушителен по размерам, так как путешественники ехали по нему в течение почти двух дней. Он был окружен свежими труднопроходимыми торосами. Врангель решил основать на ледяном острове продовольственный склад и, отослав в Нижнеколымск еще восемь завозных нарт, продолжать поиски небольшим отрядом. У него осталось шесть путевых нарт, на которые нагрузили 15-дневный запас продовольствия.

6 апреля поиски «Северной матерой земли» продолжались. Едва пробились через гряды торосов, как оказались на льду, который пересекали трещины. Ночевать пришлось в полукилометре от полыни. Нередко слышался треск ломающихся льдин. «Всю ночь дрожал лед под нами», — писал Врангель.

⁴⁹ ЦГИАЭ, ф. 2057, оп. 1, д. 443, л. 43.

⁵⁰ Г. А. Сарычев. Путешествие..., стр. 96—97.

⁵¹ ЦГИАЭ, ф. 2057, оп. 1, д. 443, л. 46.

На следующий день переправились по плавающим льдинам через обширное разводье. Когда, преследуя белых медведей, пробирались среди лабиринта торосов, лед неожиданно пришел в движение. Раздался такой треск, что некоторые из спутников Врангеля не удержались на ногах. Пришлось немедленно отступать назад и возвращаться к месту прежнего ночлега, правда, тоже весьма ненадежного.

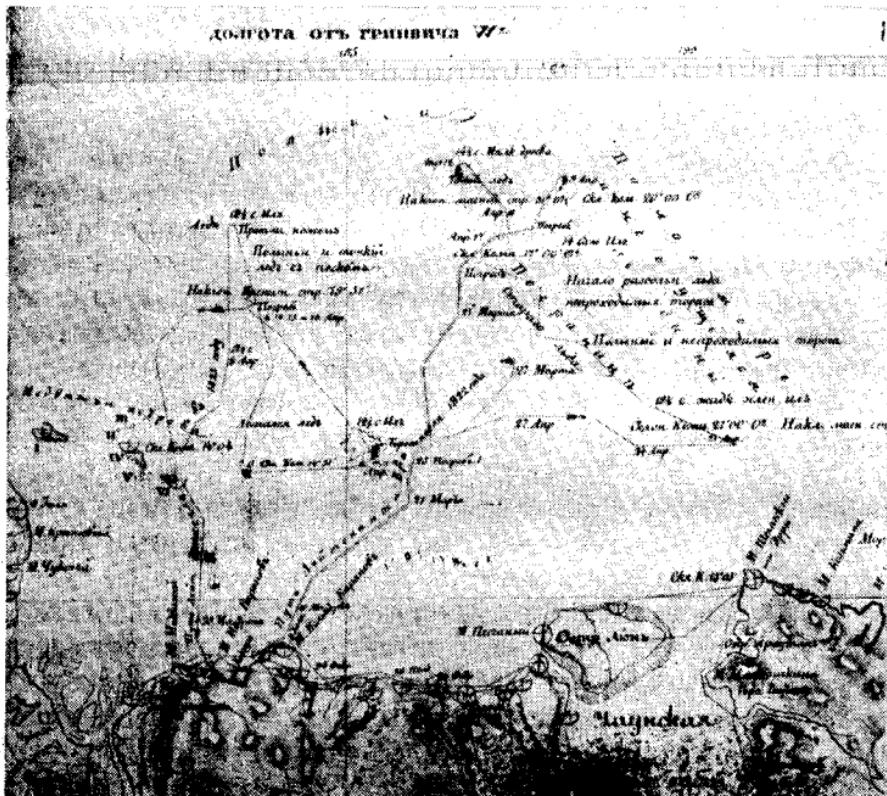
9 апреля почти весь день пытались выбраться из хаотических нагромождений торосов. Но им, казалось, не будет краю. В конце концов измученные путешественники с изнуренными собаками и изломанными нартами повернули на юг.

На следующий день Врангель и его товарищи по путешествию отдыхали и целый день жгли костер. 11 апреля экспедиция снова оставалась на месте. Проводник Врангеля страдал такой сильной болью в пояснице, что «не мог подняться на ноги». Вынужденную остановку использовали для починки пострадавших нарт.

Лед, на котором находились путешественники, был ненадежен. Частый треск разламывающихся льдин рождал невольные опасения. Все чаще встречались полыни, которые приходилось обходить по встороженным льдам. Собаки были доведены до крайнего изнеможения. Врангель понял, что дальнейшие попытки проникнуть к северу будут бесполезны, и он решил возвращаться к продовольственному складу, оставленному на ледяном острове. От прежней дороги не осталось и следа. Она была емката подвижками льда. Путешественникам снова пришлось перебираться через торосы. «И на каждом шагу, — писал Врангель, — огромные полыни и щели пересекали нам путь. При переправе через одну из трещин восемь собак из моей упряжки упали в воду, и только необыкновенная длина нарты спасла и меня и собак от погибели»⁵².

15 апреля экспедиция добралась до продовольственного склада, который оказался в сохранности. 17 апреля Врангель выехал на запад от ледяного острова и в тот же день достиг района моря, обследованного Геденштромом 11 лет назад. Отсюда он повернул на юг к острову Четырехстолбовому. В пути экспедицию застигла ме-

⁵² Ф. П. Врангель. Путешествие..., ч. II, стр. 38.

Деталь «Меркаторской карты части северного берега Сибири»,
публикованной в книге Ф. П. Врангеля «Путешествие по север-
ным берегам Сибири и по Ледовитому морю»
(путешествие Врангеля в 1821 и 1822 гг.)

тель, во время которой даже в нескольких шагах невоз-
можно было видеть друг друга.

20—23 апреля путешественники занимались описью Медвежьих островов. Они положили на карту шесть островов, в том числе и тот, который «скрывался по сие время от прежних описателей». «На всех,— отмечал Врангель в «Дневнике»,— находили признаки бывших здесь прежде людей и в доказательство, что не только на нем были посещаемы сии острова, но что были и по там на оных, видели на севернейшем острове весло, чио такое употребляют по рекам Северной Сибири, разоренные сорты, нарточные полозья, лыжи и прочие чио были находимы на каждом из сих островов.

На двух больших нашли в земляном яре мамонтовую сть, но земля, будучи замерзша и покрыта большею

частью снегом, препятствовала войти в обстоятельное разыскание по сей части, сколько ни трудился находящийся с нами купец Бережной»⁵³.

24 апреля Врангель направился на юг, держа путь к Крестовому мысу. Здесь, судя по преданиям, существовал еще один остров. Но вместо острова путешественники оказались на сибирском берегу, где один из проводников нашел ловушку, поставленную им на песца. Он привел своих товарищ в сарай вблизи реки Агафоновой, под защитой которого они провели ночь. В этот день у путешественников кончилась провизия, а корма для собак осталось только на два дня. И хотя на следующий день бушевала метель, Врангель продолжал путь к Колыме. По дороге они нашли приют у жителей Ненаселенной деревни, где сбросили с себя промерзшие шубы и согрелись у пылающего очага. «День сей был для нас истинным праздником», — писал Врангель.

28 апреля экспедиция возвратилась в Нижнеколымск, даже не увидев в телескоп, который она возила с собой, очертаний «Северной матерой земли». «Единственные предметы были торосы, туман и облака», — писал Врангель, который был недоволен «неблестящим успехом экспедиции»⁵⁴. Его помощник Матюшкин был потрясен неудачей. Чтобы добиться успеха, они «рисковали очень много», и только трезвость и решимость Врангеля привели вторую поездку к счастливому окончанию. Матюшкин не исключал трагического исхода их путешествия. Ознакомившись с отчетом Врангеля, Крузенштерн отказался, что поиски «Северной земли» могут стоить жизни этому талантливому офицеру.

Врангеля больше всего интересовало, как отнесется к результатам двух его поездок вдохновитель экспедиции Головнин. «Надеюсь, — писал он Литке 15 июня 1821 г., — что не скроешь от меня мыслей Василия Михайловича и вообще тех, коих интересуют известия о экспедиции нашей. Конечно, то, что мы сделали, не бросается в глаза и потому опасаюсь, что общественное мнение об нас весьма невыгодное»⁵⁵.

Действительно, Морское министерство было недоволь-

⁵³ ЦГИАЭ, ф. 2057, оп. 1, д. 443, л. 43.

⁵⁴ Там же, л. 20.

⁵⁵ Там же, л. 21. Врангель — Литке.

ю тем, что Врангель начал поиски «Северной земли» от Баранова Камня, а не от Шелагского мыса. По мнению Адмиралтейств-коллегии, если бы Врангель точно исполнил инструкцию, то всего в «один только день» решил бы вопрос, существует ли земля, о которой рассказывают чукчи ⁵⁶.

Врангель и Матюшкин безуспешными поисками земли, которую якобы усмотрел к северу от Медвежьих островов сержант Андреев, внесли выдающийся вклад в познание природы Северного Ледовитого океана. Благодаря их поездкам был подтвержден отмеченный еще Геденштромом факт, что море далеко от берегов Сибири даже зимой не только не сковано вечным льдом, как утверждали некоторые участники третьей экспедиции Кука и некоторые русские картографы, а даже не покрыто сплошным ледяным покровом.

Когда из письма Литке Врангелю стало известно, что руководитель Адмиралтейского департамента, генерал-гидрограф русского флота «лично не доволен» результатами поисков Колымской экспедиции, он никаку не удивился. «...Да это иначе и не могло быть, если я не мог поступиться против своей совести», — добавил он.

Врангель отдавал себе отчет, что открытие и не скованного льдом моря ставит под сомнение всю систему взглядов Сарычева на северо-восточные моря России, включая и вопрос о существовании на севере «матерой земли».

Продолжение поисков «Северной земли»

Летом 1821 г. небольшой отряд Колымской экспедиции под начальством Козьмина описал северный берег Сибири между Колымой и Индигиркой. В продолжение того путешествия велись метеорологические наблюдения, журнал с описанием которых сохранился в архиве Врангеля. Матюшкин и Кибер обследовали реки Большой и малый Аюй. По словам Врангеля, «Кибер собрал любопытные материалы для истории болезней народов того края, аже для ботаники и минералогии; Матюшкин доставил и сведения о географии внутренней части земли той» ⁵⁷.

Врангель картировал Колыму в ее нижнем течении

ЦГАВМФ, ф. 166, оп. 1, д. 663, л. 348.

ЦГАВМФ, ф. 215, оп. 1, д. 781, л. 110. Врангель — Сперанскому.

от Нижнеколымска до моря. Устье реки оказалось забитым льдом, поэтому, оставив шлюпку, последние 30 верст он обхехал на нарте, доведя опись до побережья океана.

Долгие скитания по льдам, ночлеги под открытым небом в жестокие морозы не прошли бесследно для Врангеля. У него обнаружился ревматизм, и по совету доктора Кибера он отправился в Среднеколымск. «После унылых ледяных пустынь, среди которых провел я столько времени,— писал Врангель,— раем показались мне здешние поля, с их тучными пастбищами, многочисленными стадами и лиственничными и ивовыми рощами. Все дышало здесь жизнью»⁵⁸. Он изучал историю якутского народа, его предания и обычай. В селе Сыгли-Этарг встретил якута, приходившегося крестником Дмитрию Лаптеву, завершить дело которого по исследованию северных берегов Азии к востоку от Колымы предстояло в ближайшее время Колымской экспедиции. Раннее наступление холодов заставило Врангеля 2 сентября возвратиться в Нижнеколымск. Спустя несколько недель к нему присоединились сначала Матюшкин и Кибер, а затем Козьмин.

«О себе,— писал Врангель Литке,— могу тебе только сказать, что здоров и весьма занят; я мало имею времени для себя. Однако на это не жалуюсь, ибо охотно исправляю сам должность писца и секретаря, начальника экспедиции и комиссара. Козьмин хороший, как прежде. Я им чрезвычайно доволен; доктор умен, осторожен, но нездорового сложения. Я с ним часто философствую, и мы живем хорошо. В начале октября имел я весьма дорогого гостя.— Отгадай кого? Петра Федоровича (Анжу.— В. П.). Он приехал сюда вместе с Козьминым, с которым съехался он на устье Индигирки, описав берег от Яны к востоку до сего места, равно как Козьмин от Колымы к западу. Он гостил до 1 ноября: время прошло скоро и весело, Нижнеколымск как будто весь преобразился, вместо императорского повеления портвейн в стаканах; утра проходили за фриштыками (?), а вечера за бостоном — веселое расположение духа прибавило мне жизни один или два года. Кто ничего не имеет, тот и малым доволен. Теперь занимаюсь приведением в готовность всего нужного к предстоящему нам весною путешествию»⁵⁹.

⁵⁸ ЦГИАЭ, ф. 2057, оп. 1, д. 443, л. 45.

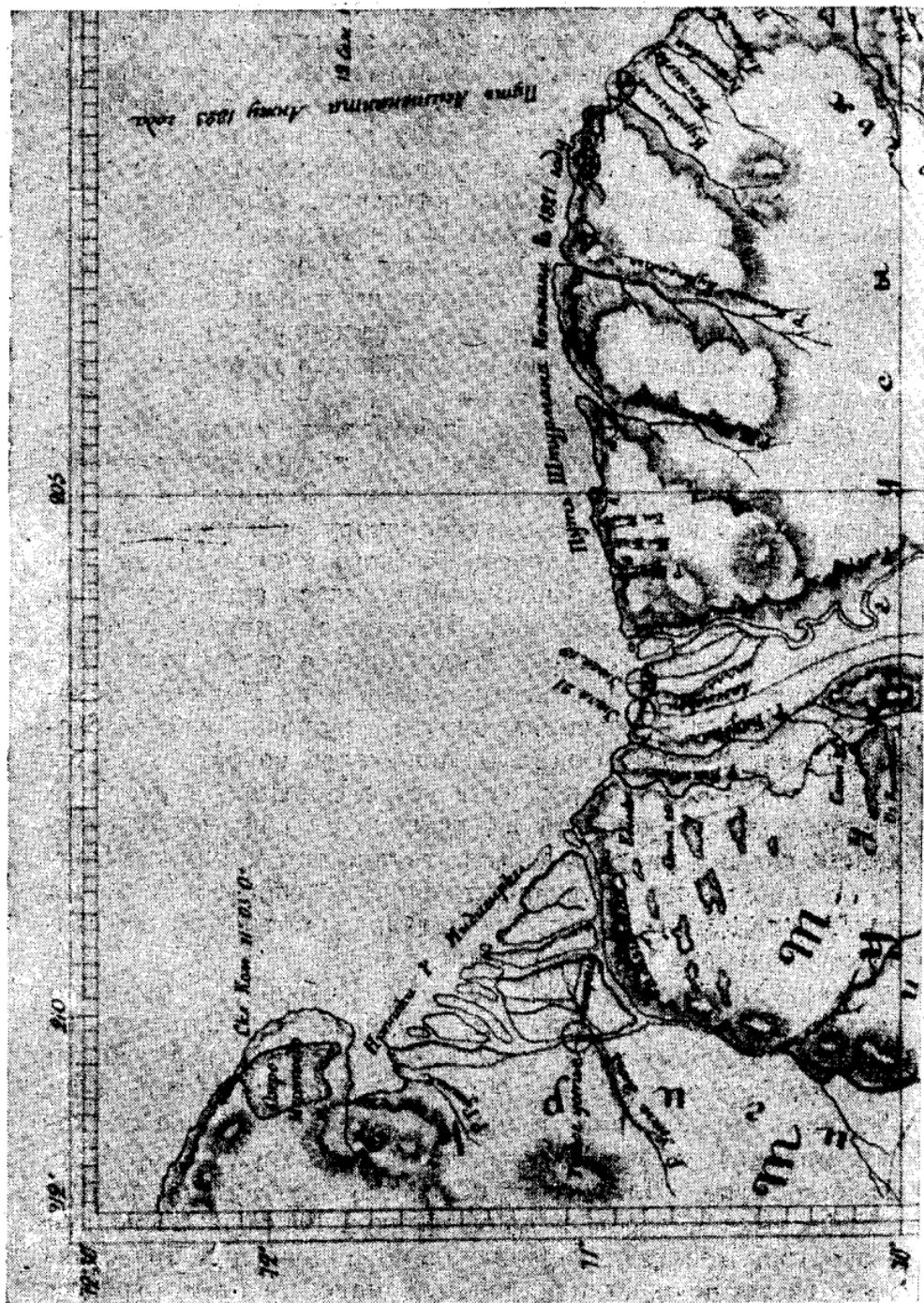
⁵⁹ ЦГИАЭ, ф. 2057, оп. 1, д. 443, л. 45—47. Врангель — Литке.

Однако готовиться к новым поискам было очень трудно и сложно. Раннее наступление зимы грозило бедами не только жителям Колымского края. Заготовленное летом сено почти все погибло. Реки вышли из берегов и причинили новые несчастья. Рыба плохо ловилась. Осенняя охота, которой местные народы запасаются мясом на долгую северную зиму, была неудачна. «Олений промысел,— докладывал Врангель Сперанскому,— был так беден, что юкагиры, по Большому Аню живущие, находятся в весьма жалком положении и полагают надежду на колымских жителей и на казенный провиант»⁶⁰. Вскоре экспедиция начала поддерживать голодающих колымчан своим продовольствием.

Врангель рассчитывал на собственные силы и по возможности не обременял местных жителей заготовкой рыбы для предстоящего путешествия. 3 сентября он сообщил сибирскому генерал-губернатору, что уже заготовлено более половины запасов рыбного корма. Но на жителей Северо-Востока Сибири обрушилась еще одна беда. Началось поветрие на собак. Первые его признаки обнаружились на Яне, Лене и Индигирке, а затем эта «прилипчивая болезнь» распространилась и на Колыму. Вскоре в деревнях и селениях окрест деревни забака сделалась редкостью». Врангель попытавшись собрать хотя бы сотню собак и отправить их в устье Колымы, в местечко Чукочье, чтобы держать их вдали от колымских селений. Но ему удалось добить только три упряжки. Почти все они избежали «заразительной болезни», в то время как жители Нижнеколымска потеряли четыре пятых своих собак. Всюду царили уныние и горе.

Наступил новый, 1822 год. Из Петербурга не было вестей. Ни Сперанский, ни Траверсе, ни Сарычев не присыпали каких-либо указаний. Казалось, все забыли о Колымской экспедиции. Молчал и Василий Михайлович Головнин, приславший в начале экспедиции «два ласковых письма», молчал и самый близкий друг Федор Петрович Литке. Петербург и Нижнеколымск разделяли многие тысячи верст, и почта приходила сюда несколько раз в год. Врангель первоначально надеялся в предстоящую весну осуществить двойной поиск: одним отрядом

⁶⁰ ЦГАВМФ, ф. 215, оп. 1, д. 781, л. 111. Врангель — Сперанскому.

добраться по льдам до «Северной земли», а вторым описать северный берег от Шелагского мыса до Берингова пролива. Он послал на Индигирку казака, которому поручил закупить возможно больше упряжек. Ему удалось собрать и привести в Чукочье всего лишь 45 собак. На помошь экспедиции пришли жители Нижнеколымска. Они предоставили в ее распоряжение более 200 собак. Однако большинство из них были очень слабы после недавно перенесенной болезни и не годились для утомительных, трудных поездок по льдам океана. Собаки замерзли падали на ходу, и ни на одну упряжку нельзя было положиться. Врангель писал Литке, что вместе с собаками гибли его надежды. Все это вынудило его внести изменения в первоначальный план. Он решил не разделять экспедицию на два отряда и предстоящую весну посвятить поискам земли на пространстве между Барановым Камнем и Шелагским мысом, отложив опись северного берега Чукотки до будущего года. Его план отличался от предписаний Морского министерства. Сомневаясь в существовании «Северной матерой земли», он решил снова выйти на границу припайного льда, чтобы, придерживаясь ее, направиться на восток, до моряки Шелагский мыс, и тем самым собрать разносторонние материалы для суждений о «предполагаемом существовании земли к северу».

13 марта Врангель, Матюшкин, Козьмич, Кисер, Нехорошков в сопровождении проводников отправились из Сухарного к Баранову Камню. Они везли с собой 35-дневный запас корма для собак и 40-дневный запас провизии.

17 марта, оставив сибирский берег, экспедиция вышла на лед и с трудом преодолела гряды прибрежных торосов. Многие нарты получили повреждения. На их починку ушла почти вся первая половина следующего дня. Пройдя около 80 верст от Баранова Камня, Врангель устроил во льду продовольственный склад. Несколько дней экспедиция то прорубалась через торосы, то утопала в глубоком снегу.

23 марта Врангель отправил Матюшкина с поручением разведать состояние льдов к востоку. Вести были печальными: торосы там становились все выше и непроходимее.

---

*Деталь «Меркаторской карты части северного берега Сибири»
(путешествие штурмана П. Т. Козьмина летом 1821 г.)*

Только, недалеко от места ночлега виднелась полоса ровного льда, которая уходила на запад. Врангель приказал нагружать нарты и двигаться в указанный Матюшкиным район. Однако надежды, что они найдут здесь лучшую дорогу, не оправдались. И на западе лед пересекали полосы высоких торосов. В этот день прошли всего лишь 6 верст. 24 марта дорога стала еще хуже. Нарты срывались по льдинам вниз и приходили в негодность одна за другой. Ушибленные и испуганные собаки рвали упряжь. И люди, и животные выбились из сил. Врангель решил основать здесь еще один склад корма для собак и продовольствия для людей. Запасы сложили в две вырытые ямы, прикрыв их большиими льдинами и забив щели снегом, который затем облили водой, чтобы медведи не могли проникнуть к провизии. Освободившиеся 13 нарт Врангель отоспал в Нижнеколымск. В этот же день он поручил Матюшкину на двух нартах с пятидневным запасом провизии и корма отправиться по льду на северо-восток. 26 марта Врангель в сопровождении Козьмина выехал на север.

Старые торосы, состоявшие из толстых, покрытых песком и илом льдин, уступили место молодым, сложенным из слоев более тонкого льда. Но перебираться через те и другие было одинаково трудно. Утром 27 марта, когда путешественники находились на $71^{\circ}13'$ с. ш., Козьмин увидел на северо-востоке возвышавшиеся над льдами два холма.

Врангель считал, что перед ними земля, которую они искали, но проводники уверили, что то были «подымавшиеся из открытого моря пары». Однако горы, утесы и долины неведомой земли с каждой верстой обозначались все явственнее. «Поздравляя друг друга с счастливым достижением цели,— писал Врангель,— мы спешили далее, надеясь еще до наступления вечера вступить на желанный берег. Но наша радость была непродолжительна, и все прекрасные надежды наши исчезли. К вечеру, с переменою освещения, наша новооткрытая земля подвигнулась по направлению ветра на 40° , а через несколько времени еще обхватила она весь горизонт, так, что мы, казалось, находились среди огромного озера, обставленного скалами и горами»⁶¹.

⁶¹ Ф. П. Врангель. Путешествие..., ч. II, стр. 157—158.

Утром следующего дня этот оптический обман повторился. Казалось, что путешественники находятся не среди хаотических нагромождений льдов, а в тундре, над которой возвышаются пологие холмы. Впоследствии Врангель пришел к выводу, что «когда ломается лед, то из воды поднимаются темно-синие пары, кои, опускаясь иногда на вершины ледяных гор, дают сим последним вид гористой земли»⁶².

Врангель проехал к северу еще 11 верст. Здесь, на $71^{\circ}34'$ с. ш., ничто не свидетельствовало, что торосы на севере сменяются ровным льдом. Он решил вернуться к последнему продовольственному складу, до которого добрались 29 марта. Здесь, как было условлено, уже находился Матюшкин. Он за три дня прошел на северо-восток 90 верст, достигнув $71^{\circ}10'$ с. ш. на меридиане Песчаного мыса. Торосы встречались не так уж часто, но зато на льду лежал глубокий рыхлый снег, который «весьма затруднял путь». Он тоже усмотрел вдали синеву, которая сначала показалась ему «искомой землей».

Врангель решил идти прямо на север. В день проезжали от 12 до 20 верст.

8 апреля путешественники встали на гряды, только что образовавшихся торосов. «Издали видел Врангель, — были они подобны огромным волнам океана. По сю сторону их извивалась узкая бесснежная полоса, как река, между ледяными утесами. На юг возвышались синто покрытые снегом горы, исполинские торосы старого образования. Дикая неровность сей части моря придавала ему вид страны, изрытой глубокими оврагами и ущельями. Противоположность южных старых торосов новым, севернее лежащим, была слишком резка и не оставляла сомнения, что мы достигли предела сибирского прибрежного твердого льда и что перед нами море, не ограниченное с севера никакою близкою землею»⁶³.

Однако путешественники продолжали идти на север. Они преодолели три гряды торосов и несколько только что образовавшихся полыней. Сложив на лед часть запасов, пытались проникнуть дальше на облегченных нартах. Между тем торосы достигли невиданной высоты. 8 апреля они проехали всего три версты. Ночью было

⁶² ЦГАВМФ, ф. 215, оп. 1, д. 781, л. 213.

⁶³ Ф. П. Врангель. Путешествие..., ч. II, стр. 163—164.

слышно, как впереди трещал ломавшийся лед. Врангель послал Матюшкина на разведку к северу. 10 апреля в сопровождении двух проводников он отправился в дорогу, а Врангель тем временем занялся наблюдениями над склонением магнитной стрелки, изменением глубин моря и определением проб грунта. Через шесть часов возвратился Матюшкин и сообщил, что, пройдя на север через торосы и полыньи 10 верст, он достиг незамерзшего моря, по которому ветер носил разломанные льдины.

Надежд проникнуть далее к северу не оставалось. Пока не взломался лед, на котором находилась экспедиция, надо было отступить на юг и забрать оставленный во льду провиант. Когда провизия и корма были перегружены на нарты, Врангель предпринял новую попытку проникнуть к северу, но вскоре встретил тонкий лед. И к северо-западу и к северо-востоку были видны синие пары, поднимавшиеся из полыней. Они, по словам Врангеля, «предсказывали скорую разломку и неподвижность здесь морского льда». Тотчас экспедиция уклонилась к западу и 12 апреля после разведывательной поездки Матюшкина направилась снова на север. Едва позади осталось шесть верст, как тонкий лед прорезали трещины и он стал покрываться рассолом, что предвещало его близкое разрушение.

«Мы находились под $72^{\circ}2'$ широты, в 262 верстах, прямо на север от Большого Баранова Камня, — писал Врангель. — Качество льда и постепенно увеличивавшаяся, по мере удаления от берега, глубина моря дали нам причину с вероятностью предполагать, что если действительно существует на севере неизвестная земля, то мы достигли еще не более половины расстояния ее от берегов Сибири»⁶⁴.

Врангель решил следовать на восток и на меридиане мыса Шелагского снова попытаться проникнуть на север, к земле, о которой рассказывали чукчи. Путь на восток, несмотря на глубокий снег, был менее труден. Вскоре, правда, встретили полынью, ширина которой достигала около двух верст. За нею виднелось открытое море и редкие тонкие льдины. Экспедиция уклонилась к юго-востоку и утром 22 апреля заметила скалы мыса Шелагского. Они находились, по вычислениям Врангеля, в 87 верстах.

⁶⁴ Ф. П. Врангель. Путешествие..., ч. II, стр. 169.

Экспедиция пробилась в юго-восточном направлении на 19 верст и была остановлена непроходимыми торосами. На юге, по словам Врангеля, хорошо были видны утесы мыса Шелагского. «Хотя,— писал он,— небо было чисто и ясно, но ни на востоке, ни на севере не видели мы признаков земли. Принимая в соображение, что каждый не совсем низменный берег бывает видим здесь в расстоянии 50 верст и что мы находились в 80 верстах от Шелагского мыса, можно с основанием утверждать, что к северу от сего мыса на расстоянии 130 верст нет предполагаемой земли. Выше уже достаточно доказано, что на 300 верст к северу от Большого Баранова Камня никакая земля не существует» ⁶⁶.

Придя к такому выводу, Врангель решил возвратиться в Нижнеколымск. Тем более он располагал лишь четырехдневным запасом корма для собак. А ближайший продовольственный склад находился в 200 верстах. Экспедиция повернула на запад и по торосам и рыхлому снегу направилась к сибирскому берегу. Сначала кончились дрова, а 26 апреля не было в запасе ни продовольствия, ни собачьего корма. На следующий день они достигли места на сибирском берегу, где были спрятаны припасы. Медведи пытались добраться до них, но безуспешно. Все было в сохранности. После непродолжительного отдыха направились на запад.

Спустя три дня Врангель в Походске встретился с Анжу. Судя по письму к Литке, встреча эта ~~задача~~ была обусловлена. Перед их экспедициями, именуемыми в официальных бумагах отрядами, стояли очень близкие задачи. Попытки отыскать северные земли привели обоих руководителей к одному выводу — на севере нет обширной земли, но зато существует открытое море, по которому плавает лед даже в самые жестокие сибирские морозы. Врангель и Анжу установили границу распространения льда к северу от Котельного и Фаддеевского островов и Тюной Сибири. Анжу выявил переменное течение моря, второе «признал за прилив и отлив». Таким образом, исследования Янской экспедиции являлись блестящим подтверждением вывода Врангеля о том, что в расстоянии ближайших 500 верст к северу от устья Колымы не существует не только «матерой земли», но «даже нету

Ф. П. Врангель. Путешествие..., ч. II, стр. 175.

песчаного острова». Эти взгляды были подробно развиты Врангелем в рапорте на имя Сперанского и в особой записке «Мнение о Северной земле, виденной Андреевым». И хотя ни Врангель, ни Анжу ни в одном из официальных документов не упомянули имени Сарычева, их выводы невольно опровергали его доказательства существования «Северной матерой земли».

Когда Врангель и Анжу готовили для Сперанского выписки из журналов, статьи, карты своих путешествий, карты Большого и Малого Аиюев и берегов Северного Ледовитого океана, в Нижнеколымск из Петербурга было доставлено запоздавшее предписание сибирского генерал-губернатора от 24 декабря 1821 г. К предписанию были приложены мнения Адмиралтейств-коллегии и Адмиралтейского департамента относительно результатов путешествия Врангеля весной 1821 г. Его выдающийся успех — определение истинного положения мыса Шелагского — почти не привлек внимания в Петербурге. И сибирский генерал-губернатор, и Морское ведомство были недовольны тем, что он предпринял поиски не от Шелагского мыса, а от «Баранова Камня, т. е. на 7° западнее, неожели предполагал Адмиралтейский департамент». Отсюда делался вывод о том, что Колымская экспедиция не приступила «к разрешению главного вопроса».

Из Петербурга Врангелю напоминали, что главным по водом к отправлению экспедиции были дошедшие до правительства сведения об обитаемой земле к северу от Шелагского мыса. Поэтому ему надлежало прежде всего обратить внимание на поиски в этом районе и непременно «проникнуть по крайней мере за 75 верст от берега к северу по означенному меридиану и, таким образом, разрешить, действительно ли находится земля в том месте; когда же откроется она, то осмотреть и описать сколь возможно более»⁶⁶.

О том, какие мысли обуревали Врангеля после ознакомления с предписанием петербургских властей, дает представление его письмо к Литке, которое ввиду его исключительной важности приводится почти полностью. «После отплытия твоего на «Новой Земле», — сообщал Врангель Литке 11 июня 1822 г., — нет ни строчки, ни вести от тебя; когда ожидание изменилось в нетерпение,

⁶⁶ ЦГАВМФ, ф. 215, оп. 1, д. 781, л. 102.

когда истощился уже в выдумках событий, могших тебя оправдать и меня успокоить, когда по-видимому, забыл и сам Василий Михайлович, тогда-то подумал, что загадка откроется сама и что нечаянные радостные известия будут возмездием за мучительное беспокойство. Но теперь и сия надежда исчезла. Я возвратился из моря в Колымск, отправлюсь вскоре к берегам Ледовитого моря, получил почту из Петербурга от 24 декабря и вместо радости — досада. Ежели ты в Петербурге, то, конечно, уже известно тебе все неудовольствие нашего департамента на меня. Желал бы только знать, кто именно мною недоволен. Один ли С[арычев] или тоже Василий Михайлович [Головнин] и другие говорят, что я отступил от инструкции, искав землю 36 суток вместо того, чтобы ее найти в 1 день; назначают мне 7 дней срока для той описи, которую и в 30 окончить нельзя; словом, не принимая в рассуждение ни местные обстоятельства, не имея понятия о затруднениях в собачьей езде само по себе и о невозможности набрать собак и рыбу в довольно количестве, не соображая, наконец, и сущности нашего поручения, которое по сию пору считал не в чем ином состоящем, как в исследовании и разрешении вопроса о существовании Северной морской ~~и~~ ^{и напротив} сибирского берега от Колымы к востоку и в доверке старых и учинении новых описей, бранят и ругают меня.

Не утверждая, что я совершенно прав, скажу только, что и теперь не понимаю, почему так решительно не хотят, чтоб экспедиция, отправленная для отыскания Земли, искала оную везде, где только неизвестная земля может существовать, и почему так настойчиво утверждают, что чукчи рассказывают о лесистой и обитаемой земле, против Шелагского Носа лежащей, тогда когда все подробности их рассказов доказывают, что они не Шелагский, но Чукотский Нос разумеют и что земля «X» есть американский берег у Берингова пролива. Притом чукчи мои соседи и объявления их могли бы казаться доходить с большей точностью ко мне, нежели к людям, кои географию ищут в соболях; я разумею здесь промышленников, доставивших известие об обитаемой земле против Шелагского Носа. Им-то верить более, чем мне, которому, между прочим, поручено разрешить сомнение! Но как бы я лупо ни поступил, однако радуюсь тому, что нами

определенено несуществование земли в удободостигаемом от сибирского берега расстоянии между меридианами Медвежьих островов и Шелагского Носа и что, следовательно, остается искать эту землю к востоку от последнего меридиана. Туда-то и обратим наши попытки весною 1823 года в надежде найти не обитаемую землю, но какой-нибудь голый островок, как надобно думать по последним сведениям, собранным мною от чукоч.

О себе могу тебе сказать, что здоров и что в Колымске меня ничего не утешает и не занимает, исключая моего поручения; оно меня так связало, что не желал бы переменить нарушу на корабль и тундряные берега Ледовитого моря на прекраснейший Перу, покуда не очистится карта от земель Тикигена и пр. или покуда не означатся они резкими чертами вместо пунктирных. Досадую только, что С[арычев] не так рассуждает о сем предмете. Ф[едор] Ф[едорович] приметно возмужает умом и делается осторожнее в словах и поступках. П[рокопий] Т[арасович] тот же шутник, каковым бывал в нижнем парламенте на «Камчатке» — вчера он страшно влюбился, а сегодня за бутылкой грустит по единственной своей богине [...]. Доктор наш Кибер медленно поправляется от болезни, ему я благодарен, что не вовсе еще забыл хохотать и что иногда вспоминаю, что окромя Ледовитого моря есть еще много любопытных предметов на свете»⁶⁷.

Врангель был глубоко возмущен выговором Адмиралтейского департамента, но еще больше его тревожило молчание Головнина.

«Пожалуйста, — писал он Литке, — пиши мне более о Вас. Мих. Я не понимаю, почему он меня забыл: после двух чрезвычайно ласковых писем нет от него ни одной строчки уже 17 месяцев»⁶⁸.

Но Головнин не забыл об участниках Колымской и Янской экспедиций. Под его воздействием Адмиралтейский департамент, получив отчеты о результатах исследований весной 1822 г., вынужден был признать, что Врангель, Анику и их сотрудники «претерпели великие труды и опасности» и своими успехами в описи сибирских берегов Ледовитого моря доставили важные услуги географии. Все офицеры и матросы были представлены к наградам.

⁶⁷ ЦГИАЭ, ф. 2057, оп. 1, д. 443, лл. 48—49. Врангель — Литке.

⁶⁸ Там же, л. 48.

Однако начальник Морского штаба А. В. Моллер оставил без внимания это представление Адмиралтейского департамента. После того как в Петербург пришли донесения Врангеля, Анжу, которые они отправили в мае 1822 г. из Нижнеколымска, отношение в правительствах крупах резко изменилось в благоприятную сторону. Наряду с Головиным и Круzenштерном прислал блестящий отзыв об изысканиях путешественников академик Шуберт. Высокую оценку Колымской и Янской экспедициям дал также Сперанский. Получив донесения Врангеля и Анжу, он не только переслал их начальнику Морского штаба А. В. Моллеру, но и высказал свое мнение об итогах двухлетних изысканий. Сперанский напомнил, что Колымской экспедицией по льду осмотрено Ледовитое море от меридиана Шелагского мыса до меридиана Медвежьих островов. Одновременно Янская экспедиция исследовала по льду море к северу от известных островов. Обе экспедиции в их поисках былидержаны полыньями и тонким льдом и не обнаружили каких либо признаков существования неизвестной обширной суши.

«Таким образом,— писал сибирский генерал-губернатор,— действиями обеих экспедиций доказано, что на том расстоянии от устьев рек Яны и Колымы и Шелагского мыса, какое можно было обограничить, никакой земли не находится.

Признавая основательными заключения о сих Врангеля и Анжу, я считаю, что, с одной стороны, продолжать сии поиски было бы безуспешно, а с другой, дальнейшее пребывание экспедиции в сих местах сверх бесчисленных трудов и опасностей приводит постепенно обывателей в вящее изнурение, истощая необходимые способы их продовольствия и чрез взимание большого числа собачьих парт, отвлекая их от промыслов.

Но как экспедиции занимались, между тем, с довольно успешом описью известных земель, то прекратить их занятия, не окончив сей описи после толиких трудов и жертвований, было бы неуместно, притом продовольствие их на будущую весну уже обеспечено. По сему илагаю я, что они с пользою могут там оставаться еще на весну»⁶⁹.

Земля к северу от мыса Якан

Летом 1822 г. Врангелю предстояло проверить выполненную в прошлом году опись берега Северного Ледовитого океана от Колымы до реки Большой Баранихи.

«Несогласие в широте мест, определенных капитаном Биллингсом и мною, подало повод Сар[ыче]ву к неосновательному предположению, что большое изменение в рефракции, до 15' простирающееся,— причина сей разности широты, почему сделано мне поручение повторить наблюдения вдоль морского берега около Барановых Каменьев в 4-х пунктах, определенных Биллингсом...»⁷⁰

23 июня Врангель, Анжу, Матюшкин и Козьмин отплыли на боте «Колыма» из Нижнеколымска вниз по реке. В Походске Анжу покинул их, чтобы на лошадях продолжать путь на Индигирку и Яну. В деревне Пантелейевке путешественники встретили купца Бережного, который предоставил в распоряжение Врангеля 10 лошадей. Врангель с Козьминым отправились к берегам моря, по пути обследуя «каменную тундру — необозримую голую равнину, усеянную большими камнями и скалами и обставленную со всех сторон снежно-вершинными горами»⁷¹.

6 июля с прибрежного холма, состоявшего из иско-
паемого льда, Врангель осмотрел море, на котором были видны отдельные льдины. На Малом Барановом Камне они нашли высокий деревянный крест, поставленный Биллингсом 12 июля 1787 г.

Сравнив свои наблюдения с наблюдениями капитана Биллингса, Врангель установил, что между ними имеется разница, равная 14 миль. Затем он произвел определения и в других местах, где его предшественник делал подобные наблюдения, и обнаружил, что нынешние наблюдения в полном согласии с его «зимними обсервациями», отличавшимися от определений Биллингса. Эти вычисления Врангеля были проверены академиком Ф. И. Шубертом, который нашел их точными и заслуживающими «более доверенности, нежели те, кои означены в 1787 году»⁷².

⁷⁰ ЦГИАЭ, ф. 2057, оп. 1, д. 443, лл. 52—53.

⁷¹ Ф. П. Врангель. Путешествие..., ч. II, стр. 192.

⁷² ЦГАВМФ, ф. 166, оп. 1, д. 663, л. 486.

16 июля Врангель прибыл к устью реки Большой Баранихи, где был в прошлом году построен стан. Здесь уже находились промышленники, которых он отправил несколько недель назад из Нижнеколымска. Они заканчивали постройку карбаса и довозили невод. Спустив карбас, путешественники отправились морем на восток. В устье реки Козьмина моряки были затерты льдом и провели в плену три дня, в течение которых на них обрупался ливень за ливнем. Наконец, южный ветер отогнал льды, и Врангель со своими товарищами возвратился к стану. Они занялись рыбной ловлей, которая была не весьма удачна из-за холодов и частых дождей, переходивших порой в снегопады.

Врангель изучал окрестные берега и озера, вел метеорологические наблюдения, а когда на море не было льдов и не бушевал шторм, он изучал температуру морской воды. С 19 июля по 9 августа он выполнил семь измерений. Температура воды на глубине 3 м колебалась в различные дни от 1 до 3° «без всякой соответственности с температурой воздуха».

Врангель обратил внимание, что вода в районе реки Большой Баранихи гораздо менее солена, чем на расстоянии 260 верст от берега. Этот факт он справедливо объяснил влиянием выноса в море пресных речных вод. Приливов в этом районе не наблюдалось, но зато были замечены непериодические колебания уровня под влиянием ветров. Врангель обратил внимание на факт существования Айонского ледяного массива, который он принял за вечный неподвижный лед (из-за наличия в зимнем ледяном покрове большого количества старых ледяных полей)⁷³.

«Между тем,— писал Врангель Литке,— прибыл с другой стороны, с юга, от реки Анюя Фед[ор] Фед[орович], которого я послал сопутствовать одному купцу (Бережному.— В. П.), вознамерившемуся искать мамонтовую кость в горах от самого Чауна. Сия часть земли никем не изведана, и Фед[ор] Фед[орович] должен был делать астрономические наблюдения, собирать материалы для приближенной карты внутренней части земли и замечания по натуральной истории. Партия сия вскоре отправилась далее, а вслед за ними июля 31-го уехал и я, остал-

⁷³ Ф. П. Врангель. Путешествие..., ч. II, стр. 211—212.

вя Пр[окопия] Т[арасовича] с 4 человеками в стане для продолжения рыбного промысла. Я поехал на 4 конях вверх по Баранихе до вершины ее, перевалил через хребет, откуда вытекает знаменитая река Погинден (в Мал. Апюй впадающая), следовал вдоль сей реки, покуда она течет в горах, и свернул на юг, дабы выйти к Малому Анию; ибо главный предмет мой был объяснить внутреннюю географию сего уголка. Во всем этом кое-как успел, и радуюсь, что, несмотря на дурное время, беспроблемные снега и ветры, употребил лето с пользою»⁷⁴.

Спустя две недели, когда Врангель находился в болотистой, окруженной горами местности, волки спугнули лошадей. Все они бесследно исчезли, за исключением одной, которая от старости и немощи осталась на привязи. В это время у отряда, уже четыре дня питавшегося одними сухарями, оставались лишь чай и сахар. «Нам ничего не оставалось более,— писал Врангель Литке,— как пробираться пешком с голодным брюхом через ужасные болота, бродить через озера и реки часто до полуутела, спать на мокром мохе и т. д.»⁷⁵

Три дня добирался Врангель до села Островного на Анию. В жилищах местных жителей, которые все ушли на летние промыслы, он не нашел ни одной рыбы, ни фунта мяса. «Все было пусто в знак того, что народ голодовал». Вскоре встретили юкагиров, но они сами бедствовали, варили на обед оленьи шкуры и ели лиственничную кору. Лиственничной корой пришлось питаться и Врангелю, пока не удалось добыть трех оленей.

20 августа 1822 г. Врангель вернулся в Нижнеколымск, где его ждал гонец с петербургской почтой, в которой находились письма Литке.

Лето 1822 г. на Колыме было необычайно холодным. Средняя его температура составляла всего лишь 2° по Реомюру. В июле и августе заморозки ночью доходили до — 3°, 5, иногда в полдень градусник оставался на нуле. Дождь и снег сменяли друг друга. Вода высоко поднялась в реках. Рыба ловилась скверно. Всюду царил голод. «Если осень не поправит нас,— писал Врангель Литке,— то я отчаиваюсь быть в состоянии что-либо предпринять будущею весною. Когда наступит общая голодовка, тог-

⁷⁴ ЦГИАЭ, ф. 2057, оп. 1, д. 443, л. 53. Врангель — Литке.

⁷⁵ Там же.

да о прокормлении собак и думать нельзя. Лучше бы согласиться прогуляться из Петербурга пешком до Нижнеколымска, нежели прожить здесь еще целый год попустому⁷⁶.

Только 24 сентября в Нижнеколымск вернулся Матюшкин и сообщил, что он достиг Чаунской губы, на берегах которой долго искал чукчей. Но его проводник не знал, где их летние становища, и совершенно, как оказалось, не был знаком с Чукоткой. На пути в Нижнеколымск Матюшкину и его пятым спутникам не хватило продовольствия, и они, как и отряд Врангеля, несколько дней голодали. Матюшкин составил подробный отчет о своем путешествии через болота и горы, который впоследствии Врангель опубликовал в составе своего путешествия⁷⁷. С его рукописным журналом знакомился декабрист А. О. Корнилович, напечатавший одну из самых первых и самых выдающихся работ о путешествиях Врангеля, Матюшкина и Анжу. По словам Корниловича, в результате этого путешествия была «вся восточная тундра до Чукотской Земли и Малого Анюя описана в физическом отношении»⁷⁸.

С наступлением осени Врангель занялся закупкой собак для экспедиции. Он побывал на Яне, Хроме, Индигирке и договорился с местными жителями о предоставлении ему пяти упряжек собак с двухмесячным запасом корма. В Усть-Янске Врангель навестил Анжу. Друзья обсудили планы исследований на предстоящую весну, в течение которой они надеялись окончательно завершить данные им поручения.

Зимне-весенние исследования в 1823 г. экспедиция начала раньше обычного. 30 января Козьмин по поручению Врангеля отправился к Медвежьим островам, чтобы еще раз определить координаты острова Крестового и «увериться в существовании предполагаемого в том краю другого острова под тем же названием», как этого требовал Адмиралтейский департамент. Путешествие Козьмина продолжалось 18 дней. Он предпринял тщательные поиски

⁷⁶ ЦГИАЭ, ф. 2057, оп. 1, д. 443. л. 59. Врангель — Литке.

⁷⁷ Ф. П. Врангель. Путешествие..., ч. II, стр. 53.

⁷⁸ А. О. Корнилович. Известия об экспедициях в Северо-Восточную Сибирь флота лейтенантов Врангеля и Анжу в 1821, 1822 и 1823 годах.— «Северный архив», 1825, т. 13, № 4, стр. 366 (далее: А. О. Корнилович. Известия об экспедициях...).

второго Крестового острова и пришел к справедливому выводу о том, что его вовсе не существует.

Между тем участники экспедиции готовились к завершению поисков и исследований на Северо-Востоке России. Заранее были созданы склады корма для собак в Малом Чукочье, Черноусове, Походске, Сухарном, у Барановых Камней и в стане вблизи устья Большой Баранихи. Самые сильные собаки были отправлены в Сухарное, где их откармливали к предстоящему дальнему путешествию. Наконец, Врангель имел в своем распоряжении такое количество собачьих упряжек, что мог разделить экспедицию на два отряда. Свои планы он подробно изложил в письме к Литке:

«С 20 февраля пущусь с Пр[окопием] Т[арасовичем] Козьмин[ым] в путь; намерен следовать по берегу на 70 или 80 верст к востоку от Шелагского мыса и потом попытаться опять на север. Какой будет успех, не знаю, а полагаю, что нам придется бороться с торосами ужасно и что встретим непрерывную полынью еще ближе к берегу, чем в те годы. С 20 марта отправится Фед. Фед. Матюшкин с доктором для береговой описи до *Cape North*. Много хлопот и трудов стоило мне при нынешнем недостатке в собаках и корме привести экспедицию в состояние разбиться на два отряда; желаю и надеюсь, что сего года покончим мы все статьи поручения, исключая открытия северного материка или земли: что ж касается до разрешения вопроса, существует ли она, то утверждаю, что нами неоспоримо будет доказано: возможно ли на нартах достигнуть до опой или нет. Более этого от собачьей экспедиции требовать нельзя»⁷⁹.

Врангель 22 февраля выехал из Нижнеколымска, чтобы осмотреть прибывшие с берегов Индигирки, Яны и Хрома собачьи упряжки. Некоторые из них оказались непригодными для езды по льдам, и их пришлось вернуть назад.

26 февраля Врангель и Козьмин в сопровождении местных жителей отправились на восток. Спустя три дня вблизи реки Большой Баранихи их нагнал гонец с предписаниями Сперанского. Как уже отмечалось, сибирский генерал-губернатор находил бесполезным продолжать дальнейшие поиски «Северной земли», а все усилия экспе-

⁷⁹ ЦГИАЭ, ф. 2057, оп. 1, д. 443, л. 61. Врангель — Литке.

диции предлагал направить на завершение описи неисследованных берегов между мысами Шелагским и Северным.

Врангель ответил 2 марта Сперанскому, что не может согласиться с его распоряжениями, так как располагает возможностями для продолжения поисков «Северной земли» и завершения описи неисследованного берега⁸⁰.

2 марта экспедиция достигла созданного ею стана при впадении в море реки Большой Баранихи. Врангель к этому времени имел в своем распоряжении 19 нарт. Он смог взять с собой 7,5 пудов сухарей, 6 пудов мяса, 8200 юкол и 4000 сельдей, 224 омуля, 12 гусей, полпуда масла, полпуда соли, пуд чаю, сахару и леденцов, 5 ружей, 100 боевых патронов и все необходимые в путешествии астрономические, магнитные и метеорологические приборы.

5 марта, как только улеглась бушевавшая метель, Врангель направился к Шелагскому мысу, которого благополучно достиг спустя три дня. Здесь он впервые встретился с чукчами. Вечером 8 марта его лагерь посетил старейшина береговых чукотских племен — камакай. Он подарил кусок медвежатины и часть туши тюленя и провел около двух часов в беседе с путешественниками. На следующий день старейшина представил Врангелю своих жен, детей и племянника. Уверившись в миролюбии русских путешественников, камакай подробно описал ему «не только границы земли своей от Большой Баранихи до Северного мыса, но даже нарисовал на доске положение Шелагского мыса, называя его Ерри»⁸¹. Кроме того, он верно изобразил остров Араутан в Чаунской губе, а также небольшой остров у ее восточных берегов, который Врангель действительно обнаружил, когда возвращался в Нижнеколымск.

«Разумеется,— писал Врангель об этой встрече Литке,— все мои вопросы и разговоры склонились к изведыванию о северном материке, в существовании коего я уже 2-й год весьма сомневался. Поэтому ты можешь себе представить мое удивление и радость, когда чукотский старшина — камакай стал утверждать, что недалеко от их земли на севере есть гористая земля и что он сам летом

⁸⁰ ЦГАВМФ, ф. 215, оп. 1, д. 781, л. 141. Врангель — Сперанскому.

⁸¹ Ф. П. Врангель. Путешествие..., ч. II, стр. 291.

видел горы в море, по мнению его, не в весьма дальнем расстоянии. Он описал нам то место, откуда горы видны, присовокупив, что правее или левее земля «Х» отдаляется от Чукотского берега, к которому подходит острым мысом у описываемого им места»⁸².

10 марта Врангель пересек перешеек Шелатского мыса и на следующий день достиг мыса Козьмина. Правому берегу реки Верхон, представлявшему собой скалистый мыс, присвоили имя Кибера. Поблизости от мыса обнаружили небольшой остров. Врангель назвал его островом Шалаурова, который пожертвовал жизнью, «стремясь за славой разрешения вопроса о Северо-Восточном проходе из Атлантического в Великий океан»⁸³.

13 марта, построив продовольственный склад в 4 верстах от берега, отряд направился по льду к северу. На следующий день натолкнулись на высокие торосы, через которые продвинуться смогли только на 4 версты, хотя почти весь день работали пешнями. 15 марта путь был так же тяжел. По словам Врангеля, нарты пришли в самое жалкое состояние. Он решил построить склад более чем с трехнедельным запасом корма для собак и провизии для людей. Облегчив таким образом нарты, Врангель вместе с Козьминым и пятью проводниками надеялся пройти через нагромождение льдов и достигнуть земли, о которой говорил чукотский старейшина⁸⁴. Путешественники взяли с собой лишь пятидневный запас продовольствия и несколько поленьев дров. Но прежде чем они свернули свой лагерь, ветер резко усилился и вскоре перешел в бурю. С грохотом начал трескаться лед. Его пересекли трещины, которые вскоре превратились в полыни. Семеро путешественников с четырьмя собачьими упряжками оказались на большой льдине диаметром около 100 м. Они плавали на ней почти всю ночь. Врангель откровенно признавался, что каждую минуту ждал гибели. Утром ветер стал прижимать взломанный лед к припаю. Отряд немедленно двинулся по направлению к берегу и вечером находился на невзломанном ледяном покрове. На севере виднелись облака синего тумана, свидетельствовавшие о том, что там находится открытое море. «Несмотря на это,— писал Врангель,— мы не оставили

⁸² ЦГИАЭ, ф. 2057, оп. 1, д. 443, л. 69. Врангель — Литке.

⁸³ Ф. П. Врангель. Путешествие..., ч. I, стр. 85.

⁸⁴ Ф. П. Врангель. Путешествие..., ч. II, стр. 292.

нашего намерения и решились проложить себе дорогу среди окружающих нас торосов». Путешественники переправлялись через полыньи, уже покрытые топким молодым льдом, облезжали трещины, перебирались через свежие торосы, в которых путь приходилось прокладывать с помощью пешен. 19 марта отряду удалось проникнуть на север всего на 10 верст. На следующий день Врангель встретил стену встороженного льда. Он решил отклониться в северо-западном направлении, чтобы найти проход на север. Но и здесь вскоре их путь пересекла широкая полынь, переправиться через которую не было возможности. Вблизи нее путешественники остановились на ночлег, предварительно установив, что глубина моря здесь составляет 39 м, а дно океана покрыто глиной, смешанной с песком.

«На следующее утро,— писал Врангель,— первым занятием нашим было осмотреть окрестности и изыскать средства к продолжению пути. Торосы, находившиеся на северном краю щели, были, по-видимому, прежнего образования и казались нам менее круты и плотны, а потому надеялись мы проложить себе между ними дорогу далее к северу. Но проникнуть туда не было иного средства, как только переехать по тонкой ледяной коре, покрывавшей щель. Мнения моих проводников были различны. Я решил на сие предприятие, и при невероятной скорости бега собак удалось нам оно лучше, нежели мы ожидали. Под передними санями лед гнулся и проламывался, но собаки, побуждаемые проводниками и чуя опасность, бежали так скоро, что сани не успевали погружаться в воду и, быстро скользя по ломавшемуся льду, счастливо достигали до противоположного края. Остальные три нарты ехали в разных местах, где лед казался надежнее, и так же все благополучно переправились на другую сторону»⁸⁵.

В этот день отряду Врангеля удалось пройти 24 версты. Ночевали в торосах. 22 марта сновашли на северо-восток, надеясь первыми ступить на северную если не «матерую», то по крайней мере обширную землю. Снова среди льдов встречались разводья. По словам Врангеля, они несколько раз могли утонуть, ибо незамерзшие трещины, как правило, были занесены снегом. Собаки очень

⁸⁵ Ф. П. Врангель. Путешествие..., ч. II, стр. 299.

часто проваливались в воду, и спасти собачьи упряжки и нарты удавалось с большим трудом. В этот день отряд удалился еще на 30 верст от Азиатского материка. Переночевали на небольшом ледяном острове, к утру оказавшемся окруженным разломанным льдом. Из отдельных льдин соорудили переправу и оказались на «твёрдом льду». Между тем корм для собак подходил к концу, и Врангель решил отправить две нарты к продовольственному складу за остатками провианта.

23 марта Врангель по-прежнему шел к северу. На успех открытия земли он почти уже не надеялся, но считал, что будет продолжать поиски, пока не исчерпает всех возможностей для продвижения к затерявшимся в океане, покрытым снегом горам. Вечером, обозревая горизонт, он всюду на севере видел только голубые испарения, получившие впоследствии в научной литературе название водяного неба. Это было «непреложное доказательство открытого моря». Пройдя еще 9 верст, путешественники встретили полынью шириной более 300 м. Она заметно увеличивалась.

«Мы,— писал Врангель,— влезли на самый высокий из окрестных торосов в надежде найти средство проникнуть далее, но, достигнув вершины его, увидели только необозримое открытое море. Величественно ужасный и грустный для нас вид! На пенящихся волнах моря носились огромные льдины и, несомые ветром, набегали на рыхлую ледяную поверхность, по ту сторону канала лежавшую. Можно было представить, что сила волнения и удары ледяных глыб скоро сокрушият сию преграду и море разольется до того места, где мы находились. Может быть, нам удалось бы по плавающим льдинам переправиться на другую сторону канала, но то была бы только бесполезная смелость, потому что там мы не нашли бы уже твердого льда. Даже на нашей стороне от ветра и силы течения в канале лед начал трескаться и вода, с шумом врываясь в щели, разрывала льдины и раздробляла ледяную равнину. Мы не могли ехать далее. С горестным удостоверением в невозможности преодолеть поставленные природою препятствия исчезла и последняя надежда открыть предполагаемую нами землю, в существовании которой мы уже не могли сомневаться. Должно было отказаться от цели, достигнуть которой стремились мы в течение трех лет, презирая все лишения, трудности

и опасности. Мы сделали все, чего требовали от нас долг и честь. Бороться с силою стихий и явною невозможностью было безрассудно и еще более — бесполезно. Я решился возвратиться»⁸⁶.

Когда Врангель принимал это решение, он находился на $70^{\circ}51'$ с. ш. и $175^{\circ}27'$ з. д., примерно в 30 милях от острова, ныне носящего его имя, и в 80 милях от Азиатского материка, на который надо было еще вернуться. Врангель считал, что он прошел по дрейфующим льдам не менее 90 верст, и не мог предвидеть, в каком состоянии находится ледяной покров на этом пространстве моря. Измерив глубину, он установил, что она равнялась 45 м. Морское дно было илистым. Итак, глубина к северу постепенно увеличивалась, а море не было сковано льдом и, следовательно, не ограничено «матерой землею».

Отряд возвращался старой дорогой. Хотя лед часто пересекали трещины, в этот день проехали 35 верст. Врангель спешил. Их прежний путь во многих местах пересекали только что образовавшиеся торосы, свидетельствовавшие о том, что путешественники находятся не на твердом, а на дрейфующем льду. «Через многие широкие трещины, неудобные для обхода, — писал Врангель, — должны мы были переправляться на льдинах. Иногда они были так малы, что не могли поместить на себе нарт со всею упряжкою; мы сталкивали собак в воду, и они переплывали на другую сторону, таща за собою льдину с нартой»⁸⁷. В каждой полынье Врангель измерял температуру воды (около 1° по Реомюру), воздуха и определял скорость течения, которая в отдельных местах равнялась 8 верстам в час. Поздним вечером 24 марта Врангель достиг продовольственного склада, где его поджидала часть отряда, отправленная несколько дней назад.

Лед вокруг был ненадежен. Необходимо было без промедления вывозить провиант на берег. Однако болезнь одного из проводников задержала экспедицию на целый день. Обязанности нартovщика взял на себя Козьмин. Нагрузив нарты, путешественники двинулись в путь. Они смогли взять с собой лишь меньшую часть запасов, надеясь при благоприятных условиях вернуться за собачьим кормом и провизией. Пройдя 3 версты, путешественники

⁸⁶ Ф. П. Врангель. Путешествие..., ч. II, стр. 301—302.

⁸⁷ Там же, стр. 303.

увязли среди только что образовавшихся высоких торосов. Чтобы выбраться из хаоса льдин, пришлось бросить часть груза. Но через 2 версты они снова были остановлены, на этот раз полыньями, которые преграждали путь на юг и на запад.

«Отрезанные от всякого сообщения с твердым льдом, со страхом ожидали мы наступления ночи,— писал Врангель.— Только спокойствию моря и ночному морозу обязаны мы были здесь спасением. Слабый ветер понес льдину, где мы находились, к востоку, и приблизил ее к твердому льду. Шестами притянули мы небольшие льдины, вокруг нас плававшие, и составили из них род моста до твердого льда. Мороз скрепил сии льдины до такой степени, что они не могли нас сдерживать. Работа была кончена 27 марта, до восхода солнца, мы поспешили покинуть нашу льдину и счастливо переправились на твердый лед. Проехав с версту по *SO* направлению, увидели мы себя снова окруженных полыньями и щелями при невозможности продолжать путь. Находясь на льдине огромнее других, нас окружавших (она была до 75 сажен в поперечнике), и видя все непреложные признаки приближающейся бури, решились мы остаться здесь на месте и предаться воле Провидения.

Скоро показались предвестники наступившей непогоды. Темные тучи с запада и густые пары наполнили атмосферу. Внезапно поднялся резкий западный ветер и вскоре превратился в бурю. Море сильно вззволновалось. Огромные ледяные горы встречались на волнах, с шумом и грохотом сшибались и исчезали в пучине: другие с невероятною силою набегали на ледяные поля и с треском крошили их. Вид вззволнованного моря был ужасен. В мучительном бездействии смотрели мы на борьбу стихий, ежеминутно ожидая гибели. Три часа провели мы в таком положении. Льдина наша носилась по волнам, но все еще была цела. Внезапно огромный вал подхватил ее и с невероятною силою бросил на твердую ледянную массу. Удар был ужасен, оглушительный треск раздался под нами, и мы чувствовали, как раздробленный лед начало разносить по волнам. Минута гибели нашей наступала. Но в это роковое мгновение спасло нас врожденное человеку чувство самосохранения. Невольно бросились мы в сани, погнали собак, сами не зная куда, быстро полетели по раздробленному льду и счастливо достиг-

ли льдины, на которую были брошены. То был неподвижный ледяной остров, обставленный большими торосами»⁸⁸.

Рядом бушевало море. Было очевидно, что, если ветер не стихнет, волны в скором времени разрушат и это ненадежное пристанище. Врангель направился к берегу через торосы. В тот день он разыскал первый склад провизии, который был заложен в 4 верстах от материка. Нагрузив нарты припасами, вечером 27 марта путешественники достигли подножия скалы вблизи устья Веркона. Наконец, Врангель, Козьмин и их проводники смогли развести огонь, сварить обед и обсушить заледенелую за время скитаний по льдам одежду.

Весь следующий день Врангель посвятил перевозке продовольствия из ближайшего склада, не теряя надежды спасти припасы, брошенные среди дрейфующих льдов. Он надеялся, что при наступившем безветрии и усилившемся холоде полыни замерзнут и по молодому льду можно будет проникнуть к северу. 30 марта Врангель отправил Козьмина с тремя нартами, поручив ему забрать провизию, оставленную среди дрейфующего льда. Через несколько часов езды Козьмин встретил полынью шириной более 15 верст. Проникнуть к складу не было возможности. Оставленные в нем запасы надо было считать безвозвратно потерянными. Так закончилась попытка Врангеля достичь земли, видимой к северу от мыса Якан, о чем он рассказал в письме к Литке. «Нам казалось, что нашли этот пункт в 90 верстах восточнее Шелагского мыса, и в нетерпеливом ожидании вступить на землю, скрывающуюся многие века в безвестности, в диком безмолвии, существующую за ледяными хребтами, за потаенными водами, направились к северу и возвратились таки на берег через 16 дней, не видев даже землю; только выезд наш на берег был подобен ретираде бегущего неприятеля, разбитого под стенами столицы, в которую нахально хотел ворваться или штурмовать. А поездка наша вперед была не менее безрезультатною. Не внемля грозящему треску льда под нами, ни препонам от обширных полыней, продолжали идти вперед в сладкой надежде достигнуть до земли и не прежде решились на поворот, как повернуть уже почти нельзя было. На возвратном пути плавали мы, между прочим, на льдине по морю и

⁸⁸ Ф. П. Врангель. Путешествие..., ч. II, стр. 306—307.

едва-едва спасли самих себя с собаками и с малою частью путевых припасов»⁸⁹. Потеря значительной части провизии, оставшейся на дрейфующем льду, ставила отряд Врангеля на грань голодной смерти. После второй неудачной попытки Козьмина достигнуть путешествующего вместе со льдами склада начальник экспедиции решил возвратиться к находившемуся в 360 верстах устью реки Большой Баранихи, где в балагане имелись запасы провианта.

«Мы,— писал Врангель,— отправились в обратный путь, предвидя печальную будущность, что наши собаки падут от голода по дороге, а мы приуждены будем кончить путешествие папе пешком, если не встретимся со вторым отделением экспедиции и не получим от него помощи»⁹⁰.

Проехав 10 верст на запад, Врангель, находившийся, по его словам, в самом унылом расположении духа, встретился с Матюшкиным. Безусловно, был прав первый биограф исследователя, К. Н. Шварц, когда писал, что Матюшкин спас Врангеля от неминуемой голодной смерти. Его отряд был хорошо обеспечен припасами. Их было достаточно, чтобы всей экспедицией достигнуть Северного мыса — последней цели этого путешествия. Матюшкин сообщил Врангелю, что слышал рассказ старейшины о «Большой земле», жители которой питаются одним снегом.

«Толки и слухи, собранные нами от чукчей у о. Кольчина,— писал Матюшкин в 1851 г.,— были так сбивчивы и так неверны, предания их были так отдалены от настоящего времени, что можно думать, что они были не что иное, как сбивчивые показания по преданиям о самом американском береге к северу от Берингова пролива»⁹¹.

Путешествовавший вместе с Матюшкиным доктор Кибер, между прочим, рассказал Врангелю, что во время посещения местечка Островного чукотские старейшины якобы сами видели «Северную землю» в летние дни с мыса Якан, который находился дальше к востоку.

8 апреля экспедиция вышла на восток и в этот же день достигла мыса Якан, находившегося на $69^{\circ}41'$ с. ш. и $176^{\circ}32'$ в. д. Долго рассматривали в телескоп север-

⁸⁹ ЦГИАЭ, ф. 2057, оп. 1, д. 443, л. 70. Врангель — Литке.

⁹⁰ Ф. П. Врангель. Путешествие..., ч. II, стр. 312.

⁹¹ ЦГИАЭ, ф. 2057, оп. 1, д. 339, л. 146.

ный горизонт, но не обнаружили ни малейших признаков гор, которые видели чукчи. Матюшкин вызвался отпра- виться на поиски «Северной земли». На следующий день он пустился в путь, а Врангель занялся описью берега. 10 апреля начальник экспедиции достиг скалистого Се-верного мыса, на котором располагалось чукотское се-ление.

Поставленная перед Колымской экспедицией задача картировать северное побережье России от Колымы до мыса Северного была выполнена. Тем самым доказы-валась несостоительность гипотезы о существовании перешейка между Азией и Америкой и подтверждалась справедливость выводов и открытий, сделанных предше-ственниками Врангеля, русскими землепроходцами и учеными.

14 апреля, продолжая квартировать побережье Чукот-ки, Врангель описал устье реки Амгуемы и мыс Ванка-рем. На следующий день он достиг Колючинской губы, где выполнил магнитные наблюдения и определил гео-графическое положение острова Колючина. Невозможность добыть корм для собак и ухудшение дороги с наступле-нием весны вынудили Врангеля закончить исследования в этом пункте. «Хотя весьма неохотно, — писал он, — я ре-шился отказаться от моего плана окончить опись север-ных азиатских берегов, но с другой стороны утешался мыслью, что тем не составится важной потери географии, ибо берега Берингова пролива и Ледовитого моря до ост-рова Колючина уже были осмотрены и подробно описаны экспедицией Биллингса»⁹².

17 апреля Врангель направился на запад. Через три дня он добрался до селения на мысе Ир-Карпий, где оставил запасы провианта на обратный путь. Они были в сохранности. Здесь Врангель вторично провел опреде-ление широты и долготы Ир-Карпия и установил, что наблюдениям Кука, сделанным с корабля, недоставало необходимой точности.

24 апреля путешественники достигли того места, от-куда Матюшкин направился на поиски «Северной земли». Здесь второй отряд поставил крест с запиской для Вран-геля. Матюшкин извещал начальника экспедиции, что его попытки достичь гор на севере были неудачны. Он всю-

⁹² Ф. П. Врангель. Путешествие..., ч. II, стр. 329.

ду встречал широкие полыньи и смог пройти по льдам лишь 16 верст. Таким образом, Врангель получил новое доказательство своего предположения о том, что заприпайная полынья к востоку значительно приближается к берегу материка и соответственно уменьшается простирание твердого льда (припая). Это было выдающееся открытие. Доставленные русскими путешественниками сведения о Великой Северной полынье дали уверенность Норденшельду в успехе сквозного плавания по Северо-Восточному морскому проходу⁹³, окончательное доказательство существования которого принадлежит Колымской экспедиции и ее начальнику Врангелю.

Рано утром 1 мая Врангель прибыл на мыс Шелагский, где пытался у чукчей получить съестные припасы, но старейшина сообщил, что ничем не может помочь, так как ни охотой, ни рыбной ловлей не занимается.

«Мы находились в самом затруднительном положении. Провиант и корм для собак,— писал Врангель,— совершенно у нас истощились, и запастись ими на пустынном берегу не было возможности. Даже чукчи, кочующие обыкновенно со своими оленями на острове Айоне, или Сабадее, от которых можно бы получить несколько припасов, удалились во внутренность земли. Утомленные трудами и большими переездами, собаки изранили себе притом ноги, так, что оставляли за собою кровавый след. Некоторые из них были до такой степени измучены, что мы принуждены были положить их на нарты. В таких обстоятельствах продолжать путь оставалось только, следуя принятому здесь правилу, т. е. гнать собак и не давать им ни малейшего отдыха, до того места, где есть надежда добыть корму. Так дотащились мы 3 мая до стана при устье Большой Баранихи, где нашли несколько провианта и достаточное количество корма собакам»⁹⁴.

Два дня все участники путешествия отдыхали. Лишь Врангель занимался астрономическими наблюдениями. 5 мая его отряд был снова в пути. Когда достигли Колымы, то увидели, что ее лед покрыт водой. Это очень затрудняло езду. Голодные путешественники и измученные собаки 10 мая дотащились до Нижнеколымска, пройдя за

⁹³ Ф. Ф. Врангель. Фердинанд Петрович Врангель. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрана, т. VII, стр. 338.

⁹⁴ Ф. П. Врангель. Путешествие..., ч. II, стр. 342—343.

78 дней 2300 верст. Здесь Врангеля уже ждал Матюшкин. Не найдя «Северной земли», он подробно описал Чаунскую губу и выполнил большое число астрономических определений для уточнения положения картируемых берегов.

«Коротко сказать,— писал Врангель Литке,— проникли и описали берег до острова Колючина, откуда Берингов пролив был от нас не более 3-дневной собачьей езды, и возвратились в Нижнеколымск мая 10-го, к радости и удивлению жителей, полагавших нас или поглощенным морем или убитыми от чукоч. Хотя в самом деле ни того, ни другого не случилось, однако их опасения легко могли сбыться. Ты мне поверишь, что не было возможности добраться до Берингова пролива, хотя мы и недалеко от него были: голодными и на едва шевелящихся собаках дотащились мы до Колымы. Теперь я не имею никакого сомнения, что есть на севере земля: сказания чукоч так согласны и утвердительны, что уже не искать, а найти следует»⁹⁵.

На этом закончились исследования Колымской экспедиции. В середине июля Нижнеколымск покинули Матюшкин и Кибер. Врангель остался ждать чиновника из Якутска, чтобы в его присутствии произвести расчет с местными жителями. Наконец все дела были завершены. 1 ноября начальник экспедиции в сопровождении Козьмина покинул Нижнеколымск, жителям которого экспедиция во многом обязана своими достижениями. Врангель навсегда сохранил чувство признательности к обитателям этого северного края.

«Желая иметь понятие об образе жизни прибрежных колымчан,— писал он,— надо было несколько времени прожить с ними: следовать за ними из зимних изб в летние балаганы, плавать с ними в карбасе или в ветке по быстрым рекам; взбираться верхом или пешком на скалы, прокладывать дорогу через густой лес, в жестокие морозы и метель носиться на легкой нарте, запряженной борзыми собаками, по бесконечной тундре, словом, надо было ни в чем не отставать от них. Такова была жизнь наша в продолжение почти трехлетнего пребывания здесь, мы жили в их обществе, одевались так же, как они, питались их вяленою рыбой и разделяли с ними все неудобства здешнего климата при крайнем недостатке в потребно-

⁹⁵ ЦГИАЭ, ф. 2057, оп. 1, д. 443, л. 69. Врангель — Литке.

Леопольд Франц
Карл Франц Франгель

ВЪ 1820, 21, 22 И 23 ГОДАХЪ

Пояснение знаковъ

- 1) Купо на пароходѣ
- 2) Купо на береговомъ шлюзѣ
- 3) Каналъ подводный по поверхности
воды шлюзъ и дамба
- 4) Каналъ определенный по поверхности
воды шлюзъ
- 5) Сѣверный предѣлъ съѣзда
- 6) Граница

Деталь «Меркаторской карты части северного берега Сибири»
(путь Колымской экспедиции в 1823 г.)

стяхъ всякого рода, что даетъ мне возможность представить верное изображеніе жизни въ Нижнеколымске, а, за исключениемъ немногихъ местныхъ обстоятельствъ, она одинакова по всемъ берегамъ Колымы»⁹⁶.

22 декабря 1823 г. Врангель приехалъ въ городъ Верхоянскъ, состоявший изъ пяти домовъ и одной церкви. Здесь онъ узналъ, что Янсская экспедиція во главе съ Анжу несколько недель назадъ проследовала въ Иркутскъ. Черезъ пять

⁹⁶ Ф. П. Врангель. Путешествие..., ч. I, стр. 243—244.

дней путешественники добрались до Верхоянского хребта, у подножия которого пережили жестокий ураган. 10 января 1824 г. Врангель достиг Якутска, где встретился с Анжу. Занимаясь расчетами, они прожили здесь четыре недели. 25 февраля руководители экспедиций прибыли в Иркутск. Они оба так страдали от ревматических болей, что едва могли ходить. С разрешения генерал-губернатора Восточной Сибири А. С. Лавинского Врангель и Анжу отправились лечиться на Турсинские горячие ключи, а затем выехали в Петербург, куда прибыли 15 августа 1824 г. К удивлению Врангеля, участники экспедиций были тепло встречены руководителем Адмиралтейского департамента Г. А. Сарычевым.

31 октября он представил начальнику морского штаба А. В. Моллеру обширную записку «О действиях двух экспедиций к северным берегам Сибири в 1821, 1822 и 1823 годах», подлинники которой сохранились в фондах Департамента морского министра и Адмиралтейского департамента⁹⁷.

В итоге трехлетних исследований Колымской и Янской экспедиций было, по словам Сарычева, исследовано северное побережье Сибири от реки Онечек до Колючинской губы на протяжении 2240 итальянских миль и картированы Новосибирские (к северу от Яны) и Медвежьи острова (к северу от Колымы). Выполненные описи и составленные карты основаны на многочисленных астрономических наблюдениях.

«Море, весь берег омывающее, — писал Сарычев, — осмотрено на такое пространство, на какое только состояние льда позволяло (от 30 до 165 миль); на сем пространстве не открыто никакой земли; но по достоверным сведениям, от чукчей полученным, есть причина заключать о существовании оной к югу от Шелагского Носа»⁹⁸. Сарычев поддержал точку зрения Врангеля о том, что эту «землю не искать, а найти следует», и спустя несколько лет предпринял попытку добиться снаряжения экспедиции для открытия земли, «высокие горы» которой местные жители видели с берегов мыса Якан.

⁹⁷ ЦГАВМФ, ф. 166, оп. 1, д. 663, лл. 588—606; ф. 215, оп. 1, д. 781, лл. 207—221.

⁹⁸ Там же, л. 606.

Сарычев подчеркивал, что главнейшим достижением Колымской экспедиции «была опись берега Азии до острова Кюлючина (до коего осмотрен оный с востока экспедициою капитана Биллингса), следственно, конечное разрешение вопроса о песоединении Азии с Америкою»⁹⁹.

Эта точка зрения Сарычева была почти дословно повторена в решении Адмиралтейств-коллегии. Она, разумеется, не охватывала всех сторон деятельности Колымской экспедиции. Знаменательно, что исключительное научное значение путешествий Врангеля, Матюшкина и Анжу прежде всего было отмечено выдающимися представителями движения декабристов Г. С. Батеньковым и А. О. Корниловичем. Корнилович справедливо увидел одно из самых выдающихся достижений Врангеля в проведении ученых изысканий. «Важнее и драгоценнее всего наблюдения его над образованием полярных льдов, над северными сияниями, над климатом сих холодных стран», — писал декабрист. По его убеждению, научные наблюдения Врангеля должны были послужить «к полнейшему понятию о физическом состоянии полярных стран»¹⁰⁰.

Научное значение Колымской экспедиции

Исключительный вклад Колымской экспедиции в развитие географии полярных стран, в познание геофизических процессов, происходящих в природе высоких широт, не мог быть во всей полноте и многообразии оценен современниками. В их распоряжении имелось лишь несколько работ Врангеля, Кибера, Фигурина. Журналы и карты Колымской и Янской экспедиций сделались достоянием архивов. Свое «Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю» Врангель закончил только по возвращении из кругосветного плавания на шлюпе «Кроткий» в декабре 1828 г. Издание его труда было отложено из-за недостатка средств. Головнин, опасаясь, что рукопись Врангеля может затеряться в Ученом комитете Морского ведомства, забрал ее к себе домой. После смерти Головнина «Путешествие» было возвращено в Морское ведомство, которое только в середине 30-х годов присту-

⁹⁹ ЦГАВМФ, ф. 166, оп. 1, д. 663, л. 601.

¹⁰⁰ А. О. Корнилович. Известия об экспедициях..., стр 376.

ПУТЕШЕСТВИЕ

по

СѢВЕРНЫМЪ БЕРЕГАМЪ СИБИРИ

и

ПО ЛЕДОВИТОМУ МОРЮ,

СОВЕРШЕННОЕ, ВЪ 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 г., экспедицію, состоявшую подъ начальствомъ флота лейтенанта

Фердинанда Фонъ-Врангеля.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ А. БОРОДИНА Н. К.

1841.

Титульный лист книги Ф. И. Врангеля
«Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю»

шило к набору книги. В это время Врангель возвратился из Русской Америки и, отказавшись от услуг Морского министерства, издал «Путешествие» при участии известного издателя А. Смирдина и литератора Н. Полевого. Это произошло через 17 лет после окончания Колымской экспедиции. В том же, 1841 году Академия наук опубликовала «Прибавления к «Путешествию по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенному в 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 годах экспедициою, состоявшою под начальством флота лейтенанта Фердинанда Врангеля», содержащие в себе замечания о Ледовитом море, о полярных льдах, северных сияниях, езде на собаках, языках туземцев, метеорологические, климатологические наблюдения и таблицы географического положения мест с приложением 13 литографированных раскрашенных рисунков северных сияний и походных принадлежностей». «Путешествие» и «Прибавления» к нему Академия наук удостоила высшей награды — Демидовской премии.

Врангель положил начало сбору материалов по земному магнетизму Восточной Сибири. Он провел наблюдения над склонением компаса и наклонением стрелки инклиноватора в Иркутском адмиралтействе, вблизи Якутска, в Нижнеколымске, в Русском устье на Индигирке, в Малом и Большом Барановом Камнях, в болоте к северу от Малого Аниоя, в Малом Чукочьем, в селах Лабазном и Плотбище на Аниое, на реке Погинден, на 4-м и 6-м Медвежьих островах, в Каменной тундре, на перешейке Шелагского мыса, вблизи устья реки Веркона, на мысе Северном и на острове Колючине. Кроме того, Врангель выполнил цикл наблюдений во время поездок по льдам океана. Собранный им богатый материал в сочетании с магнитными определениями Янской экспедиции явился первой рекогносцировочной магнитной съемкой Восточной Сибири от Иркутска и Якутска до северных берегов и островов Северного Ледовитого океана, между рекой Оленек и Колючинской губой, включая акваторию морей Лаптевых и Восточно-Сибирского. Эти геомагнитные исследования Колымской и Янской экспедиций, о которых с восхищением говорил А. Гумбольдт в 1829 г. на экстренном заседании Петербургской академии наук, были прелюдией к магнитным изысканиям Ганстейна, Эрмана и Дове, спустя несколько лет зани-

мавшихся изучением более южных районов Сибири. Обширные материалы Врангеля и Аижу опубликованы в 1863 г. Ганстейном в Христиании (Осло). Они послужили исходным материалом для построения «карт изогонических, изоклинических и изодинамических линий, на которых наглядно изображено распределение магнитного склонения, магнитного наклонения и полной величины магнитного напряжения». По словам академика М. А. Рыкачева, с тех пор «они служат не только для определения вековых изменений, происходящих в элементах земного магнетизма, но и для построения самих карт, принимая во внимание эти вековые изменения»¹⁰¹.

Врангель обнаружил «сгущение» магнитных линий в районе Колымы, что дало основание современникам говорить о существовании в этом районе второго магнитного полюса. На опыте санитарных поездок и путешествий по берегам океана, опираясь на наблюдения предшественников и сведения промышленников, Врангель описал льды Восточно-Сибирского и Чукотского морей. Он первым отметил, что прибрежная часть Восточно-Сибирского моря замерзает только в конце октября и что лед взламывается и берега очищаются от льдов на исходе июня. В более мористых районах лед взламывается почти месяцем позже. В отдельные годы лед блокирует в течение всего лета сибирское побережье, что вполне согласуется с современными представлениями о ледовитости этого моря.

Врангель сделал важный вывод о том, что таяние льда требует значительных расходов тепла, за счет которого «понижается температура окружающего его воздуха»¹⁰². Он подтвержден современными исследованиями. Впервые в географической литературе было дано описание различных торосов (осенних, зимних и весенних) и рассмотрены особенности замерзания моря. При этом обращалось внимание на характерные черты полыней и трещин в припайном льду. Врангель первым из путешественников открыл ледяные острова и дал их удивительно точное описание, во многих чертах совпадающее с теми данными, которые были доставлены учеными, исследовавшими эти образования в последние два десятилетия. Вран-

¹⁰¹ М. А. Рыкачев. Исторический очерк Главной физической обсерватории. СПб., 1899, стр. 64.

¹⁰² Ф. П. Врангель. Прибавления к «Путешествию...», стр. 2.

гель установил границу распространения припая в Восточно-Сибирском и западной части Чукотского моря.

Исключительно важное влияние на развитие представлений о Северном Ледовитом океане оказало открытие Колымской и Янской экспедициями постоянной морской полыни, впоследствии получившей название Великой Северной полыни, которая и сегодня остается предметом научных исследований. На этом вопросе Врангель останавливался подробно в статье «Общие замечания о Ледовитом море», в «Путешествии» и в «Прибавлениях» к нему. По его мнению, постоянная морская полынь начиняется к северо-западу от острова Котельного и тянется на юго-восток и тем более приближается к материку, чем ближе подходит к Якану»¹⁰³.

Исключительно большое число достоверных фактов о существовании открытого моря послужило мощным импульсом к пересмотру прежних представлений о Северном Ледовитом океане. Врангель обратил внимание на изменение физико-географических условий моря в зависимости от широты, на влияние речного стока на соленость морских вод, на зависимость прочности морского льда от степени солености морской воды, из которой он образовался. По словам известного советского океанографа и знатока Арктики Н. Н. Зубова, Врангель «дал в сущности первые описания полярных льдов»¹⁰⁴ и состояния ледовой обстановки в северных морях в весенний период. Врангель пришел к чрезвычайно важному в научном и практическом отношениях выводу об отступании моря, который подтверждается современными исследованиями¹⁰⁵.

Выдающимся вкладом в изучение климата Северо-Востока России явилась организация Врангелем и Матюшиным систематических метеорологических наблюдений в Нижнеколымске, которые были использованы выдающимися русскими учеными К. С. Веселовским в монографии «О климате России», Г. И. Вильдом в капитальной

¹⁰³ Ф. П. Врангель. Прибавление к «Путешествию...», стр. 12.

¹⁰⁴ Н. Н. Зубов. Отечественные мореплаватели — исследователи морей и океанов. М., Географгиз, 1955, стр. 252.

¹⁰⁵ Г. А. Баскаков, А. О. Штайхер. Современные вертикальные движения побережья арктических морей.— Сб. «Проблемы полярной географии» (Труды ААНИИ), т. 285. Л., Гидрометеоиздат, 1968, стр. 189—195.

работе «О температуре воздуха в Российской империи», Л. С. Бергом в труде «Климат и жизнь». Наблюдения Врангеля, Матюшкина, Козьмина и Анжу как единственные данные о повторяемости различных ветров были использованы А. И. Войковым для характеристики атмосферной циркуляции на северном побережье Сибири.

Анализируя особенности ветрового режима Колымского края, Врангель первым описал феновые потоки, возникающие в районе невысоких гор Чукотки. Он сделал ряд ценных климатических обобщений на основе прямых и косвенных данных. Этот метод исследования природных явлений позже, как известно, широко использовался выдающимся русским климатологом А. И. Войковым.

Колымская экспедиция уделила исключительно большое внимание наблюдениям над полярными сияниями, которые проводились по программе, разработанной академиком Парротом¹⁰⁶. По возвращении из экспедиции Врангель представил Академии наук обширные материалы. Они были опубликованы Парротом, создавшим на их основе новую теорию полярного сияния, увидевшую свет в 1827 г. Колымская экспедиция исследовала северное побережье России от реки Индигирки до Конючинской губы и тем самым соединила свою ётесь с ётесью экспедиции Биллингса, выполненной от Берингова пролива до Колючинской губы. Карта морских берегов, островов и внутренних районов Северо-Востока России опиралась на 115 астрономических пунктов. Это было выдающееся достижение. Впервые северо-восточные берега обрели настояще очертание и была доказана неосновательность гипотезы Бурнея о соединении Азии и Америки. Вместе с тем достоверное исследование северо-восточных берегов имело важное значение для решения проблемы морского прохода «из Ледовитого океана в Тихий». М. В. Ломоносов, рассматривая возможности плавания из Атлантики в Тихий океан, отмечал, что северное побережье России от Архангельска до «Устьев Колымских» изведано морскими офицерами Второй Камчатской экспедиции. «До стальной берег от Колымы до устья реки Анадырь около Чукотского носу исследован известиями от тамошних жителей через капитана Павлуцкого, чьему известие о морском пути Федота Алексеева с товарищи весьма соотв-

¹⁰⁶ ЦГИАЭ, ф. 2057, оп. 1, д. 258, лл. 1—3.

ствует, и сомнения о море, всю Сибирь окружающем, не остается»¹⁰⁷.

В другом месте своего «Краткого описания путешествий по северным морям» Ломоносов отмечал, что плаванием Федота Алексеева и Семена Дежнева из Колымы вокруг Чукотки через Берингов пролив к устью реки Анадырь «несомненно доказан проход морской из Ледовитого океана в Тихий»¹⁰⁸.

Однако в конце XVIII и начале XIX в. плавание Дежнева было поставлено под сомнение. В обстановке горячих споров вокруг проблемы соединения двух материков исследования Врангеля между Колымой и Колючинской губой имели исключительную значимость. Они подтвердили вывод Ломоносова о том, что «Северный Сибирский океан с Атлантическим и Тихим беспрерывное соединение имеет и что Азия от Северной Америки отделена водами»¹⁰⁹.

Врангель понимал, что доставил науке окончательное доказательство существования Северо-Восточного морского прохода, но не акцентировал на этом внимание, говоря об итогах своих исследований. Это очевидно из его исторического обзора русских путешествий по северным морям. Именно на долю Врангеля выпало довершить исполнение задачи, которуюставил перед собой Шалауров. Только Врангель прошел из Колымы в район Берингова пролива не на судне, а на собаках. Для исследователя была не столь важна доля личного участия в решении великого вопроса. Важнее было другое. Тщательно изучая сведения о трудах своих предшественников, он пришел к исключительно интересному заключению, изложенному в первых строках «Путешествия».

«Обширное пространство земного шара, заключающееся между Белым морем и Беринговым проливом, почти на 145° долготы по матерому берегу Северной Европы и Сибири открыто и описано россиянами. Все покушения мореплавателей других народов проникнуть Ледовитым морем из Европы в Китай или из Великого океана в Атлантический ограничены на запад Карским морем, на

¹⁰⁷ М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. VI. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1952, стр. 450.

¹⁰⁸ Там же, стр. 449.

¹⁰⁹ Там же, стр. 450.

восток меридианом мыса Северного; непреодолимые препятствия, останавливавшие иностранцев в дальнейшем плавании, преодолены напими мореходцами...»¹¹⁰

Рассмотрев продвижение по полярным морям русских мореходцев, Врангель особо подчеркнул, что «Дежневу и его отважным спутникам исключительно принадлежит честь совершения морского пути из Колымы в Северный Великий океан». Но Врангель не только защитил честь знаменитого мореходца, не только доказал несостоятельность гипотезы Бурнея, но и довершил великое дело, начатое Второй Камчатской экспедицией, деятельность северных отрядов которой по описи северного побережья России он рассмотрел с исключительной подробностью в своей книге.

Экспедиция Врангеля добыла не только окончательное доказательство того, что все северное побережье России омывает море. По словам академиков К. М. Бэра, и Э. Х. Ленца, в результате бесстрашных, исполненных мужества поездок горсточки русских моряков по льдам океана был утрачен «большой материк», который неоднократно Врангель именовал северным материком. Выйдя на границу припая, а затем пройдя около 90 верст по дрейфующим льдам, Врангель, не боясь гнева петербургского начальства, заявил, что в расстоянии по крайней мере 300—500 верст к северу от сибирских берегов между Колымой и мысом Шелагским лежит «матерой земли» и что, судя по сведениям, полученным от чукчей, обширный остров имеется в море к северу от мыса Якан. Врангель верил в его существование. Еще находясь в Нижнеколымске, он составил «Проект о новой экспедиции для открытия и описи Северной земли», черновик которого сохранился в архиве исследователя¹¹¹. По возвращении в Петербург он сообщил о своем намерении Сарычеву, но какого-либо решения не было принято, возможно, потому, что Врангель вскоре по предложению Головнина получил новое ответственное поручение.

Экспедиция добыла драгоценные сведения о жителях и природе Чукотского края. Русские этнографы очень высоко ценили собранные Врангелем и Матюшкиным

¹¹⁰ Ф. П. Врангель. Путешествие..., ч. I, стр. 1.

¹¹¹ ЦГИАЭ, ф. 2057, оп. 1, д. 292, л. 17.

материалы о коренных жителях Северо-Востока России¹¹². Еще находясь на Колыме, участник экспедиции доктор Кибер передал для опубликования в «Сибирском вестнике» «Краткие замечания о ламутах, тунгусах и юкагирах», которые, как и его исследования о чукчах, высоко оценивались этнографами.

Путешественники в своих донесениях, письмах, статьях и книгах описали хронический голод и бесправие народов Северо-Востока России. Многие страницы, вышедшие из-под пера Врангеля и Матюшкина, посвящены описаниям народных бедствий.

«На Колыме,— писал Врангель,— весна самое тяжелое для жителей время года, съестные припасы, заготовленные летом и осенью, все исходят в продолжение зимы; рыба, укрывшаяся от жестокой стужи на дне рек и озер, не показывается еще в воде; собаки, изнуренные зимнею работой и недостатком корма, не могут уже более слушать для того, чтобы, пользуясь последним весенним благоденствием природы, так называемым настом, гнаться на них за оленями и сочатыми; куропатки, паловленные койгде силками, доставляют весьма незначительное пособие, одним словом, угрожает ужаснейший голод. В то время тунгусы и юкагиры толпами переходят с тундры и с Аниоя в русские селения на Колыме искать спасения от голодной смерти. Бледные, бессильные, бродят они, как тени, и бросаются с жадностью на трупы убитых или павших оленей, кости, шкуру, ремни, на все, что только может сколько-нибудь служить к утолению мучительной потребности в пище. Но и здесь видят они мало отрады, и здесь свирепствует голод, так что самые жители принуждены довольствоваться скучными остатками от заготовленного собакам корма. Многие собаки падают, истощенные голодом. Хотя из казенного запасного магазина можно покупать затхлую ржаную муку и брать даже в долг до осени или зимы, но немногие в состоянии платить по 20 рублей за пуд. Так дорого продаётся мука оттого, что провоз ее из дальних мест сопряжен с большим затруднением и нередко продолжается около двух

¹¹² Советские ученые считают, что Колымская экспедиция сделала исключительно важный вклад в отечественную этнографию (М. А. Сергеев. Экспедиция Ф. П. Врангеля и Ф. Ф. Матюшкина и изучение малых народов Крайнего Севера-Востока.— В кн. Ф. П. Врангель. Путешествие..., ч. I, стр. 411).

лет. В бытность нашу в Среднеколымске тамошнему комиссару надлежало сделать смету, какое количество муки нужно для обеспечения народа на все время весеннего голода. Он потребовал о том сведения от казацкого сотника, под особым надзором которого находятся тунгусы и юкагиры, и получил в ответ: «Не могу сказать определительно, но уверяю Вас, что многие согласятся лучше умереть с голода, нежели платить по два рубля за каждый день горестной жизни».

Три такие ужасные весны прожил я здесь и теперь еще с содроганием представляю себе плачевную картину голода и нищеты, которой, хотя был свидетелем, описать не в силах»¹¹³.

Подобные страницы не исключение. В своих трудах Врангель неоднократно останавливается на лишениях и нужде, которую терпят жители северных окраин Сибири из-за плохой доставки жизненных припасов, включая муку, соль, чай, табак. Отправляемые с юга казенные транспорты из-за недостатка рабочих рук плыли очень медленно и часто оставались на зимовку. Тогда самые необходимые товары доставлялись сухим путем и продавались в этом случае по таким высоким ценам, что «большая часть бедных жителей была не в состоянии ими запасаться». Врангель предлагал организовать пароходное сообщение по сибирским рекам и тем самым обеспечить регулярную доставку жизненных припасов жителям северных окраин.

Страницы, посвященные положению народов Северо-Востока России, свидетельствуют об исключительном гражданском мужестве Врангеля. Путешествовавший через Сибирь А. И. Гончаров писал, что имя Врангеля, «писателя и путешественника, живо сохраняется в памяти у сибиряков, а его книгу непременно найдете в Сибири у всех образованных людей»¹¹⁴.

Многие поколения географов и историков обращались к «Путешествию» Врангеля, справедливо считая этот выдающийся труд важным источником о Северном Ледовитом океане, берегах и тундрах Сибири. Норвежский полярный исследователь А. Э. Норденшельд писал 25 августа 1884 г. дочери Врангеля: «Труд Вашего знамени-

¹¹³ Ф. П. Врангель. Путешествие..., ч. I, стр. 245—246.

¹¹⁴ А. И. Гончаров. Собр. соч., т. 3. М., Гослитиздат, 1953, стр. 398.

того отца будет всегда одним из шедевров арктической литературы, необходимой не только каждому исследователю Севера, но также и для всех серьезных исследований физики Земли»¹¹⁵.

По словам Норденшельда, он многократно обращался к трудам Врангеля и всякий раз находил там новые выводы и новые важные материалы для исследования и изучения полярных районов Земли.

«Путешествие» Врангеля и «Прибавление» к нему сохранили и сегодня не только историческую, но и научную ценность. И ни один автор современных крупных работ по географии Северной Сибири не может не отдать дани уважения и восхищения широте, новизне и достоверности наблюдений Колымской экспедиции, которая возглавлялась Врангелем, человеком большого таланта и кипучей энергии.

Окончательное решение проблемы северного материка

Колымская и Япская экспедиции доставили науке факты, свидетельствующие о сомнительности существования «Северной матерой земли», или северного материка, как называл ее Врангель в переписке с Литке. Однако прошло больше столетия, прежде чем эта географическая проблема получила свое окончательное решение.

Спустя четыре года после возвращения Врангеля в Петербург генерал-гидрограф Сарычев, которому география моря обязана выдающимися достижениями, выступил с предложением о снаряжении экспедиции для открытия земли, находящейся к северу от мыса Якан. От чукчей были получены сведения об этой стране. Частью они относились к острову Врангеля, а частью повторяли рассказы об Аляске, которые уже были известны участникам Колымской экспедиции. Эти «расспросы чукчей» пришли в Петербург, когда уже Сарычева не было в живых¹¹⁶. Его преемник на посту руководителя русской

¹¹⁵ L. Engelhardt. Ferdinand von Wrangel und seine Reise. Leipzig, 1885, S. VII.

¹¹⁶ ЦГАВМФ, ф. 402, оп. 1, д. 89, лл. 1—18.. Копии расспросов хранятся также в архиве Врангеля.

гидрографии А. Г. Вилламов сдал материалы в архив. Вопрос о земле к северу от мыса Якан был забыт на два десятилетия, пока в 1849 г. английская экспедиция, искающая в Чукотском море бесследно исчезнувшие корабли Джона Франклина, не открыла остров Геральда и не увидела вдали вершины неизвестной земли, получившей название Земли Пловера. Английские путешественники считали их частью той самой горной цепи, которую наблюдали чукчи с мыса Якан.

Спустя два года участник этой экспедиции Бедфорд Пим обратился к русскому правительству за поддержкой в организации поисков Франклина на «Предполагаемой земле». «Решение вести поиски пропавшей экспедиции Франклина в районе Берингова пролива,— писал Б. Пим,— возникло после знакомства с отчетами исследовательских экспедиций, которыми руководили такие выдающиеся офицеры, как адмиралы Врангель, Анжу, Матюшкин. Моя экспедиция должна следовать по тому же маршруту и в основных чертах напоминать исследования упомянутых офицеров»¹¹⁷.

На карте, приложенной к проекту Пима, была изображена «Предполагаемая земля» в виде цепи островов, протянувшейся между 76° и 78° с. ш., от меридиана реки Колымы до островов Парри в Канадском арктическом архипелаге.

Экспедиция Пима на «Предполагаемую землю» не состоялась. По мнению и правительственные, и научных кругов Петербурга, в обстановке обострения англо-русских отношений она могла нанести ущерб государственным интересам России.

Матюшкин в своем обширном сообщении о проекте Пима высказал сомнение в существовании «Предполагаемой земли». Если бы в Северном Ледовитом океане от меридиана Колымы до района Веллингтона пролива тянулась столь обширная гряда островов, то ее открыла бы Колымская экспедиция Врангеля еще в начале 20-х годов XIX в.

В те самые годы, в которые Бедфорд Пим пытался добиться осуществления своего проекта, по Северо-Востоку России путешествовал член Русского географического общества священник Аргептов. Он собирал сведе-

¹¹⁷ АВПР, ф. Главный архив, II—8, 1851—1852 гг., д. 7, л. 44.

ния по географии Чукотки. Его внимание привлекла «Северная земля». Аргентов посвятил этому вопросу несколько статей и отдельную книгу, которая по рекомендации Врангеля¹¹⁸ была опубликована в 1861 г. в «Записках Русского географического общества». Он утверждал, что за водами Ледовитого моря, против берегов Восточной Сибири, существует Полярная земля. Он предполагал, что она протянулась на запад, во всяком случае не дальше Новой Сибири, а, скорее всего, находилась несколько восточнее. Аргентов приводил ряд доказательств в защиту своей гипотезы. Во-первых, он провел лето 1850 г. на берегах между рекой Яной и Шелагским мысом и ни разу не заметил суточного прилива, хотя систематически следил за этим явлением. Наблюдались лишь нагоны воды, вызванные крепкими или продолжительными северными ветрами. Между тем Аргентов обращал внимание на тот факт, что Анжу на северных берегах Новосибирских островов отметил правильные суточные приливы, наблюдавшиеся также промышленниками в Благовещенском проливе, отделяющем остров Фаддеевский от Новой Сибири. Однако этого явления никто не замечал на азиатских берегах. Следовательно, Новосибирские острова гасили приливную волну, и поскольку дальше на восток, до Шелагского мыса, приливы отсутствовали или были чрезвычайно ничтожны, то, вероятно, Ледовитое море замыкала с севера обширная земля или цепь островов. Этот вывод не отличался оригинальностью и являлся до некоторой степени модернизацией взглядов Сарычева. Второе доказательство Аргентов видел в том, что льды под воздействием ветра то удаляются за горизонт, то снова возвращаются к сибирским берегам. Это происходило потому, что дальше к полюсу их не пускала преграда в виде «Северной земли». По его мнению, за Великой полыней, открытой Врангелем и Анжу, лед находился в неподвижном состоянии, следовательно, там существовала «отмель или цепь островов, но никак уже не океан открытый». Следующее доказательство в пользу «Северной земли» Аргентов видел в том, что осенью киты возвращаются из Ледовитого моря большими стадами вдоль сибирских берегов в Берингов пролив. Открытая вода у «Северной земли» замерзает раньше, и поэтому

¹¹⁸ ЦГИАЭ, ф. 2057, оп. 1, д. 450, л. 39.

киты волей-неволей вынуждены опускаться в прибрежные воды Чукотки. Затем Аргентов наблюдал, как осенью с севера летело множество птиц, которые садились на длительный отдых в Каменнй тундре, что давало повод говорить об отдаленности этой земли, с которой эти птицы прилетели. Зимой, вероятно, с той же земли приходили по замерзшему морю стада оленей, песцы и даже мыши (леммипги).

Аргентов, кроме того, проанализировал предания, температурные данные, свидетельства Андреева, чукчей, Санникова, Врангеля и других исследователей.

«Изложив здесь все имеющиеся у меня данные о существовании Северной земли,— писал он в заключение своей книги,— я в особой статье представлю мое мнение о возможности достижения предполагаемого полярного материка и передам при этом мои условия, в какое время и при каких способах можно отправить ученую экспедицию, которой, может быть, суждено будет кроме открытия Северной земли достигнуть недосягаемых доселе пределов Северного полюса»¹¹⁹.

Но прежде чем Аргентову удалось добиться снаряжения экспедиции, американский китолов Лонг открыл землю, о которой Врангелю и Матюшкину рассказывали чуки.

«С 15 по 16 августа,— сообщал Лонг,— мы плыли вдоль этой земли в восточном направлении и подходили к ней на расстояние 15 миль. Погода была замечательно ясная и тихая, и мы могли хорошо рассмотреть среднюю и восточную части этой земли. Почти на середине острова, приблизительно на 180 меридиане, была видна гора, напоминающая своим видом потухший вулкан». Лонгу казалось, что высота ее достигает 2480 футов.

Вскоре китолов достиг юго-восточного мыса земли. Лонг не мог определить, как далеко она простирается к северу. Перед ним лежали льды, преодолеть которые его китобойное судно было не в силах. Но с мачты было видно, что горные хребты тянулись далеко в глубь этого острова, Лонг назвал его именем Врангеля «как дань уважения человеку, который еще 45 лет тому назад доказал, что полярное море открыто».

Однако отдельные ученые выразили недовольство,

¹¹⁹ А. Аргентов. Северная земля. СПб., 1861, стр. 162.

что вновь открытая земля получила имя Врангеля. Австрийский профессор-геолог Фердинанд Гохенштеттер, докладывая Венскому географическому обществу, президентом которого он являлся, об открытии Лонга, был возмущен, считая, что Врангель отрицал существование земли к северу от мыса Якан. По словам Гохенштеттера, Лонг не сделал никакого открытия. Эту страну еще в 1764 г. видел один русский урядник (вероятно, подразумевался сержант Андреев), а экспедиция Врангеля не привела ни к какому результату. По его мнению, Врангель ввел в заблуждение ученых, считая, что вдали от сибирских берегов находится открытое море. Гохенштеттер был убежден, что между Гренландией и Северной Сибирью лежат либо большие острова, либо материк.

Еще более категорично выступил немецкий профессор А. Петерман, издававший знаменитый географический ежемесячник. Он считал, что Лонг не мог придумать для своей находки названия менее удачного и менее основательного. По его словам, именно Врангель восставал столько раз против существования этой земли, и поэтому несомненно, справедливее было бы назвать ее именем Андреева или Келлата.

Выступления Петермана и Гохенштеттера вызвали достойную отповедь со стороны ученых России. На защиту Врангеля встали академики и мореплаватели. Академик Бэр напомнил, что Врангель никогда не отождествлял Землю Андреева с землей к северу от мыса Якан.

И Петерман, и Гохенштеттер упустили из вида утверждение Врангеля о том, «что к северу от мыса Якан, лежащего в расстоянии 530 верст на восток от устья Колымы, находится еще неоткрытая до сих пор земля, но которая не имеет ничего общего с Землей Андреева».

Бэр подверг критике взгляды Петермана на арктическую область. Ученый весьма подробно остановился на карте полярной области, недавно опубликованной немецким географом. На ней была изображена «Предполагаемая Северная земля или остров». Она протянулась от восточных берегов Гренландии по направлению к берегам Чукотки в нескольких десятках километров от Северного полюса. Ее восточную оконечность украшал остров Геральд. Остров Врангеля не был упомянут, хотя в одном из номеров журнала уже появилось сообщение об открытии Лонга.

«Не могла ли возбудить всеобщего удивления карта полярных стран Петермана, — писал Бэр. — На этой карте Гренландия, длинное узкое продолжение которой простирается до соседства Шелагского мыса и таким образом пересекает весь Ледовитый океан. Другого подобного полуострова нет на всем земном шаре. Легко понять, что восточная оконечность этого полуострова, по предположению автора, должна служить падежною опорою и быть, так сказать, родиною для всех сибирских преданий»¹²⁰.

Бэр заявил, что он готов прославлять имя Петермана, если его гипотеза оправдается, но он очень сомневался, что Ледовитый океан разделен на две части «Предполагаемой Северной землей или островом».

Хотя взгляды Петермана не отличались новизной, они отчасти нашли поддержку А. Э. Норденшельда. Изучая ледовую обстановку как по описаниям прежних путешественников, так и по сообщениям, полученным от своих корреспондентов с северных берегов Сибири, он обратил внимание на одно обстоятельство, о котором когда-то писал Аргентов. Южные ветры относили льды на север, но не слишком далеко, ибо при северных ветрах они снова спускались к азиатским берегам. По мнению Норденшельда, это указывало на то, «что Новосибирские острова и Земля Врангеля являются звенями цепи островов, параллельной северному побережью Сибири... Кажется вероятным, что Сибирское море, так сказать, отгорожено от собственно Полярного моря рядом островов, из которых в настоящее время известны только Земля Врангеля и Новосибирские острова»¹²¹.

Шведский полярный исследователь надеялся подняться в высокие широты Карского моря и попытаться там выяснить, не имеется ли в непосещенных местах большого острова. Но особое значение он придавал изучению Сибирского моря севернее тех районов, где вели исследования Андреев, Геденштром, Аижу, Врангель, Матюшкин.

«Если время и ледовая обстановка позволяют, желательно, чтобы экспедиция сделала несколько уклонений к се-

¹²⁰ К. М. Бэр. Несколько слов по поводу новооткрытой Врангельской Земли. — «Изв. Руск. геогр. об-ва», 1868, т. IV, вып. 7, стр. 345—346.

¹²¹ А. Э. Норденшельд. Плавание на «Веге», ч. I. М.—Л., Изд-во Глазевморпути, 1936, стр. 43.

веру для исследования не расположена ли какая-нибудь земля между мысом Челюскина и Новосибирскими островами, а также между этими последними и Землей Врангеля»¹²².

Однако плавание Норденшельда не внесло ясности в проблему существования новых земель к северу от Чукотки. Открыть северный континент или архипелаг островов надеялся и Джордж де-Лонг, когда его судно «Жаннетта» дрейфовало вместе со льдами на северо-запад от острова Врангеля. На его долю выпала честь открыть острова Жаппетты, Генриетты и Беннетта, очертания которых первыми видели Саников, Геденштром и сибирские промышленники. Дрейф «Жаппетты» показал, что в районе между островом Врангеля и 77° с. ш. и 156° в. д., где было раздавлено льдами судно экспедиции, нет ни материка, ни безледного моря. Экспедиция Лонга послужила импульсом к героическому решению Нансена пересечь на судне Северный Ледовитый океан. Его «Фрам» продрейфовал от Новосибирских островов в Гренландское море, получил ценнейшие данные о природе Северного Ледовитого океана, по не решил судьбы северного континента. Исследователей еще ждало огромное белое пятно, которое находилось между линией дрейфа «Фрама» и побережьем Северной Америки. Нансен допускал, что между полюсом и берегами Канадского арктического архипелага существует обширная земля.

В начале XX в. американский ученый Р. А. Гаррис обратил внимание на признаки существования земли вблизи Северного полюса. Он сообщил, что у эскимосов, живущих на Аляске, вблизи мыса Барроу, бытует предание о том, что однажды ветром оторвало льдину от берегов, на которой находилось несколько туземцев, и в скором времени прибило ее к неизвестной холмистой земле. Эскимосы прожили много лет среди чужого племени и затем возвратились на родину.

Далее Гаррис напоминал о том, что английский путешественник Мак-Клюр, плывя через Северо-Западный проход, видел к северу множество островов. Кроме того, капитан Коллинсон во время санного похода на север не мог преодолеть тяжелых нагромождений льдов и пришел

¹²² А. Э. Норденшельд. Указ. соч., стр. 53.

к убеждению, что не в пример области, лежащей у берегов Азии, к северу от Аляски и Канады нет открытого моря.

Спустя примерно 20 лет адмирал Шерард Осборн, выступая в Королевском географическом обществе, заявил, что он не исключает наличия большого участка суши или архипелага, протянувшегося через полюс от островов Принс-Патрик до Земли Врангеля.

И, наконец, после того как «Фрам» завершил свой дрейф, сэр Клемент Мархам заявил, что он не верит в существование земли у полюса, но не отрицает, что, возможно, между Новой Сибирью и островом Принс-Патрик удастся открыть цепь островов.

Таковы вкратце исторические свидетельства, которые привлекал доктор Гаррис в качестве косвенных доказательств своей гипотезы. На основе изучения дрейфа «Жаннетты» и «Фрама» и наблюдений английских и американских путешественников он установил, что существуют два основных течения в Северном Ледовитом океане — западное и восточное. Оба они берут начало очень близко друг от друга в районе Берингова пролива и вливаются в Атлантический океан у Южной Гренландии. Глубины в районе дрейфа «Жаннетты» невзначительные; близки к ним и глубины в районе Земли Банкса. Вероятно, существует неизвестная «Большая земля» или группа островов, которая тянется непрерывной цепью от Канадского арктического архипелага в сторону берегов Азии и оканчивается недалеко от линии дрейфа «Жаннетты», к северу от Новой Сибири. Эта земля или цепь островов мешают выносу льдов из моря Бофорта, поэтому здесь всегда наблюдаются старые льды, которые почти никогда не отступают от берегов, как замечено у побережья Сибири.

По мнению Гарриса, предполагаемая суши вряд ли могла простираться от полюса в сторону Земли Франца-Иосифа, ибо в противном случае это отразилось бы на дрейфе «Фрама». Более того, отмеченная Лонгом значительная высота приливной волны у острова Беннетта давала основание предполагать, что канал Нансена несколько расширяется в районе полюса.

Вместе со статьей американский географ опубликовал карту с указанием местоположения неизвестной суши, вошедшей в географическую литературу под названием Земли Гарриса.

Выступление Гарриса произвело глубокое впечатление на Альфреда Гаррисона, который в 1905 г. отправился в дельту реки Маккензи. Затем он совершил саипую поездку па восток от острова Хершель к мысу Батерст и, наконец, на лодке достиг берегов острова Банкса.

Точно так же, как 100 лет назад Михаил Адамс привез с устья Лены весть о Большом острове, возможно, являющемся отдельной частью света, Гаррисон из поездки по Канадскому Северу возвратился убежденным сторонником существования «Северной земли». Он посвятил этому вопросу статью и книгу, пытаясь убедить своих коллег, что арктического континента можно достигнуть на собаках. Гаррисон был полон уверенности, что северный материк следует искать со стороны, противоположной северо-восточному побережью Сибири. Он полагал, что окончательное суждение о том, находится ли в пеисследованной части Арктики материк, или океан, может быть справедливым, когда будут известны все факты и будут изучены пространства океана между Евразией и Америкой, включая Северный полюс.

Большие глубины, обнаруженные экспедицией на «Фраме» во время дрейфа, вряд ли могли свидетельствовать о том, что у полюса находится океан. Бессспорно одно: и в начале, и в конце пути «Фрама» была земля (на востоке Новосибирские острова, а па западе Гренландия). Не исключено, что «Фрам» прошел таким же узким и глубоким проливом, как пролив между Шпицбергеном и Гренландией. Гаррисон обращал внимание, что глубины там более значительные, чем те, какие обнаружил «Фрам».

Гаррисона занимал еще один необычайный факт. Ни один буек, брошенный в море восточнее мыса Барроу, ни один обломок из многочисленных судов, затонувших в этом районе, не были впоследствии обнаружены, в то время как вещи с «Жаннетты» были принесены к Гренландии через несколько лет. Вероятно, буйки и остатки судов были отнесены к берегам неизвестной обширной земли. Известно, что течения у Земли Гранта и у северных берегов Гренландии направлены в сторону, противоположную дрейфу «Фрама». И хотя доктор Напсеп на основе изучения дрейфа буйка, прошедшего за 6 лет путь из Берингова пролива к берегам Исландии, считал, что у полюса исследователей ждет море, Гаррисон не мог с ним согласиться. Он полагал, что теория глубокого моря

недостаточно убедительна и ни в коем случае не опровергает гипотезу о существовании земли у полюса.

В 1906 г. Международный полярный конгресс, состоявшийся в Брюсселе, приняв «в соображение вероятное существование континента в неизвестной арктической области», вынес решение спарадить экспедицию для скончайшего открытия и исследования «границ этого континента»¹²³.

Между тем Р. Пири достиг Северного полюса и обнаружил большую глубину в этом районе океана. Однако это обстоятельство не поколебало защитников северного материка. В 1913 г. Канада отправила экспедицию для проверки гипотезы Гарриса — Гаррисона о «новом континенте». Судно «Карлук» попало в ледовый плен и было вынесено в район острова Врангеля.

В 20-х годах XX в. гипотеза Гарриса была поддержана выдающимся советским метеорологом, создателем отечественных методов долгосрочных прогнозов погоды Б. П. Мультановским. Он построил гипотезу контрдрейфа в области Северного Ледовитого океана, прилегающей к Канаде и Аляске, базируясь на вероятном существовании Земли Гарриса. Имея наличие контрдрейфа Мультановский объяснял легкую победу Пири и неудачу Нансена достигнуть полюса, так как норвежский исследователь шел против дрейфа между двумя цепями островов. Кроме того, по мнению Мультановского, «Фрам» должно было способы гораздо севернее, следовательно, в том направлении «было препятствие для свободного развития дрейфа». Он был солидарен с Гаррисоном, считая, что большие глубины, обнаруженные Нансеном и Пири, не могут служить доказательством открытого моря¹²⁴.

Он надеялся, что эти вопросы, вероятно, будут скоро решены. И действительно, полярные исследователи готовились к выяснению одной из загадок Арктики.

В 1926 г. Руал Амундсен на дирижабле «Норвегия» совершил трансарктический полет. Достигнув полюса (со стороны Шпицбергена), Амундсен направился в ту область, где Гаррис и Гаррисон предполагали существование еще неведомого людям полярного континента.

¹²³ Архив Академии наук (ААН), ф. 337, оп. 1, д. 167, л. 82.

¹²⁴ Б. П. Мультановский. Загадка Арктики.— «Метеорологический вестник», 1926, № 1, стр. 16.

Амундсен вел непрерывные наблюдения, но земли не обнаружил. Он пришел к выводу, что мог не заметить лишь острова небольшой высоты. Но о существовании в этой области земли сколько-нибудь значительного размера, даже если она была низменной, не могло быть и речи. Сотни миль занимали ледяные поля, ничем существенно не отличавшиеся от тех, которые они видели к северу от Шпицбергена¹²⁵.

Гипотеза Гарриса—Мультановского доживала последние годы.

В 1927 г. Г. Уилкинс совершил посадку в том районе, где предполагалось существование континента, и, измерив глубину эхолотом, нашел ее равной 5440 м. И хотя через 21 год выяснилось, что глубина завышена в 2 раза, сообщение Уилкинса произвело сенсацию. Там, где, по уверению Гарриса, находились юго-восточные берега полярного континента, были обнаружены самые большие глубины океана.

На следующий год Уилкинс совершил полет по маршруту мыс Барроу — Земля Гранта — Шпицберген и не заметил признаков земли.

Спустя 9 лет над континентом Гарриса — Мультановского из Москвы в Америку пролетели Чкалов и Громов и снова не обнаружили его признаков. Не увидели следов этой гипотетической суши советские и американские пилоты, искавшие летчика Леваневского, потерпевшего катастрофу во время перелета Москва — Северная Америка. С конца августа 1937 по март 1938 г. в районе предполагаемой Земли Гарриса активно вел поиски Г. Уилкинс, но не нашел ни Леваневского, ни нового континента.

Таким образом, потребовалось более 100 лет для окончательного доказательства того, что не существует северного материка, который, по словам академика Бэра, был уже утрачен в результате исследований Колымской и Янской экспедиций¹²⁶. Следует заметить, что вместе с эволюцией представлений о северном материке все больше торжествовала «точка зрения русских промышленников, научно обоснованная и защищаемая адмиралом Вран-

¹²⁵ Р. Амундсен. Собр. соч. М.—Л., Изд-во Главсевморпути, 1936 г., стр. 272.

¹²⁶ К. М. Бэр, Э. Х. Ленц. Разбор сочинения контр-адмирала барона Врангеля.— В кн. «Однинадцатое присуждение учрежденных П. Н. Демидовым наград». СПб., 1842, стр. 69.

гелем, именно, что вокруг полюса нет постоянного сплошного ледяного покрова»¹²⁷.

Предания жителей Северной Сибири и гипотезы ученых о северном материке, как и предания о «Земле бородатых», которые изучал академик А. П. Окладников, оказали весьма существенное влияние «на географические открытия на Крайнем Севере Азии, в глубине арктических морей»¹²⁸.

¹²⁷ М. И. Радовский. К. М. Бэр об экспедиции на Северный полюс.— «Труды Ин-та истории естествознания и техники», т. 16. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1957, стр. 337.

¹²⁸ А. П. Окладников. Земля бородатых, стр. 517.

Крейсерство на севере Тихого океана

Деятельность Врангеля по изучению северной части Тихого океана и управлению Русской Америкой относится к числу малоизученных периодов его биографии. Остаются неопубликованными его записки о плавании па транспорте «Кротком» вокруг света, предпринимаются попытки выявить и расшифровать его переписку из Русской Америки с Головиным, Литке, Крузенштерном, академиками Купфером, Парротом, профессором Энгельгардтом и другими учеными и путешественниками. Скромные пределы этой работы позволяют ввести в оборот лишь малую долю новых материалов, освещающих энергичную деятельность Врангеля по управлению Русской Америкой.

С владениями Российско-Американской компании он познакомился впервые в 1818 г., во время плавания на шлюпе «Камчатка», и с тех пор рассматривал их как «общее убежище» для передовых офицеров русского флота. Глубокий интерес к исследованию принадлежащих России северо-западных берегов Американского континента (Аляски) привел его сначала на борт транспорта «Кроткий», а затем в Новоархангельск на должность правителя владений Российской-Американской компании и позже — главного директора. Как известно, эта компания была создана в 1799 г. Ей предоставлялось право пользоваться всеми промыслами и устраивать поселения на открытых русскими мореплавателями берегах Северной Америки, начиная с 55° с. ш. «до Берингова пролива и за оный також па островах Алеутских, Курильских и других, по Северо-Восточному океану лежащих». Компании разрешалось делать новые открытия южнее 55° с. ш. и «занимать открываемые земли в Российское владение [...],

если оные никакими другими народами не были заняты и не вступили в их зависимость»¹.

Через несколько лет после образования Российско-Американской компании в Петербург стали поступать жалобы от управляющих русскими владениями в Америке. Они сообщали о серьезном вреде, наносимом интересам России контрабандной деятельностью иностранных купцов, которые продавали коренному населению оружие, скупали пушину и нередко подстрекали местных жителей к выступлениям против русских поселений. Попытки Министерства иностранных дел через посланника в Вашингтоне добиться прекращения незаконной торговли американцев не приносили результатов. Все это вынудило Россию разработать ряд мер по охране Русской Америки и Восточной Сибири. Репрессивные действия были тем более необходимы, что в 1818 г. был заключен договор о совместном занятии Англией и США территории Америки, расположенной между 42 и 54°40' с. ш. Иностранные и русские наблюдатели (в том числе В. М. Головин) обращали внимание на откровенно враждебное отношение американских и британских правительственный кругов к развитию русского кругосветного мореплавания и научным исследованиям в Русской Америке.

Указом русского правительства от 4 сентября 1821 г. устанавливались пределы плавания иностранных судов у берегов Восточной Сибири, Северо-Западной Америки, Курильских и Алеутских островов. Производство рыбной ловли, промыслов и торговых сношений «на островах, портах и заливах и вообще по всему северо-западному берегу Америки, начиная от Берингова пролива до 51° северной широты, также по островам Алеутским и по восточному берегу Сибири так, как и по островам Курильским, т. е., начиная от того же Берингова пролива до южного мыса острова Урупа и именно до 49°50' северной широты, предоставляется единственно российским подданным»².

Иностранным судам запрещалось в этом районе не только приставать к русским берегам, но и подходить

¹ П. Тихменев. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании, ч. 1. СПб., 1861. Приложения, стр. 21 (далее: П. Тихменев. Историческое обозрение...).

² П. Тихменев. Историческое обозрение..., стр. 27.

ближе чем на 100 миль. Всякий корабль, нарушивший этот запрет, подвергался конфискации.

Указ встретил резкое противодействие со стороны Англии и США. Россия была вынуждена пойти на переговоры, в итоге которых были заключены Русско-Американская и Русско-Английская конвенции. Последняя, в частности, устанавливала границу между Россией и Англией не только па побережье Тихого океана, но внутри и на севере Американского континента; «меридиональная линия 141° составила в своем продолжении до Ледовитого моря границу между российскими и великобританскими владениями на твердой земле Северо-Западной Америки»³.

Конвенциями предоставлялось право кораблям США и Англии, а также судам их подданных в течение 10-летнего срока «заходить без малейшего помешательства во внутренние моря, заливы, гавани и бухты, находящиеся на берегу [...] для производства там рыбной ловли и торговли с природными той страны жителями»⁴.

Эти соглашения ставили в исключительно тяжелое положение русские поселения в Америке. На долю Врангеля выпала трудная задача по защите государственных интересов России па севере Тихого океана.

Кругосветное плавание

В конце 1824 г. Морское министерство приняло решение отправить будущим летом в кругосветное плавание военный транспорт взамен шлюпа «Смирного», получившего тяжелые повреждения в Северном море и возвратившегося в Кронштадт. Новое судно должно было сменить бриг «Предприятие», который нес крейсерскую службу у берегов Российской Америки.

13 декабря 1824 г. па Охтенской верфи был заложен 16-пушечный транспорт, а спустя четыре дня его командиром был назначен Врангель с правом самому набрать команду, которая должна была состоять из «4 флотских офицеров, 1 штурмана, 1 врача и 42 человек нижних чинов и служителей, в числе коих 25 человек матросов»⁵.

³ П. Тихменев. Историческое обозрение..., стр. 64, 65.

⁴ Там же, стр. 62.

⁵ ЦГИАЭ, ф. 2057, оп. 1, д. 311, л. 2.

Спутники Врангеля по Колымской экспедиции Матюшкин, Козьмин, Кибер и слесарь Савелий Иванников выразили «совершенную готовность» служить под его начальством в кругосветном плавании. Кроме того, в состав экипажа был принят лейтенант М. А. Лавров, ранее плававший с Литке к берегам Новой Земли, и мичманы Адольф Дейбнер и Карл Нолькен.

2 мая 1825 г. транспорт, который получил название «Кроткий», был спущен на воду. Длина его составляла 90 футов, ширина — 29 футов. На судно был помещен груз со шлюпка «Смирный», 2000 пудов казенных материалов и 1200 пудов товаров Главного правления Российско-Американской компании. Всего, включая вооружение, воду и продовольствие, транспорт нес 16 444 пуда грузов. Кроме того, на борту имелся двухгодичный запас провизии и трехмесячный запас воды. Экипаж располагал «хорошим собранием астрономических и навигационных приборов, книг и карт».

Врангелю было объявлено, что его экспедиция не преследует научных задач. Лишь во время плавания или стоянки в портах ему разрешалось вести попутные наблюдения за положением приметных географических мест, приливами и отливами.

Первоначально в задачи плавания входило «крейсерство и охранение колоний». Однако в связи с заключением конвенций начальник Морского штаба А. В. Моллер попросил министра финансов Е. Ф. Канкрина и министра иностранных дел К. В. Нессельроде сообщить, не изменились ли цели крейсерства и отношение к русским владениям в Америке «по каким-либо политическим обстоятельствам или новым трактатам, заключенным с Великобританией и Американским правительством»⁶. Министерство иностранных дел в ответ направило лишь копии Русско-Английской и Русско-Американской конвенций, предоставив Морскому ведомству решить вопрос о том, какие их статьи следует включить в инструкцию Врангелю⁷.

Вместе с тем Министерство финансов, в ведении которого находилась Российско-Американская компания, полагало полезным поручить транспорту «Кроткий» надзор

⁶ ЦГАВМФ, ф. 166, оп. 1, д. 685, л. 192.

⁷ АВПР, ф. Административные дела, №—20, 1825, д. 1, л. 5.

за тем, как выполняются условия конвенций иностранными судами.

В итоге Врангель получил копии с конвенций и предписание доставить различные грузы в Петропавловск и Новоархангельск, сдав которые, он мог возвратиться в Кронштадт, если политические обстоятельства не потребуют более длительного военного присутствия у берегов Русской Америки.

Врангелю была дана дополнительная инструкция, в которой предлагалось обратить внимание на «такие места, где повейшие мореплаватели видели разные признаки земли», а также таблица с указанием данных районов. Однако это было сделано не для того, чтобы Врангель занимался «поисками тех земель», «по дабы, будучи поблизости их, вы увеличивали меру предосторожностей, чтобы ночью не подвергнуться опасности, а днем не проплыть бы мимо неизвестных мест, не усмотрев оных»⁸.

В 8 часов утра 23 августа 1825 г. транспорт «Кроткий» покинул кронштадтский рейд. 1 сентября достигли Копенгагена, где на борт приняли лоцмана и взяли свежую провизию.

Плавание по Северному морю было затруднено встречным северо-западным ветром, который «с переменною силою свистел до 9-го числа штормообразно при сильных и частых громовых ударах и противном весьма крупном дожде»⁹. 10 сентября начался шторм, и волнением унесло несколько вещей с палубы и причинило судну повреждения. Вместе с тем выявила чрезвычайная устойчивость и хороший ход транспорта. Во время шторма как офицеры, так и матросы действовали весьма усердно и четко.

16 сентября «Кроткий» прибыл на рейд Портсмута. Сильный северный шторм задержал экспедицию до 10 октября. Прежде чем покинуть Портсмут, Врангель отправил обстоятельную «грамоту» Литке, которая вместе с «Дневными записками» служит одним из источников сведений о плавании «Кроткого». В ней он описывал подробности пребывания в Англии и сообщил Литке о плавании в Антарктику китобоя Уэдделла, открывшего на 74°15' ю. ш. «свободное от льдов море». «Описание его

⁸ ЦГАВМФ, ф. 166, оп. 1, д. 685, л. 274.

⁹ ЦГИАЭ, ф. 2057, оп. 1, д. 443, л. 100. Врангель — Литке.

путешествия в больших южных широтах с 1822 по 1824 год публиковано здесь с месяц тому назад,— писал Врангель.— Говорят, что Адмиралтейство снаряжит особую экспедицию для исследования сего столь важного для географии открытия». В заключение «Корпиловичу, Батенькову и Тимковскому прошу сказать, что часто об них вспоминаю; почтенному Н. А. Бестужеву и А. А. Никольскому заочные поцелуи»¹⁰.

Имеется несколько свидетельств о том, что по возвращении из путешествия на Северо-Восток Сибири Врангель был тепло принят в декабристских кружках Петербурга. Как видно из переписки с Литке, Врангель интересовался политическими известиями из Петербурга как «характерными чертами какого-то чрезвычайно чудного времени». Он считал, что к политическим треволнениям своей эпохи не может быть равнодушен человек, «созданный с душою»¹¹.

12 октября 1825 г. транспорт «Кроткий», благополучно миновав Ла-Манш, вышел на просторы Атлантического океана. Плавание проходило «без внимания достойных приключений». Врангель шел почти точно тем же маршрутом, каким восемь лет назад плыла «Камчатка» под командой Головнина. 23 октября «Кроткий» находился вблизи Канарских островов. Врангель решил без стоянки продолжать путь. В районе экватора экспедиция попала в полосу штилей.

«Медленность нашего плавания по причине крутого ветра в Южном полушарии,— писал Врангель,— вознаграждалась некоторым образом особенным счастьем, какого имели в промысле рыб, бонитами называемых, коих ловили в день более, нежели надобилось для свежей пищи на всю команду. С приближением к берегам Бразилии делался ветер попутнее, и ноября 25-го прошли меридарап мыса Фрио, показывавшегося нам сквозь мрачность, а 26-го вошли на рейд Рио Янейрский, где остановились на якорь, не имея в команде ни одного больного, что я приписываю как сухости воздуха в палубе, так и отличной доброте наших морских провизий. Сам бриг ни в кузове, ни в оснастке никаких повреждений не потерпел, и, неизиная на экваторные жары, пигде в пазах не от-

¹⁰ ЦГИАЭ, ф. 2057, оп. 1, д. 443, лл. 100—101. Врангель — Литке.

¹¹ Там же, л. 51.

крывалось течи, а стоячий такелаж мало ослаб, что, конечно, доказывает хороший спуск тросов, коими нас снабдила кронштадтская контора над портом»¹².

В следующую ночь на Рио-де-Жанейро обрушилась гроза. По словам Врангеля, дождь лил как из ведра, ветер налетал столь сильными шквалами, что приходилось опасаться за судьбу «Кроткого».

«Молния,— писал Врангель,— ударила в воду возле «Кроткого»; некоторые из офицеров, держась голыми руками за металлические вещи, почувствовали сильное трясение в мускулах, и неподалеку от нас молния ударила в Бразильский бриг, имевший 500 бочек пороху, к великому счастью, удар сообщился цепному канату, по коему огонь, пробежав через хлюз в воду, в ней разрешился. Эта ужасная гроза сохраняла силу около часу»¹³.

В Рио-де-Жанейро Врангель пополнил запасы свежих продуктов и питьевой воды, проверил такелаж и состояние судна и дал отдых команде перед трудным переходом вокруг мыса Горн. Он привез письма И. Ф. Крузенштерна и Ф. И. Шуберта к академику Г. И. Лангсдорфу, но не застал ученого, который путешествовал по Южной Америке и коллекции которого было предписано русским кораблям доставлять в Петербург.

14 декабря 1825 г. транспорт «Кроткий» снова находился в плавании. Спустя шесть дней экспедиция достигла мыса Горн. Путешественники зарисовали виды его гор и лежащих поблизости мелких островов. Выйдя на просторы Тихого океана, попали в полосу сильных встречных ветров, которые несколько недель доставляли хлопоты и мучения Врангелю. 19 февраля 1826 г. он прибыл в Вальпараисо. Командир одного из американских судов, стоявших на здешнем рейде, подарил русским морякам карту. На нее были нанесены последние «открытия» американских китоловов в Тихом океане. Оставив 28 февраля Вальпараисо, Врангель решил осмотреть эти вновь обретенные острова, но не нашел их. «Кроткий» пересек район океана, где 8 марта 1818 г. экипаж «Камчатки» заметил признаки земли, однако поиски не принесли результата. «Кроткий» шел курсом на остров Нукагиву.

¹² ЦГАВМФ, ф. 166, оп. 1, д. 685, л. 296.

¹³ ЦГИАЭ, ф. 2057, оп. 1, д. 311, л. 68.

Здесь, в порту Чичагова, открытом Крузенштерном, Врангель надеялся сделать остановку, чтобы ликвидировать появившуюся в судне течь и подготовить такелаж к переходу до берегов Камчатки. На Нукагиве экспедиция пополнила запасы свежей воды и дров, проконопатила пазы транспорта, из которых во время перехода в тропической зоне вытекла смола. Доктор Кибер совершил поездку по острову и привез богатую ботаническую коллекцию. Однако эта стоянка была омрачена нападением местных жителей, которые убили лейтенанта Дейбнера и матросов Некрасова и Тимофеева. Матрос Лысухин был тяжело ранен копьем в спину, но смог броситься в море, где его и подобрал Матюшкин.

Когда покидали порт Чичагова, местные жители обстреливали корабль. Чтобы выйти в море, пришлось завозить якоря и подтягивать судно на канатах. «Спасением своим,— писал Врангель,— сколько мы обязаны счастью, столько же усердию и сметливости офицеров и неутомимой расторопности всех чинов и служителей»¹⁴.

Вечером «Кроткий» был в море. Всю ночь плыли в виде острова, на котором по всему побережью горели сигнальные огни. Они свидетельствовали о том, что, не прояви моряки смелости и находчивости, мужества и расторопности, не уйти бы транспорту и его экипажу целыми и невредимыми. Врангель писал через несколько месяцев Литке, что одно воспоминание об этом печальном происшествии приводит его в содрогание и до конца жизни оставит глубокую рану в его чувствах. «Плавание наше,— продолжал он,— из Вальпараисо до Камчатки в отношении к гидрографическим изысканиям не имело никакого успеха и удостоверило меня в истине, что одно счастье приводит к новым открытиям»¹⁵.

12 июня 1826 г. транспорт «Кроткий» прибыл в Петропавловск-на-Камчатке, где выгрузил разные материалы и принял на борт 29 пудов свежего мяса и запасы муки и хлеба. Воспользовавшись длительной стоянкой судна, Кибер занимался исследованием окрестностей Авачинской губы.

¹⁴ Дневные записки о плавании военного транспорта «Кроткого» в 1825, 1826 и 1827 годах под командою капитан-лейтенанта (что ныне капитана 2-го ранга) Врангеля 1-го.— «Северный архив», 1828, ч. 36, стр. 78.

¹⁵ ЦГИАЭ, ф. 2057, оп. 1, д. 443, л. 105.

В Петропавловске Врангель узнал о смерти Александра I и о восстании декабристов. Ожидая писем от друзей, он со дня на день откладывал отплытие из Авачинской губы. Только 14 августа «Кроткий» вышел в море. «Надежда застать в Ситхе транспорт из Охотска и сим действом узнать что-нибудь обстоятельное о происшествиях, последовавших после смерти государя (о коей мы ни пол-буквы более не знали, коль в манифесте от 12 декабря объявлено), меня не оставляла и не обманула,— писал Врангель Литке,— ибо, вошед 21 сентября в залив, мы узнали о прибытии того же утра компанейского судна из Охотска; наш добрый Этолин, приплывший на оном, не замедлил нас навестить, вручить прелюбезные твои строки и письма от брата-кавалериста и в продолжение 1/2 часа задавил нас тьмою неожиданных новостей»¹⁶.

В письме от 12 января 1826 г. Литке сообщал Врангелю: «Что мы пережили с тех пор, как я отправил к тебе последнее письмо, это век по числу и важности происшествий неожиданных, небывалых, которые настоящее время делают одною из мрачнейших эпох истории русской»¹⁷. Литке подробно рассказал Врангелю о смерти Александра I и о восстании 14 декабря.

«Заговорщики,— писал Литке,— все уже открыты, и, боже великий, кого мы видим между ими! Не обольется ли сердце твое, любезный Фердинанд, прочтя имя Бестужева, этого единственного человека, красы флота, гордости и надежды своего семейства, идола общества, моего 15-летнего друга? Прочтя имена 3 его братьев, прочтя имя Корииловича, анахорета, жившего только для наук?»¹⁸

Он сообщал Врангелю, что гвардейский экипаж также вышел на Сенатскую площадь. «Кроме участия во всеобщей горести,— подчеркивал Литке,— имеем мы и свою собственную. Брат Александр попал было в эту историю как кур во щи. Ты увидишь, что гвардейский экипаж был также уведен и мой брат вместе со прочими был арестован»¹⁹.

---

¹⁶ ЦГИАЭ, ф. 2057, оп. 1, д. 443, л. 107. Врангель — Литке.

¹⁷ ЦГИАЭ, ф. 2057, оп. 1, д. 452, л. 8. Литке — Врангелю.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

Врангель отвечал Литке из Новоархангельска. По пути из Камчатки к Ситхе он имел намерение заняться описью некоторых островов Алеутской гряды, но из-за пасмурной погоды смог определить лишь координаты острова Атки. Он сообщал, что и в Камчатке, и в Российской Америке ни слова не было известно о событиях в Петербурге. «Возмущение 14 декабря, — писал Врангель, — приняло, вероятно, гораздо дальнейшие замыслы, о коих судить и рядить тем для меня труднее, что связь их неизвестна»²⁰.

Впоследствии, в автобиографических записках, составленных на склоне дней, Врангель писал о своем отношении к декабристам следующее: «Успокоивши тревожные чувства, созрев опытностью и беспристрастием, мы должны сознаться, что, невзирая на увлекательность тех высоких душевных и умственных способностей, коими рельефно отличались деятели 14 декабря, мы убеждаемся теперь в том, что они заблуждались, что суждение их померкло от пагубного влияния односторонности, порожденной ничем не обузданым горячим желанием патриота выдвинуть дорогое Отечество на первый план образованного мира; так рассуждаем мы теперь, но тогда увлечение было возможно»²¹.

Увлечение передовыми настроениями декабристской молодежи не только «было возможно», но и не прошло бесследно для Врангеля. Гневное осуждение многих сторон жестокой действительности царской России неоднократно звучало на страницах его писем и документов.

12 октября транспорт «Кроткий» покинул Новоархангельск и направился к Сандвичевым островам. Врангель поверил ход своих «хронометров, кои по отплытии из Камчатки не были поверяемы». Кроме того, удалось запастись свежей провизией. Это было крайне необходимо, так как в рацион офицеров и матросов длительное время входили только горох и солонина, что могло привести к появлению цинги.

19 ноября транспорт «Кроткий» направился к Филиппинским островам. По пути Врангель пытался обнаружить земли, которые якобы видели американские зверобои, однако надежды на успех не оправдались. В Мани-

²⁰ ЦГИАЭ, ф. 2057, оп. 1, д. 443, л. 108.

²¹ К. Н. Шварц. Указ. соч., стр. 399—400.

ле, куда транспорт «Кроткий» прибыл 13 января 1827 г., морякам был оказан теплый прием. Губернатор разрешил портовым рабочим помогать русским матросам в доставке воды и ремонте судна. Офицерам была предоставлена возможность познакомиться с окрестностями Манилы. На транспорт «Кроткий» была отдана часть сухарей, предназначавшихся для испанского корвета. 13 февраля плавание возобновилось. В конце перехода через Индийский океан корабль попал в жестокую бурю. У транспорта оказался поврежденным руль, а в корпусе появилась продольная опасная щель. Придя к острову Св. Елены, Врангель приказал заменить в некоторых местах медную обшивку, снять руль и оковать его железными полосами.

«Мы,— писал Врангель,— считали себя счастливыми, что отделались сими повреждениями, ибо два голландских и три английских судна, пришедшие после нас из Ост-Индских морей, имели все повреждения в рангоуте или корпусе»²².

Плавание от острова Св. Елены до Финского залива прошло без неприятных происшествий. 14 сентября 1827 г. «Кроткий» прибыл в Кронштадт. Хотя перед экспедицией Врангеля не ставилось научных задач, она имела важное значение для изучения океанографии Мирового океана и атмосферных процессов над ним. В течение всего путешествия велись систематические метеорологические и гидрологические наблюдения.

«Врангель,— писал С. О. Макаров,— первый установил правильные наблюдения над температурою поверхности воды моря 2 раза в сутки, причем температура записывалась в штанечный журнал, почему сохранилась в полной своей неприкосновенности»²³.

Научное значение метеорологических и океанографических наблюдений становилось все важнее вместе с развитием этих разделов наук о Земле. Прошли десятилетия, и для выполнения наблюдений, какие велись на «Кротком» и других русских военных судах, стали отправляться специальные корабли. Отечественные и зарубежные ученые неоднократно высказывали сожаление, что метеорологические и океанографические наблюдения русских судов, избравших «по всем направлениям почти все океа-

²² ЦГИАЭ, ф. 2057, оп. 1, д. 311, л. 382.

²³ С. О. Макаров. О трудах русских моряков по исследованию вод Северного Тихого океана. СПб., 1892, стр. 5.

ны», остаются достоянием архивов. В 70-х годах XIX в. Морское министерство приступило к разработке и публикации наблюдений, осуществленных русскими судами во время кругосветных плаваний. Первыми в свет вышли «Метеорологические наблюдения, производившиеся во время кругосветного плавания шлюпа «Камчатка» под командой капитана 2-го ранга Головина в 1817—1818—1819 годах» (СПб., 1873). Вслед за ними были опубликованы наблюдения, выполненные на шлюпе «Кроткий» и на других судах. Науке был доставлен обширный материал, который и сегодня является ценнейшим источником для изысканий по морской метеорологии и географии. Не меньшую ценность представляли наблюдения над элементами земного магнетизма, имеющие сегодня исключительное значение для оценки эпохальных изменений магнитного поля Земли и изучения эволюции магнитных полюсов нашей планеты.

Важный научный материал содержат «Дневные записки», которые Врангель вел в течение всего плавания на транспорте «Кроткий». Только весьма незначительная часть их была опубликована в последней части «Северного архива» (1828, № 36), на том и прекратившего свое существование. Подлинная рукопись этого труда сохранилась в фамильном фонде исследователя и, будем надеяться, рано или поздно увидит свет. Ее публикация даст в распоряжение ученых интересные наблюдения за океанскими течениями, ветром, приливами и отливами, феноменальными метеорологическими явлениями. Не меньшую ценность имеют «Дневные записки» как важный источник по истории и этнографии народов Южной Америки и Тихоокеанского бассейна. Они важны для характеристики русских поселений в Америке, которые особенно привлекали внимание Врангеля. И, вероятно, в этом интересе исследователя в Русской Америке лежат истоки его решения принять на себя управление владениями Российской-Американской компании.

Вклад Ф. П. Врангеля в изучение Русской Америки

Возвратившись из кругосветного плавания, Врангель взял в Морском ученом комитете журнал путешествия на Колыму и приступил к работе над составлением «истори-

ческого повествования» о действиях Колымской экспедиции. Себе в помощники он просил назначить Козмина для составления карт. Спустя год «Путешествие по северным берегам Сибири» было полностью закончено²⁴. После переписки Врангель отдал свой труд Головину и принялся за составление «Дневных записок» о плавании на транспорте «Кроткий».

Находясь в Петербурге и Кронштадте, Врангель убедился, что в Морском министерстве начинается новая эпоха, которую спустя 27 лет он назовет «эпохой гопенъя на науку и гидрографию»²⁵. Еще будучи на Колыме, он писал Литке, что с ужасом вспоминает «кронштадтский фруктовой порядок». Весной 1828 г. Врангель подал прошение об отчислении его из строевой службы на 5 лет и принял предложение Главного правления Российской-Американской компании о назначении его на должность главного правителя Русской Америки. Однако Морское министерство отказалось Врангелю, и ему пришлось много месяцев добиваться удовлетворения своей просьбы. Наконец, в марте 1829 г. состоялось назначение Врангеля. Через несколько недель он отправился к родственникам в Эстляндию.

3 мая 1829 г. Врангель приехал в Ревель. Здесь он встретился с младшей дочерью барона Россильона Елизаветой. «Она была тот самый ангел, которая милосердным провидением предназначена была быть моей подругою, моим сокровищем, моим спасением в здешней и будущей жизни.

Я скоро постиг, что люблю так сильно и безусловно, как никогда еще не любил. Я блаженствовал и страдал»²⁶, — писал Врангель.

31 мая 1829 г. состоялась свадьба, а спустя месяц Врангель с женой Елизаветой Васильевной отправился через Сибирь и северную часть Тихого океана в Новогородский, где им предстояло провести пять лет.

Академия наук дала Врангелю, избранному год назад в число ее членов-корреспондентов, поручение организовать метеорологическую обсерваторию на острове Ситх для производства наблюдений над атмосферными процес-

²⁴ ЦГАВМФ, ф. 162, оп. 1, д. 12, лл. 1—14.

²⁵ ЦГАВМФ, ф. 1166, д. 8, л. 144.

²⁶ ЦГИАЭ, ф. 2057, оп. 1, д. 444, лл. 15—17. Врангель — Литке.

сами. Они должны были явиться частью метеорологических исследований белых пятен Азии и Америки, к развитию которых призывал Академию наук знаменитый географ А. Гумбольдт: «Когда разнообразная извилистость изотерм или линий одинаковой теплоты будет вычерчена па основании точных наблюдений, производившихся по крайней мере в течение пяти лет в Европейской России и в Сибири, когда они будут продолжены до западных берегов Америки, где будет проживать опытный мореплаватель капитан Врангель, познание распределения на земной поверхности и в слое атмосферы, доступном для наших исследований, будет покояться на прочных основаниях»²⁷.

Осенью 1829 г. Врангель вместе с женой прибыл в Иркутск. Особенно близко он познакомился с семейством одного из основателей Союза Спасения и Союза Благоденствия, Александра Николаевича Муравьева, высланного в Сибирь и служившего городничим. «В Иркутске,— писал Врангель,— мы испытали гостеприимство и неподъемное к нам участие, а в семье Муравьевых обрели истинных друзей, с которыми расстаться было очень грустно»²⁸.

27 мая 1830 г. Врангель вместе с женой, новорожденной дочерью и несколькими снутниками, в числе которых были служащие компании, выехал из Иркутска. Спустя три дня они плыли вниз по Лене на деревянном судне — паузке.

16 июня Врангель прибыл в Якутск. Комиссионер Российско-Американской компании Шергин предоставил в распоряжение Врангеля свой дом и принял гостей с русским радушем.

Исследователь снова был в городе, с которым познакомился еще во время Колымской экспедиции. Якутск мало изменился и производил по-прежнему безотрадное впечатление. «В сибирских городах,— писал Врангель,— я бывал очень расположен досадовать на дурное, не встречая ничего хорошего или похвального, меня могут обви-

²⁷ «Речь Александра Гумбольдта в экстренном собрании Академии наук в С.-Петербурге».— В кн. М. А. Рыкачев. Исторический очерк Главной физической обсерватории. СПб., 1899. Приложения, стр. 31.

²⁸ «Путевые записки адмирала барона Ф. П. Врангеля» (далее: Ф. П. Врангель. Путевые записки...).— «Исторический вестник», 1884, т. 18, октябрь, стр. 163—164.

нять в предубеждении и, быть может, основательно. Однако ж как бы то ни было, следующие мои замечания неоспоримы. От бывшего разлиния реки и долголетнего нерадения полиции многие улицы города испорчены, мосты прорваны, сруб по набережной поврежден, новый каменный и для города довольно обширный гостиный двор служит вывескою упадка торговли, а хлебные и мясные базары свидетельствуют о совершенной беспечности городового начальства, ибо они пусты и в них нельзя найти за деньги самонужнейших потребностей жизненного продовольствия»²⁹. Врангель далее писал, что начальство лишило якутов свободы. По его словам, оно дало им «закопы для ябедничества и обряды без веры». Он возмущался тем, что до сих пор не созданы народные школы для якутов, что их удивительные способности в различных ремеслах и даже в живописи остаются без попеченья. «Правительство,— продолжал Врангель,— забывает свой священный долг, не заботясь об истинном образовании в невежестве и нищете утопающих подданных своих»³⁰.

В Якутске Врангель осмотрел колодец, вырытый Шергина. Комиссионер компании вел наблюдения за температурой стен колодца и геологическим составом его слоев. Об этих исследованиях Шергина Врангель сообщил в Петербург академику Г. П. Гельмерсену. Присланые сведения вызвали большой интерес в Академии наук, снарядившей впоследствии экспедицию в Сибирь под начальством А. Ф. Миддендорфа.

25 июня Врангель в сопровождении обоза из 45 лошадей, навьюченных различными грузами, отправился из Якутска в Охотск. Не проходило дня, чтобы не случалось какого-либо происшествия: то отставал обоз с палатками, и путешественники ночевали под открытым небом; то падали в воду тюки, и гибли запасы сахара, соли и чаю; то терялись запасы ветчины и солонины. Почти каждый день приходилось переправляться через реки и топи.

«На пространстве около 80 верст,— писал Врангель,— между реками Ямчою и Алданом дорога идет через топкое болото по мосткам в нынешнем их состоянии, затрудняющем езду до опасности; в некоторых местах мы долж-

²⁹ Ф. П. Врангель. Путевые записки..., стр. 171.

³⁰ Там же, стр. 172.

ны были по несколько верст сряду идти пешком, переска-
кивая с одного бревна на другое, а когда непривычная ло-
шадь понадала ногами между двух бревен в бездонную под
ними грязь, то должны были помогать друг другу, чтобы
не остаться навсегда в этом несчастном положении. При-
бавьте к этому неотвязные нападения целых туч комаров,
которые и по ночам не давали нам покоя»³¹.

11 июля Врангель переправился через реку Алдан и повстречался с партией ссыльных, которая шла в Охотск на солеваренный завод. Они были закованы в кандалы и по двое привязаны к канату. Жена одного из ссыльных вместе с пятилетним сыном шла за партией. Увидев путешевственников, она попросила помочь продовольствием. «И Лизанька с большим удовольствием снабдила ее всем нужным и бельем, — записал в дневнике Врангель. — Без сердечного соболезнования нельзя смотреть на этих не-
счастных, преданных всевозможным бедствиям»³².

Сорок дней Врангель со своим семейством добирался до Охотска. Этот трудный, исполненный опасностей и живого общения с природой путь, он назвал эпохой в своей жизни. Пытливый исследователь сумел увидеть за унылой дорогой многообразие и красоту сибирской природы. Стоически перенесла этот путь Елизавета Васильевна. Эта мужественная женщина проделала путь от Петербурга до Иркутска на перекладных, а от Якутска до Охотска верхом на лошади. Она испытала и дождь, и холод, и голод. Жизнь ее и ребенка часто подвергалась опасности, но она не обронила ни слова упрека, ни слова раскаяния, что решилась вместе с мужем разделить тяготы его скитальческой жизни. Оставалось последнее испытание — плавание по Тихому океану.

25 августа Врангель на шлюпке «Уруп» покинул рейд Охотска. А на следующий день судно попало в жестокий штурм. Сильные ветры угоняли все дальше от азиатских берегов небольшой деревянный шлюп. Ночью волны смыли вельбот и унесли с палубы все, что не было прибито или привязано. Вода проникла даже в каюты. «Погода была пасмурная и холодная, провизия худая, и Лизанька вкусила последнюю чашу горести, утомилась более, чем по Охотской дороге»³³, — писал Врангель.

³¹ Ф. П. Врангель. Путевые записки..., стр. 177—178.

³² Там же, стр. 179.

³³ Там же, стр. 180.

29 августа 1830 г. он высадился в Новоархангельске и вступил в должность главного правителя Русской Америки. Деятельность Врангеля на новом поприще пришлась на весьма трудное время. Отправка военных судов из Кронштадта в северную часть Тихого океана была прекращена более чем на 20 лет. Такое положение угрожало существованию русских поселений в Америке.

Врангель предпринял энергичные действия по укреплению позиций России на северо-западных берегах Америки. Его приезд в Новоархангельск совпал с окончанием деятельности экспедиции Ф. Васильева. В 1829 г. штурман исследовал реку Нушагак до ее истоков, а следующей весной осмотрел до самых верховьев реку Кускоквим. Собранные им сведения о племенах, живущих по ее берегам, впоследствии Врангель включил в свой труд о русских владениях в Америке. Ознакомившись с донесением Васильева, Врангель распорядился основать торгово-промышленный пункт («одиночку») на реке Кускоквим, который затем был преобразован в поселение (редут).

В 1832 г. Врангель отправил под начальством штурманов Васильева и Воронковского две экспедиции для описи полуострова Аляски. Они исследовали побережье на протяжении 380 миль от мыса Дугласа до мыса Хиткука, связав новую опись с описью экспедиции на шлюпе «Моллер» под начальством М. Н. Станюковича. Кроме того, Воронковский описал острова Шумагинские и Унгу.

В 1833 г. Врангель решил распространить исследования на острова и проливы, расположенные к юго-востоку от Новоархангельска, преследуя при этом не только научные, но и политические цели. Эту экспедицию он предполагал поручить А. К. Этолину, принимавшему в 1821—1822 гг. вместе с В. С. Хромченко участие в исследовании американских берегов в районе Берингова пролива.

«Этолина,— писал Врангель 23 марта 1833 г. Литке,— посылаю теперь на бриге «Чичагов» в проливы, где наш флаг еще не развевался после заключения конвенций. Мы будем иметь дело с сильными соперниками — с Гудзонскою компаниюю и гражданами Соединенных Штатов. Решившись овладеть проливами, построить там редут и проч., я намерен сего лета описать залив Ситх и проливы Погибший и Ольгинский, выходящие в Чатам Стрит

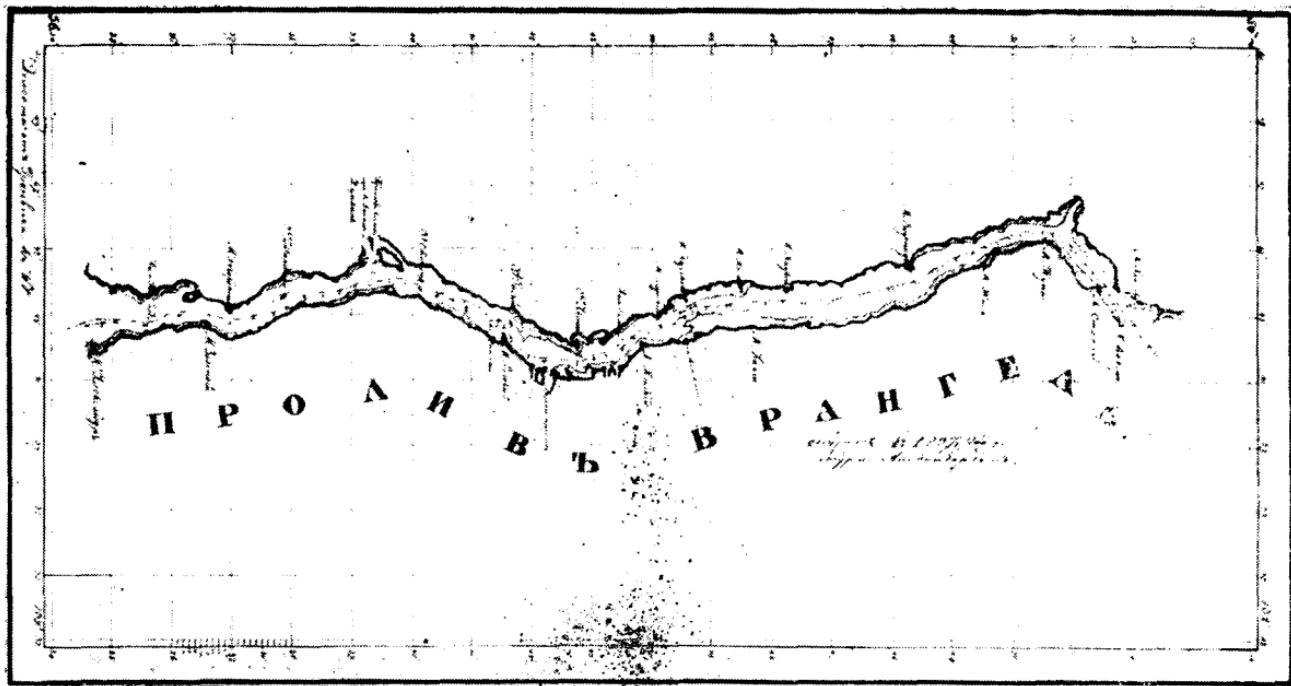
и в океан, для удобнейших сношений. Васильев, штурман, пожелал на один год остаться здесь, и ему-то я поручил опись сию: она весьма будет нам полезна, если совершенно ознакомиться с заливом, в котором живем уже 33 года... Послезавтра спустим на воду шхуну «Квикпак», которой предназначено сопутствовать шлюпу «Урпу» к северу, описать и попытаться войти в самую реку Квикпак, а там или здесь основать редут с 15 чел. гарнизона для распространения наших торговых сношений с туземцами той стороны»³⁴.

Летом 1833 г. планы Врангеля осуществились. Близи реки Квикпак, на острове Михайловском, М. Д. Тебеньков основал редут, назвав его по имени острова. Начались исследования внутренних районов Американского материка. Были установлены торговые связи с индейскими селениями, жители которых стали поставщиками пушнины и продовольствия в Михайловский редут. Продолжалось исследование проливов к югу от Новоархангельска, один из которых был назван именем Врангеля. Впоследствии материалы описей и промеров вошли в «Атлас Восточного океана», составленный А. Ф. Кашеваровым, и в «Атлас северо-западных берегов Америки от Берингова пролива до мыса Корриэнтес, островов Алеутских с присовокуплением некоторых мест северо-восточного берега Азии», созданный М. Д. Тебеньковым. Врангель вникал во все детали жизни русских поселений в Америке, разбросанных на огромном пространстве от Берингова пролива до селения Росс в Калифорнии. Из года в год посещая их, он обследовал состояние промыслов. Его попытки улучшить положение служащих и местных жителей алеутов не встретили сочувствия со стороны Главного правления Российско-Американской компании. Не получили поддержки и предпринятые им меры по развитию промыслов. Русские поселения из рук вон плохо снабжались продовольствием. Люди влячили полуголодное, полунищенское состояние. Доведенный до крайности равнодушием Главного правления Российской-Американской компании к судьбам Российской Америки, Врангель решил выступить против невежества директоров (исключение было сделано лишь для И. В. Прокофьева, в доме которого некогда часто собирались декабристы и которого

³⁴ ЦГИАЭ, ф. 2057, оп. 1, д. 444, л. 53. Врангель — Литке.

Врангель очень ценил) компании и обратиться с письмом к ее акционерам. Вникая в состояние дел компании, он повсюду сталкивался со «злом, обманом, незнанием». Компания тратила, по мнению Врангеля, огромные капиталы на такие безрассудные предприятия, как строительство многочисленных контор компании от Петербурга до Охотска, проведение новой дороги от Якутска к заливу Аян в Охотском море, трасса которой была выбрана неудачно, что повлекло за собой большие дополнительные расходы.

«Тут бросаются сотни тысяч в воду,— писал Врангель акционерам,— меж тем как для устройства колоний не считают за нужное пожертвовать и десятою долею втуне потрачиваемых по России капиталов. Сравните содержание чиновников, содержателей магазинов, правителей контор, бухгалтеров в колониях и в России и увидите саму несправедливейшую несоразмерность. Уверяю Вас, по России бросается и утаивается столько же, сколько на содержание 1/4 части колоний потребно, а вред, наносимый колониям, содеяется со временем смертоносным ударом для всей компании. На чем же зиждется благосостояние компании вашей, если не на благосостоянии колоний? Конечно, было время, когда чрезвычайное изобилие богатых колониальных произведений, так сказать, заглушало беспрерывные потери капиталов и людей (алеут) и вселяло какое-то равнодушие к участии колоний в директорах Главного правления, остававшихся в уверенности, что источники богатств, вывозимых ежегодно из колоний, никогда не иссякнут. А теперь обстоятельства изменились. В производстве потребна расчетливость, и число алеут — сих единственных рудокопов компанейского богатства — до чрезвычайности уменьшилось. Состояние их во многих отношениях жалостное, а улучшить оное колониальное начальство лишено средств. Директоры ваши имеют только слух и чувство, когда пишут им о высланных промыслах, а совершенно глухи и нечувствительны, как истуканы или болваны, когда дело идет об улучшениях в состоянии грешных жителей. Для соблюдения некоторой наружной формы они, правда, в депешах своих говорят: «Мы всемерно будем стараться и стараемся употребить все средства и пр.», но на деле действуют в совершенно противном духе. С какою-то жадностью бросаются они на всякое безрассудное пред-

Карта пролива Врангеля

приятие, швыряя компанейскими капиталами с тем верным расчетом, что часть оных перепадет в их широкие карманы»³⁵.

Чтобы не допустить «несомненного расстройства» дел Российско-Американской компании, Врангель считал необходимым реорганизовать все управление ее деятельностью. Это письмо не было доведено до сведения акционеров Российско-Американской компании. Вероятно, Литке и родственники Врангеля не решились придать гласности этот документ большой обличительной силы, проникнутый глубокой тревогой за судьбу русских поселений в Америке.

Не дождавшись поддержки ни со стороны правительства, ни со стороны Главного правления компании, Врангель стал готовиться к решительным действиям по защите национальных интересов на Американском континенте. В 1834—1835 гг. истекал срок действия тех пунктов конвенций с США и Англией, по которым иностранным промышленникам предоставлялось право промысла на берегах и островах Русской Америки.

Врангель сообщил Главному правлению Российской-Американской компании о том, что, хотя срок действия статьи 4 Русско-Американской конвенции истекает, американские суда «имеют намерение по-прежнему идти из Новоархангельска в проливы»³⁶. Не дожидаясь ответа из Петербурга, Врангель предпринял решительные меры к прекращению иностранного промысла и торговли во владениях компании. Вскоре, после того как А. К. Этолин в 1833 г. обследовал русские владения от пролива Кайган до реки Стахин, в район реки проникла английская экспедиция и объявила местным жителям, что намерена основать в ее верховьях поселение. Узнав об этом, Врангель отправил в навигацию 1834 г. бриг «Чичагов» и шхуну «Чилькат». «С весны,— писал он,— отправляю большой бриг крейсировать в южной части наших проливов, чтобы не пускать в наши владения ни англичан, ни американцев, ибо 10 лет — срок конвенции — уже минул»³⁷. Был создан редут с целью воспрепятствовать иностранным промышленникам истреблять зверей на русских берегах и в русских водах.

³⁵ ЦГИАЭ, ф. 2057, оп. 1, д. 444, лл. 57—58.

³⁶ АВПР, ф. 339, оп. 888, д. 351, л. 1.

³⁷ ЦГИАЭ, ф. 2057, оп. 1, д. 444, л. 73. Врангель — Литке.

Врангель был сторонником решительных действий по защите интересов России на северо-западных берегах Америки. Он считал, что Российско-Американская компания в состоянии организовать своими силами охрану наиболее важных в экономическом и промысловом отношении районов Русской Америки.

«В колониях, — писал он, — ныне имеется 15 исправных мореходных судов разных величин и начал строиться один пароход. Из сего числа 10 иногда бывают в рассылках для обыкновенных сношений с отделами колоний, а 5 судов и 1 пароход всегда могут быть готовы в главном нашем порте Новоархангельске рассылаться по соседним проливам и крейсировать около известных нам мест, так, чтобы иностранное судно не в состоянии было укрыться от нас»³⁸.

Особенно важным, по мнению Врангеля, было укрепить положение русского поселения Росс в Калифорнии. Он просил Главное правление добиться разрешения правительства «на занятие на надежном основании» прилежащих к нему равнин на берегу Сан-Францисского залива. Директор И. В. Прокофьев сообщил Врангелю, что хотя его предложение «заслуживает полного уважения, но при настоящих обстоятельствах необходимость заставляет отложить сие до другого удобного времени»³⁹.

В это время к Врангелю обратился губернатор Верхней Калифорнии Хосе Фигероа с просьбой взять на себя посредничество в установлении дипломатических отношений между Мексикой и Россией. Фигероа писал, что хотел бы «занять, признает ли русское правительство независимость Мексиканской республики»⁴⁰.

Врангель поставил в известность Главное правление Российской-Американской компании о предложении Фигероа и просил полномочий на ведение переговоров с мексиканским правительством, так как промедление могло иметь весьма нежелательные последствия. Врангель не исключал, что прилежащие к поселению Росс территории могут захватить англичане и американцы⁴¹. И. В. Проко-

³⁸ ЦГИАЭ, ф. 2057, оп. 1, д. 337, л. 8.

³⁹ ЦГИАЭ, ф. 2057, оп. 1, д. 485, л. 10. Прокофьев — Врангелю.

⁴⁰ П. Тихменев. Историческое обозрение..., стр. 362.

⁴¹ С. Б. Окунь. Российско-Американская компания. М.—Л., Соцэгиз, 1939, стр. 138.

кофьев ответил Врангелю, что будет добиваться согласия правительства на его поездку в Мексику, чтобы «вступить в переговоры об утверждении конвенций наших прав на берега Нового Альбиона, о распространении владения нашего на такие пределы, какими можно будет ограничиться, о постоянном учреждении торговли на известных правилах в обеих Калифорниях и по другим берегам Мексики»⁴².

Прокофьев понимал, что предложение Врангеля весьма-ма дальновидно и полезно интересам компании и Русского государства. Он даже давал понять, что компания готова на «приличные пожертвования в пользу Мексиканского правительства и его чиновников» ради того, чтобы улучшить с их помощью обеспечение продовольствием русских поселений в Америке.

Разрешение на поездку в Мексику Врангель получил вместе с сообщением о том, что царское правительство воздерживается от признания «нового порядка вещей» в Мексике. Ему разрешалось вести переговоры с мексиканским правительством лишь как представителю компании. При этом Врангелю поручалось выяснить, может ли признание Россией «независимости республики» повлечь за собою формальную уступку «занятых русскими в Калифорнии земель»⁴³.

Передав дела по управлению Русской Америкой капитану 1-го ранга А. И. Купреянову, Врангель вместе с Елизаветой Васильевной и сыном, родившимся в Новом архангельске, 24 ноября 1835 г. на шлюпе «Ситха», вышел в плавание к берегам Мексики.

4 декабря шлюп достиг реки Колумбии, и спустя две недели Врангель прибыл в Монтрей, где должен был встретиться с губернатором Верхней Калифорнии Хосе Фигероа, чтобы получить паспорт для посещения столицы Мексики. Встретивший судно чиновник привез неприятное известие. Губернатора Фигероа уже не было в живых. Врангель решил идти в Сан-Блаз, куда прибыл 1 января 1836 г. Спустя семь дней он отправился в Тепик, встретился с английским консулом Барроном и получил у него рекомендательное письмо к вице-президенту Мексики генералу Баррагану.

⁴² ЦГИАЭ, ф. 2057, оп. 1, д. 485, л. 20.

⁴³ С. Б. Окунь. Указ. соч., стр. 139.

Прибыв в столицу Мексики (Мехико), Врангель, несмотря на противодействие английского и французского посланников, вручил исполняющему обязанности министра иностранных дел предложение Российско-Американской компании о дальнейшем развитии торговых отношений и о разрешении русским промышленникам добывать бобров у берегов Калифорнии. Компания изъявила также готовность оказывать помощь мексиканским судам и принять на обучение различным специальностям мексиканских детей.

Министерство иностранных дел Мексики конфиденциально ответило Врангелью, что мексиканское правительство благожелательно относится к предложению Российско-Американской компании и готово содействовать укреплению торговых отношений на основе заключения договора между заинтересованными государствами.

8 марта 1836 г. Врангель выехал из столицы Мексики. В Вера-Крус он пересел на американское судно и отправился в Нью-Йорк, куда прибыл вечером 22 апреля. Спустя два дня он уже плыл в Европу. 4 июня, после почти 7-летнего отсутствия, Врангель возвратился в Петербург. Его доводы о необходимости ценой признания Мексики укрепить положение поселения Росс не были приняты во внимание правительством. Николай I «не признал удобным дать делу дальнейший ход»⁴⁴.

“ П. Тихменев. Историческое обозрение..., стр. 364.

Труды Ф. П. Врангеля о Русской Америке

Пятилетнее управление Врангелем русскими поселениями в Америке принесло огромную пользу русской географии и этнографии. Он спарядил несколько экспедиций для исследования малоизвестных берегов островов и проливов и всячески поощрял служащих компаний, собиравших сведения по этнографии населения Русской Америки. Эти сведения послужили основой для создания Врангелем цикла трудов по этнографии и статистике населения Русской Америки. Им были опубликованы «Краткие статистические замечания о российских колониях в Америке» (в «Телескопе»), статья «Обитатели северо-западных берегов Америки» (в «Сыне Отечества»), а также «Письма барона Врангеля из Сибири и северо-американских колоний» (в «Журнале Министерства народного просвещения»). Кроме того, Врангель подготовил статьи «О торговых сношениях народов Северо-Западной Америки между собою и чукчами», «Известия о российских владениях в Америке» и «Замечания о народах северо-западного берега Америки»¹.

Его учеными трудами весьма заинтересовался академик Карл Максимович Бэр. По его инициативе Академия наук приняла решение опубликовать известия Врангеля о Русской Америке. Они были переведены на немецкий язык под единым названием *«Statistische und ethnographische Nachrichten über die russischen Besitzungen an der Nordwestküste von Amerika»*. Издание книги осуществлялось в течение трех лет под наблюдением Бэра и было завершено в 1839 г.

---

¹ ЦГИАЭ, ф. 2057, оп. 1, д. 341.

Этнографические труды Врангеля составили первый том «Материалов к познанию Российской империи», вышедший под редакцией К. М. Бэра и Г. П. Гельмерсена, которых В. И. Ленин назвал «авторитетными наблюдателями природы»². Предисловие написал Бэр. Он же обработал и обобщил метеорологические наблюдения Врангеля, а также включил в состав труда Врангеля свою статью о племенах, обитающих на северо-западных берегах Америки.

Бэр и Гельмерсен придавали большое значение опубликованию труда Врангеля. 25 января 1840 г. они выступили в «Петербургской газете» с программной статьей о задачах издания «Материалов» к познанию России. Ученые отмечали, что с началом второй четверти XIX в. не осталось в России журнала, в котором бы публиковались подобные материалы, и записки и наблюдения многих путешественников и мореплавателей оказались «погребенными в архивах». И хотя Морское министерство не упоминалось в статье, было ясно, о чем шла речь. Именно это ведомство в 30-х годах почти полностью прекратило публикацию материалов морских и полярных экспедиций, в том числе остались ненапечатанными два обширных труда Врангеля. По мнению Бэра и Гельмерсена, такое положение наносило «ущерб не только ученому миру, но и в особенности Отечеству нашему и его научной репутации...». Иностранные путешественники вновь «открывают то, что является достоянием науки, так как открытия русских ученых остаются для них неизвестными»³. Это была первая постановка вопроса о необходимости создания научного центра изучения России, нападающая воплощение в создании Русского географического общества. Труд Врангеля по этнографии населения Северо-Западной Америки явился выдающимся вкладом в мировую этнографическую науку.

Академик А. Ф. Миддендорф писал, что Врангелю на основе собственных изысканий и этнографических наблюдений И. Ф. Васильева, П. Ф. Колмакова, А. Глазунова, И. Е. Вениаминова и других исследователей удалось «создать из отдельных сведений единую, чрезвычайно полезную картину, которая вряд ли оставляет желать лучшего, но многие особенности которой открывают, однако,

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 227.

³ Переписка Карла Бэра..., стр. 183.

большой простор для дальнейших специальных исследований»⁴.

Труд Врангеля не утратил своего важного научного значения и в наши дни и справедливо считается исследователями энциклопедией о народах Русской Америки⁵.

Труды Врангеля о Русской Америке, вероятно, еще не полностью выявлены. Во всяком случае, известно, что во время пребывания на посту правителя владениями Российско-Американской компании он вел дневник, который пока еще не удалось обнаружить.

Важным дополнением к трудам о Русской Америке явились очерки о путешествии из Новоархангельска через Мексику в Петербург, опубликованные сначала в газете «Северная пчела», а затем изданные отдельной книгой⁶. Недавно был опубликован дневник Врангеля о путешествии его через Мексику, который расценивается исследователями как оригинальный источник по этнографии Мексики и Калифорнии и истории русско-мексиканских отношений⁷.

В течение пятилетнего пребывания в Русской Америке Врангель вел непрерывные метеорологические и магнитные наблюдения, записывал их в журналы (подлинники сохранились в архиве исследователя⁸) и регулярно отправлял в Академию наук, которая печатала их в своих трудах. Кроме того, результаты магнитных измерений были опубликованы в отдельном исследовании, в создании которого вместе с Врангелем принимали участие А. Гумбольдт и А. Я. Купфер⁹.

В 1836 г. Врангель был назначен директором Департамента корабельных лесов. Эта высокая должность не очень устраивала Врангеля. Его больше влекли ученые изыскания в море.

⁴ Восемнадцатое присуждение учрежденных П. Н. Демидовым шаград. СПб., 1849, стр. 7.

⁵ С. А. Токарев. История русской этнографии. М., «Наука», 1966. стр. 152.

⁶ Ф. П. Врангель. Путешествие из Ситхи в Санкт-Петербург.— «Северная пчела», 1836, № 240—246, 259—264. Название труда при опубликовании отдельной книгой было изменено на «Очерк пути из Ситхи в С.-Петербург». СПб., 1836.

⁷ Л. А. Шур. К берегам Нового Света. М., «Наука», 1971, стр. 175.

⁸ ЦГИАЭ, ф. 2057, оп. 1, д. 348, 349, 350.

⁹ F. Wrangel. Beobachtungen der Südlichen Variationen der Abweihung zu Sitka, auf Nordwestküste Amerika's. Aus einem Schreiben des Hrn Prof. Kupffer an Hrn A. v. Humboldt. SPb., 1834.

Врангель уклонялся от командования строевыми кораблями, поскольку «тогдашний характер этой службы в Балтийском флоте не соответствовал его понятиям». Как гуманист, он не мог принять «хаос кронштадтского фронтового порядка» с его шпицрутепами и надруганием над личностью человека, о чем свидетельствуют документы, обнаруженные в последние годы исследователями.

В 1838 г. Врангель по просьбе акционеров взял на себя управление делами Российско-Американской компании, а спустя некоторое время был избран ее главным директором. Его деятельность на этих постах ознаменовалась важными событиями не только в развитии русских поселений в Америке, но и большими научными достижениями.

В 1838 г. по инициативе Врангеля и И. Ф. Крузенштерна была снаряжена экспедиция А. Ф. Кашеварова, которая описала северное побережье Америки между мысами Лисбурн и Врангеля и собрала уникальные материалы по этнографии эскимосских племен и географии этого почти неизученного района русских владений.

В 1842—1844 гг. при содействии Врангеля была отправлена экспедиция в бассейны рек Кускоквима, Иокогмута, Квихпака под руководством лейтенанта Л. А. Загоскина, принесшая исключительно важные научные результаты. Загоскин обследовал обширные внутренние районы Русской Америки. Он не только продолжил начатое Врангелем широкое этнографическое изучение населения северо-западных берегов, но и собрал оригинальные материалы по растительному и животному миру этого края. Кроме того, Загоскин опубликовал двухлетние метеорологические наблюдения, явившиеся важным вкладом в изучение климата Русской Америки.

Экспедициями Российско-Американской компании были осуществлены исследования в Амурском Лимане, в устье реки Анадырь, в Беринговом проливе.

Врангель содействовал организации магнитной обсерватории на острове Ситх. Проведенные ею магнитные и метеорологические наблюдения не утратили своего значения и сегодня. Они служат исходным материалом для изучения эволюции геофизических процессов на севере Тихого океана и северо-западном побережье Америки.

Проект достижения Северного полюса. Последние годы жизни

Врангелью принадлежит выдающаяся роль в создании Русского географического общества. Реакция, наступившая после разгрома движения декабристов, сказалась и на развитии русской науки. Прекратили свое существование «Записки, издаваемые Государственным Адмиралтейским департаментом», в 13 томах которого содержится исключительно цепная информация о русских полярных и океанических исследованиях. Географические исследования на Севере России были свернуты, а в Российской Америке и в восточных морях велись только на средства Российско-Американской компании (в основном по инициативе или при поддержке Врангеля). Обширные материалы, собранные экспедициями морского флота, становились лишь достоянием архивов. Вследствие этого «познание России как в Отечестве, так и за границей распространялось крайне медленно»¹. Необходимость создания общества, которое занялось бы развитием знаний о России, ощущалась передовыми учеными.

В первой половине 1844 г. Литке, Врангель и Бэр начали обсуждать вопрос об организации Русского географического общества. Они разработали устав и успешно провели в жизнь свой проект. Блестящие путешествия А. Ф. Миддендорфа по Сибири и Л. И. Шреика по Дальнему Востоку дали мощный импульс к действию. Литке, Врангелю и Бэр удались получить согласие правительства на учреждение общества и ежегодную субсидию в размере 10 тыс. руб.

¹ Основание в С.-Петербурге Русского географического общества и занятия его с сентября 1845 по май 1846 г.—«Зап. Рус. геогр. об-ва», 1849, кн. I и II, стр. 10.

Первое общее собрание членов Русского географического общества, подготовленное Врангелем, состоялось 7 октября 1845 г. Он был избран председателем отделения общей географии. Главной своей задачей общество признавало «возделывание географии России, принимая название географии в обширнейшем его значении».

Врангель создал в Русском географическом обществе особый комитет, который обсуждал вопрос о снаряжении ученой экспедиции в Русскую Америку. Желание припять в ней участие выражали А. Ф. Миддендорф и заместитель Врангеля по отделению общей географии А. Н. Савич с условием, что экспедиция будет продолжаться два года. Но два года Врангель считал для такой экспедиции слишком малым сроком. Кроме того, Бэр возражал против посылки Миддендорфа в Русскую Америку, считая, что он должен обработать и издать результаты сибирского путешествия.

20 ноября 1846 г. Ф. П. Врангель выступил на годичном собрании членов общества с докладом «О средствах достижения полюса»². Он дал анализ поисков Северо-Западного прохода с конца XV до 30-х годов XIX в. и рассмотрел причины изменения интереса исследователей от важнейшей географической проблемы морского сообщения между Тихим океаном и Атлантикой к стремлению достичь Северного полюса.

Врангель особо остановился на проекте В. Парри, который предлагал исходной точкой экспедиции избрать самые северные берега Шпицбергена. Здесь судно должно оставаться на зимовку. Один ее отряд в 100 милях от базы создает на льду продовольственный склад с тем, чтобы полюсный отряд мог идти к цели налегке и затем на обратном пути в том же депо найти запасы провизии. Парри надеялся отправиться в путь в апреле и проходить ежедневно по 60 км (вероятно, используя для поездок по льдам оленей).

Врангель находил этот план обреченным на неудачу. Основываясь на опыте своего Колымского путешествия и на опыте санных поездок Аижу по льду, он считал, что Северный Ледовитый океан, в том числе у берегов Шпицбергена, покрыт не сплошным ледяным покровом, а дви-

² Ф. П. Врангель. О средствах достижения полюса.—«Зап. Рус. геогр. об-ва», 1849, кн. I и II, стр. 116.

жущимися ледяными полями, которые находятся во власти ветров и течений и путешествие по которым сопряжено с риском для жизни людей. «Я не могу, — говорил Врангель, — разделить надежды капитана Парри насчет удобств ледяной поверхности для успешного по ней следования на север». Не разделял он и мнения секретаря Королевского Географического общества Дж. Барроу о том, что Северного полюса можно достигнуть на паровом судне, идя к полюсу по меридиану северной оконечности Шпицбергена.

Врангель находил более целесообразным для достижения цели и приобретения новых сведений по географии полярных стран направить экспедиционное судно к северо-западным берегам Гренландии, в залив Смита. Оставшись там на зимовку, экспедиция должна была, как только море замерзнет, достигнуть на собаках северной оконечности Гренландии, создать там один склад продовольствия и корма для собак, а другой — примерно на 200—220 км севернее. Из этого пункта экспедиции следовало выйти к Северному полюсу в марте. Врангель считал, что, даже если экспедиции не удастся достигнуть конечной цели, она сможет «совершить описание этой страны, никем еще не исследованной, и тем самым принести важную услугу общей географии».

Доклад «О средствах достижения полюса» был постановкой научной проблемы. В нем Врангель снова подтвердил свои взгляды на природу льдов Северного Ледовитого океана, отверг теорию безледного моря у полюса и рекомендовал путь, которым спустя 63 года прошел к северной точке Земли американец Р. Пири.

В это время у Врангеля начались разногласия с начальником Морского штаба князем А. С. Меншиковым. В 1849 г. он ушел в отставку и уехал в имение Руиль. В деревенском уединении Врангель прожил пять лет. Эти годы были омрачены потерей дорогих ему людей — двух дочерей и жены Елизаветы Васильевны.

В сентябре 1854 г. по предложению Ф. П. Литке Врангель вернулся в Морское ведомство, где он сначала руководил Гидрографическим департаментом, а затем управлял всем министерством, передав прежние обязанности талантливому исследователю морей России М. Ф. Рейнеке. Большое внимание Врангель уделял недавно созданному журналу «Морской сборник», названному Н. Г. Чернышев-

ским замечательным во многих отношениях явлением напей литературы³.

По инициативе Врангеля был создан Технический комитет, ведавший вопросами технического перевооружения флота. Когда по Парижскому мирному договору Россия потеряла право иметь военный флот на Черном море, Врангель выступил с предложением создать мощный транспортный флот, который мог служить в случае необходимости нуждам обороны Черноморского побережья России. Русское общество пароходства и торговли было создано «со значительным пособием от казны». Его сильные суда оказали большую поддержку русской армии во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг.

Врангель трудился не покладая рук над реорганизацией русского военного флота. В феврале 1857 г. он тяжело заболел и спустя несколько месяцев оставил пост управляющего Морским министерством. Его назначили членом Государственного совета. В архивах Врангеля сохранилось большое число документов, относящихся к подготовке крестьянской реформы 1861 г. Из письма видно, что Врангель, придерживаясь либеральных взглядов, был сторонником отмены крепостничества⁴.

Зимой 1859 г. в Петербург приезжал Т. С. Батеньков. Декабрист посетил Врангеля и рассказал ему о том, что 20 лет томился в секретном каземате Петропавловской крепости, не имея возможности ни писать, ни читать. «Часто с того времени,— рассказывал Врангель одному из знакомых о встрече с Батеньковым,— я смотрю на эти молчаливые казематы Петропавловской крепости, освещенные закатом, и мне кажется, что я вижу там прошедшего через тяжелые испытания друга юности, который был два десятилетия отрезан от мира, забыт людьми, но вышел победителем в долгом и тяжелом бою»⁵.

Врангель продолжал интересоваться успехами географии, принимал участие в деятельности Русского географического общества. Он одобрил записки Аргентова о путешествии по Чукотке и рекомендовал напечатать его книгу «Северная земля». «Кряхай, Якан, Шелага и прочие благозвучные звуки, приветствовавшие меня из запи-

³ Н. Г. Чернышевский. Собр. соч., т. 2. М., ГИХЛ, 1950, стр. 580.

⁴ ЦГИАЭ, ф. 2057, д. 431, л. 71 и др.

⁵ W. Wrangel. Ein Kampf um Wahrheit. Stuttgart, 1940, S. 150.

сок Аргентова, отвлекли меня магической силой от реформ Киселевых и других дел, готовых для сегодняшнего заседания нашего Департамента. Возвращаю с благодарностью самую записку и краткую мою заметку о ней»⁶.

В это время в печати началась публикация материалов о русских владениях в Америке. Врангель пророчески увидел в этом стремлении определенных кругов «убить Американскую компанию окончательно»⁷. Управляющий Морским министерством предложил правительству не продлить привилегий Российской-Американской компании, что было равносильно ее ликвидации.

Врангель выступил с протестом, неоднократно при этом подчеркивая, что русские владения в Америке имеют важное значение для защиты государственных интересов России⁸.

В 1864 г. Врангель окончательно оставил государственную службу и переехал на постоянное жительство в имение Руиль.

В 1867 г. до Врангеля дошли сведения о том, что царское правительство продало США Русскую Америку. Один из его сподвижников во время пребывания на посту правителя русскими поселениями, М. Д. Тебеньков, 24 апреля сообщал следующее: «Вам, конечно, известно положение дел компании к октябрю 1865 года, как и предложение правительства в отношении привилегий, которыми необходимо было припять долг у компании 2 млн. рублей, а рассмотрение привилегий длилось уже 5-й год. Апреля 4 1866 года, наконец, привилегии были утверждены и дарована была субсидия в 200 тыс. рублей серебром в год. Казалось бы, лучшего и желать нельзя; но при даровании субсидии вставка: давать ее до тех пор, пока компания исполняет все возложенные на нее правительством обязанности — уничтожила всю сущность дела [...]. В начале апреля (даты не помню) князь Гагарин, председатель Совета министров и проч. и проч., возвращается домой от государя и говорит своему домашнему секре-

⁶ ЦГИАЭ, ф. 2057, оп. 1, д. 450, л. 30. Врангель — Литке. Врангель являлся членом Департамента духовных и гражданских дел Государственного совета.

⁷ Там же.

⁸ ЦГИАЭ, ф. 2057, оп. 1, д. 395, лл.1—13.

тарю Перози, чтоб он поздравил Компанию с окончанием ее существования: колонии проданы американцам за 7 млн. долларов, или 10 млн. рублей серебром. Известие это тотчас было передано нам и, конечно, удивить нас слишком не могло потому, что мы знали с 1862 года, когда в колонии ездил ревизор Костливцев, что уступка колоний была в то время предложена Стеклем Министерству иностранных дел Соединенных Штатов, но по причине предполагавшейся войны между ними дело это было на время отложено. Мы знали и забыли, а если бы и не забыли, то ничему бы не помогли. Последнее видно из того, что нас даже не уведомили об этом»⁹.

Еще раньше Врангель получил письмо от Литке, который, стараясь утешить друга, писал, что продажу Русской Америки считает лучшим исходом для Российско-Американской компании, тем более это полезно для государства, поскольку граница его владений на севере Тихого океана сократится и легче будет обеспечить ее безопасность.

«Любезный друг! — не без иронии отвечал Врангель Литке. — В этом отношении можно даже не пожалеть продать и Камчатку, а Амурский край с новыми портами до Кореи и Сахалин отдать американцам в аренду на 99 лет. От этого только туземцы пострадают, а край заселится производящим поколением свободных колонистов и разовьются земледелие, промышленность и торговля — до чего мы сами, бог весть, дойдем когда-нибудь. Наши колонии независимо от пушных промыслов будут весьма отличны предпримчивым и денежным американцам: угольные пласты в различных пунктах, хвойный рапгоутный лес, отличные порты или гавани — все это в соседстве с Верхней Калифорнией может добавить существенные выгоды для янки»¹⁰.

Последние шесть лет своей жизни Врангель провел в деревенском уединении. Изо дня в день он занимался метеорологическими наблюдениями, дневники которых сохранились в его архиве. Здоровье его ухудшалось. Настал день, когда он уже не мог выходить из дома, чтобы снять показания метеорологических приборов.

⁹ ЦГИАЭ, ф. 2057, оп. 1, д. 469, лл. 90—91. Тебеньков — Врангелю.

¹⁰ ЦГИАЭ, ф. 2057, оп. 1, д. 451, л. 50. Врангель — Литке.

Весной 1870 г. Брангель решил навестить места, где провел свое детство. Возвращаясь в Руиль, он почувствовал себя хуже и заехал к брату в Дерпт. Здесь с Брангелем пытался увидеться К. М. Бэр, чтобы попросить его поделиться своими воспоминаниями об основании Русского географического общества. Но свояченица Брангеля, госпожа Гельмерсен, не допустила Бэра к больному. Однако она передала его просьбу Брангелю. «Тогда, — сообщал Бэр Литке, — он сел и написал об этом статью карандашом всего за несколько часов до смерти»¹¹.

Брангель умер 25 мая 1870 г. от разрыва сердца. Его похоронили в имении Руиль в Эстляндии.

---

¹¹ Переписка Карла Бэра..., стр. 148.

Заключение

Почти полтора века минуло с тех пор, как Врангель создал основные труды по географии Севера Восточной Сибири, восточных арктических морей и Русской Америки.

Выдающийся успех Врангеля и Анжу в картировании северного побережья России между Рекой Оленек и Беринговым проливом делал эти путешествия важнейшими событиями в истории географических открытий. Именно этой грандиозной съемкой завершался один из главнейших этапов в изучении Русского Севера — исследование Северо-Восточного морского пути, начатое Второй Камчатской экспедицией¹.

Значение этого достижения трудно переоценить. Врангель, Анжу, Матюшкин и Козымин окончательно установили, что все побережье Евразии омывает Ледовитый океан и что Америка и Азия не соединены перешейком, как предполагал Джемс Бурней. Следовательно, существование сообщения между Атлантикой и Тихим океаном через полярные моря не подлежало сомнению.

Но это лишь одна из сторон деятельности Колымской экспедиции. К этому надо добавить проведение первых магнитных исследований на льдах Восточно-Сибирского и Чукотского морей, первое научное описание ледяных островов и арктических льдов, наблюдения за полярными сияниями, материалы по географии Каменной тундры, севера Чукотки, гидрографии рек Колымы, Малого и Большого Анюев, сведения о пределах лесов на Северо-Востоке Сибири и, наконец, обширнейшие этнографические и естественнонаучные изыскания, выполненные Врангелем, Матюшкиным и Кибером.

---

¹ Ф. Ф. Врангель, С. О. Макаров. Об исследовании Северного Ледовитого океана. СПб., 1897, стр. 3.

Труды Врангеля еще при жизни исследователя получили признание как в России, так и за ее пределами. Первыми их высоко оценили два выдающихся представителя движения декабристов — А. О. Корнилович и Г. С. Батеньков. Когда Колымская и Янская экспедиции находились на берегах Восточной Сибири, Батеньков написал две работы, посвященные успехам этих полярных путешествий, которые, по его словам, прояснили географию Севера Восточной Сибири и установили, что обширной «матерой земли» на севере от Колымы не существует².

Еще более высокую оценку научной деятельности Колымской и Янской экспедиций дал А. О. Корнилович, отметив, что с их достижениями вряд ли могут сравниться самые знаменитые экспедиции современности. «Важнее и драгоценнее всего,— продолжал декабрист,— наблюдения Врангеля над образованием полярных льдов, над северными сияниями, над климатом сих холодных стран». А. О. Корнилович полагал, что они «послужат к полнейшему понятию о физическом состоянии полярных стран³.

В. Г. Белинский отнес «Путешествие» Врангеля к числу выдающихся работ по естественным наукам, которые свидетельствовали о новом движении в ученой литературе. С восхищением об этом труде отзывался А. И. Гончаров. «Путешествие» Врангеля было переведено на немецкий, французский и английский языки. Известный географ К. Риттер видел в труде Врангеля выдающийся вклад в землеведение Северо-Восточной Азии. Столь же высоко оценивал «Путешествие» секретарь Королевского географического общества, английский географ Джон Барроу, откровенно признаваясь, что с удовольствием присоединил бы эту русскую экспедицию к числу выдающихся полярных предприятий британского флота.

Убедительным признаком ученых заслуг Врангеля является избрание его членом Парижской академии наук, Лондонского королевского географического общества и многих других европейских научных институтов.

О высоком научном авторитете Врангеля свидетельствует его обширная, продолжавшаяся более 30 лет

² РО Гос. б-ки СССР им. В. И. Ленина, ф. Батенькова, карт. 12, л. 3.

³ А. О. Корнилович. Известия об экспедициях..., стр. 376.

переписка с К. М. Бэром⁴, в которой обсуждались многие вопросы изучения Севера России. Его корреспондентами были Ф. П. Литке, А. Ф. Миддендорф, Э. Х. Ленц, Е. И. Паррот, Л. И. Шренк. Врангель переписывался с А. Я. Купфером, создавшим первую в России «Систему магнитных и метеорологических наблюдений» и основавшим Главную физическую обсерваторию.

Врангель переписывался с исследователями Русской Америки К. Т. Хлебниковым, А. Ф. Кашеваровым, Л. А. Загоскиным, А. К. Этолиным, М. Д. Тебельковым, сделавшими (при активной поддержке Врангеля) достоянием науки многие непрочитанные страницы по географии северных и северо-западных берегов Америки, а также по этнографии населения этих районов.

Труды Врангеля еще при его жизни были использованы в исследованиях выдающихся географов, в том числе в «Землеведении» К. Риттера, в монографии К. С. Веселовского «О климате России», в работах А. Гумбольдта, А. Я. Купфера, К. Ганстейна и других ученых.

Во многих разделах географии, метеорологии, земного магнетизма, океанографии, этнографии Врангель сказал первое слово. Признанием актуальности его этнографических исследований является осуществленное недавно Институтом этнографии АН СССР издание его дневника путешествия через Мексику. Ни один автор трудов по этнографии населения Северо-Востока Сибири и Русской Америки не обходится без работ Врангеля⁵.

Имя Врангеля можно встретить в энциклопедиях Европы и Америки. Оно многократно увековечено на карте мира. В его честь назван остров в Северном Ледовитом океане, между Восточно-Сибирским и Чукотским морями. Имя Врангеля носят бухта в заливе Америка на побережье Японского моря, остров в Крестовой губе на Новой Земле, остров в архипелаге Александра в заливе Аляска, мыс на северном берегу Америки, мыс на азиатском побережье Охотского моря, мыс на острове Атту в Алеутской гряде, пролив в южной части бывших русских владений в Америке и другие географические объекты.

⁴ Т. А. Лукиной опубликовано 147 писем Бэра Врангелю. Последнее из них написано 6 мая 1870 г. Переписка Карла Бэра...

⁵ С. А. Токарев. История русской этнографии; С. Г. Федорова. Русское население Аляски и Калифорнии. М., «Наука», 1973

Основные даты жизни и научной деятельности Ф. П. Врангеля

- 1796 29 декабря (по ст. стилю) родился в городе Пскове.
- 1810 Поступил в Морской кадетский корпус.
- 1812 Произведен в гардемарина.
- 1815 Присвоено звание мичмана.
- 1816 Плавание на фрегате «Австроил» в Балтийском море.
- 1817 — Участие в кругосветном плавании на шлюпе «Камчатка» под начальством капитана В. М. Головнина.
- 1820 Присвоено звание лейтенанта.
- 1820—1824 Возглавлял Колымскую экспедицию для поисков и описи северных земель.
- 1824 Произведен в капитан-лейтенанты, назначен командиром транспорта «Кроткий».
- 1825 Опубликовал первые работы о Ледовитом море.
- 1825—1827 Плавание вокруг света на транспорте «Кроткий».
- 1827 Избран в члены-корреспонденты Академии наук.
- 1828 Командовал фрегатом «Елизавета». Закончил работу над «Дневными записками» о путешествии по северным берегам Сибири и о плавании на транспорте «Кроткий» вокруг света.
- 1829 Назначен главным правителем Русской Америки, произведен в капитаны 1-го ранга. Женитьба на Елизавете Васильевне Россильон.
- 1833 Избран в члены Московского общества испытателей природы.
- 1836 Произведен в контр-адмиралы, назначен директором департамента корабельных лесов. Избран в члены Общества для поощрения лесного хозяйства.
- 1837 Избран в члены-корреспонденты Лондонского королевского географического общества.
- 1839 Выход в свет труда Врангеля по этнографии Русской Америки.
- 1841 Выход в свет «Путешествия по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю» и «Прибавлений» к нему.
- 1843 Назначен членом Комитета для рассмотрения особых предположений о снабжении предметами продовольствия Камчатского края. Назначен членом комитета для разработки общего плана развития путей сообщения в России.
- 1844— Участие в организационно-подготовительной работе по созданию Русского географического общества.
- 1845 Произведен в вице-адмиралы.
- 1854 Назначен директором Гидрографического департамента Морского министерства.
- 1855 Назначен управляющим Морским министерством.
- 1856 Назначен председателем комитета для изыскания средств для развития коммерческого флота.
- Произведен в адмиралы.
- 1857 Оставил пост управляющего Морским министерством. Назначен членом Государственного совета.
- 1876 25 мая (по ст. стилю) умер в Юрьеве (Дерпте).

- Общие замечания о Ледовитом море. Отрывок из журнала капитан-лейтенанта Врангеля.— «Зап. Гос. адмиралт. деп.», 1825, ч. 8.
- Примечания лейтенанта Врангеля к карте, представляющей берег Ледовитого моря от устья р. Индигирки до Берингова пролива.— «Зап. Гос. адмиралт. деп.», 1825, ч. 8.
- Physikalische Beobachtungen Während Reisen auf dem bismeer in den Jahren 1821, 1822, 1823. Berlin, 1827.
- Дневные записки о плавании военного транспорта «Кроткий» в 1825, 1826 и 1827 годах под командою капитан-лейтенанта (что ныне капитана 2-го ранга) Врангеля I-го.— «Северный архив», 1828, ч. 36.
- Дневные записки, веденные во время плавания военного транспорта «Кроткий».— ЦГИАЭ, ф. 2057, оп. 1, д. 311, л. 1—405.
- Путевые записки адмирала барона Ф. П. Врангеля.— «Исторический вестник», 1884, т. 18, октябрь.
- Beobachtungen der St dlichen Variationen der Abweihung zu Sitka auf Nordwestk ste Amerika's. Aus einem Schreiben Hrn Prof. Kupfler an Hrn. A. v. Humboldt. SPb., 1834.
- Краткие статистические замечания о российских колониях в Америке.— «Телескоп», 1835, т. 27.
- Письма барона Врангеля из Сибири и северо-американских колоний.— «Журн. М-ва нар. просв.», 1835, ч. 8, № 11.
- Путешествие из Ситхи в Санкт-Петербург.— «Северная пчела», 1836, № 240—246, 259—264.
- Очерк пути из Ситхи в С.-Петербург. СПб., 1836.
- Дневник путешествия из Ситхи в Санкт-Петербург через Мексику.— В кн. Л. А. Шур. К берегам Нового Света. М., «Наука», 1971.
- Известия о российских владениях в Америке.— ЦГИАЭ, ф. 2057, оп. 1, д. 341.
- О торговых сношениях народов Северо-Западной Америки между собою и чукчами.— ЦГИАЭ, ф. 2057, он. 1, д. 341.
- Замечания о народах северо-западного берега Америки.— ЦГИАЭ, ф. 2057, оп. 1, д. 341.
- Историческое обозрение путешествий по Ледовитому океану между Карским морем и Беринговым проливом до 1820 г.— «Журн. для чтения воспитанников воен.-уч. заведений», 1838, т. 15, № 59, 60.
- Обитатели северо-западных берегов Америки.— «Сын Отечества», 1839, т. 7, 8.
- Statistische und ethnographische Nachrichten  ber die russischen Besitzungen an der Nordwestk ste von Amerika. St. Pb., 1839.
- Историческое обозрение путешествий по Ледовитому океану между Карским морем и Беринговым проливом до 1820 г.— «Сын Отечества», 1838, кн. 4.
- Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенное в 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 годах экспедицію, состоявшую под начальством флота лейтенанта Фердинанда

Врангеля, чч. I и II. СПб., 1841; изд. 2. М., Изд-во Главсевморпути, 1948.

Прибавления к «Путешествию по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенному в 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 годах экспедициею, состоявшеею под начальством флота лейтенанта Фердинанда Врангеля», содержащее в себе замечания о Ледовитом море, о полярных льдах, северных сияниях, езде на собаках, языках туземцев, метеорологические, климатологические наблюдения и таблицы географического положения мест с приложением 13 литографированных раскрашенных рисунков северных сияний и походных принадлежностей. СПб., 1841.

Reise längs der Nord Küste von Sibirien und auf dem Eismeere in den Jahren 1820 bis 1824, v. I—II. Berlin, 1839.

Die Fahrten und Abentheuer auf der Reise von Petersburg nach der Nordostküste von Sibirien. Leipzig, 1841.

Le nord de la Sibérie, voyage parmi des peuplades de la Russie asiatique et dans la mer Glaciale, v. I—II. Paris, 1843.

О средствах достижения полюса.—«Зап. Рус. геогр. о-ва», кн. I и II. СПб., 1849.

Биографическая заметка [о П. Ф. Анжу].—«Морской сборник», 1869, № 12.

- Алексеев А. И. Колумбы российские. Магадан, Книжн. изд-во, 1966.
- Алексеев А. И. Федор Петрович Литке. М., «Наука», 1970.
- Андреев А. И. Архив Врангеля.— «Изв. Всесоюз. геогр. об-ва», 1943, т. 75, вып. 3.
- Аргентов А. Северная земля. СПб., 1861.
- Атлас географических открытий в Сибири и в Северо-Западной Америке в XVII—XVIII вв. М., «Наука», 1964.
- Батеньков Г. Отрывок из письма к начальнику отряда Северной экспедиции лейтенанту Ф. П. Врангелю.— «Сын Отечества», 1823, т. 90, № 51.
- Берг Л. С. История русских географических открытий. М., 1962.
- Бурханов В. Ф. Ледяные плавучие острова Центральной Арктики.— В сб. «На ледяном острове». М., Географгиз, 1962.
- Бэр К. М. Несколько слов по поводу новогооткрытой Врангелевой Земли.— «Изв. Рус. геогр. об-ва», 1868, т. IV, вып. 7.
- Вагин В. И. Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 год, т. I, II. СПб., 1872.
- Вальская Б. А. Путевой журнал Колымского купца Бережного, участвовавшего в экспедиции Ф. П. Врангеля на Северо-Восток Сибири.— «Изв. Всесоюз. геогр. об-ва», 1948, т. 80, вып. 3.
- Визе В. Ю. Моря Советской Арктики. М.—Л., Изд-во Глазевморпути, 1948.
- Врангелева Земля.— «Изв. Рус. геогр. об-ва», 1881, т. 17.
- Врангель Ф. Ф., Макаров С. О. Об исследовании Северного Ледовитого океана. СПб., 1897.
- Головнин В. М. Путешествие вокруг света, совершенное на военном шлюпе «Камчатка» в 1817, 1818, 1819 гг. флота капитаном Головнином. М., «Мысль», 1965.
- Григорьев А. Врангелева Земля. «Изв. Рус. геогр. об-ва», 1881, т. 18, вып. 3—4.
- Давыдов Ю. В. Фердинанд Врангель. М., Географгиз, 1959.
- Есаков В. А., Плахотник А. Ф., Алексеев А. И. Русские океанические и морские исследования в XIX—начале XX в. М., «Наука», 1964.
- Зубов Н. Н. Отечественные мореплаватели — исследователи морей и океанов. М., Географгиз, 1955.
- Зубов Н. Н. Фердинанд Петрович Врангель.— В кн. «Отечественные физико-географы и путешественники». М., Учпедгиз, 1959.
- Ивашинцев Н. А. Русские кругосветные путешествия 1803—1849 гг. СПб., 1872.
- Известие о двух путешествиях экспедиции, отправленной из Нижнеколымска к северным берегам Сибири в 1821 г.— «Северный архив», 1822, т. 3.

- Извлечение из журнала путешествия доктора Кибера с мнением об оном академика Захарова.— «Зап. Гос. адмиралт. деп.», 1827, № 13.
- История открытия и освоения Северного морского пути, т. I. М.— Л., «Морской транспорт», 1956.
- История Сибири, т. II. Сибирь в составе феодальной России. Под ред. акад. А. П. Окладникова. М.— Л., «Наука», 1968.
- Карцов В. Г. Декабрист Г. С. Батеньков. Новосибирск, «Наука», 1965.
- Кибер А. Э. Замечания о некоторых предметах естественной истории, учиненные в Нижнеколымске и в окрестностях оного в 1821 г.— «Сибирский вестник», 1823, ч. II.
- Кибер А. Э. Извлечения из дневных записок, содержащих в себе сведения и наблюдения, собранные в болотных пустынях Северо-Восточной Сибири.— «Сибирский вестник», 1824, ч. I.
- Кибер А. Э. Чукчи.— «Сибирский вестник», 1824, ч. 2.
- Корнилович А. О. Известия об экспедициях в Северо-Восточную Сибирь флота лейтенантов Врангеля и Анжу в 1821, 1822 и 1823 годах.— «Северный архив», 1825, т. 13, № 4.
- Лактонов А. Ф. Ф. Н. Врангель.— «Проблемы Арктики», 1945, № 2.
- Лебедев Д. М., Есаков В. А. Русские географические открытия и исследования. М., «Мысль», 1971.
- Литке Ф. П. Известие об экспедициях к северным берегам Сибири.— «Зап. Гос. адмиралт. деп.», 1824, ч. 6—7.
- Макаров С. О. О трудах русских моряков по исследованию вод Северного Тихого океана. СПб., 1892.
- Мнение почетного члена Шуберта о наблюдениях, произведенных в экспедициях к северным берегам Сибири под начальством лейтенантов Врангеля и Анжу.— «Зап. Гос. адмиралт. деп.», 1824, ч. 7.
- Наумов Г. В. Русские географические исследования Сибири в XIX—начале XX в. М., «Наука», 1965.
- Новые вести из Северо-Восточной Азии.— «Сибирский вестник», 1822, ч. 17.
- Новые открытия россиян в Северном океане.— «Северный архив», 1822, ч. 3.
- О Земле Врангеля.— «С.-Петербургские ведомости», 1868, № 58.
- О путешествиях и открытиях гг. барона Врангеля, Матюшкина и Анжу.— «Русский инвалид», 1825, № 167—169.
- Объявление доктора Кибера, касающееся экспедиции к северным берегам Сибири под начальством лейтенанта барона Врангеля.— «Азиатский вестник», 1825, ч. 1.
- «Одиннадцатое присуждение учрежденных П. Н. Демидовым на град». СПб., 1842.
- Окладников А. П. Земля бородатых.— «Труды отдела древнерусской литературы Ин-та русск. литературы АН СССР», т. XIV. М.— Л., Изд-во АН СССР, 1958.
- Окладников А. П. Русские полярные мореходы XVII в. у берегов Таймыра. М.— Л., Изд-во Главсевморпути, 1952.
- Окладников А. П., Береговая Н. А. Древние поселения Баранова мыса. Новосибирск, «Наука», 1971.
- Окунь С. Б. Российско-Американская компания. М.— Л., Соцэкиз, 1939.

- Островский Б. Г. Адмирал Ф. П. Врангель.— «Изв. Всесоюз. геогр. об-ва», 1948, т. 80, вып. 2.*
- Пасецкий В. М. Декабристы о Севере.— В сб. «Путешествия и географические открытия в XV—XIX вв.» Л., «Наука», 1965.*
- Пасецкий В. М. «И вечный лед полуночных морей».— В кн. «Впереди неизвестность пути». М., «Советская Россия», 1969.*
- Пасецкий В. М. Неосуществленные проекты.— В сб. «Проблемы Арктики и Антарктики», вып. 22. Л., «Наука», 1966.*
- Пасецкий В. М. Проект Бэйфорда Пима.— В сб. «Проблемы Арктики и Антарктики», вып. 30. Л., «Наука», 1970.*
- Переписка Карла Бэра по проблемам географии. Публ., перев. и прим. Т. А. Лукиной. Л., «Наука», 1970.
- Письма Ф. Ф. Матюшкина из Сибири.— В кн. *Ф. П. Врангель. «Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенное в 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 гг. экспедициею, состоявшую под начальством флота лейтенанта Фердинанда Врангеля».* М., Изд-во Глазговморпути, 1948.
- Путешествие лейтенанта российского флота барона фон Врангеля вдоль северного берега Сибири и в Ледовитом море в 1820—1824 гг.— «Отечественные записки», 1840, т. 2.
- Сухова Н. Г. Физико-географические исследования Восточной Сибири в XIX в.* М.— Л., «Наука», 1964.
- Гихменев П. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании, ч. 1, 2.* СПб., 1861, 1863.
- Говкач Н. М. Фердинанд Петрович Врангель.— «Зап. по гидрограф.», 1971, № 3.*
- Гокарев С. А. История русской этнографии.* М., «Наука», 1966.
- Смирнов Т. В. Морская полярная экспедиция Врангеля и Матюшкина для описания Сибири и Северного Ледовитого океана.— «Морской сборник», 1954, № 11.*
- Черненко М. Б. Фердинанд Петрович Врангель и Федор Федорович Матюшкин.— В кн. «Русские мореплаватели».* М., 1953.
- Шварц К. Н. Барон Фердинанд Петрович Врангель.— «Русская старина», 1872, т. 5, № 3.*
- Шиллинг Н. Географическая заметка.— «Морской сборник», 1868, т. 95, № 4.*
- Шмидт Ф. Б. О заслугах барона Ф. П. Врангеля по открытию Врангелевой Земли.— «Изв. Рус. геогр. об-ва», 1893, вып. 1.*
- Шур Л. А. К берегам Нового Света.* М., «Наука», 1971.
- Engelgardt L. Ferdinand von Wrangel und seine Reise.* Leipzig, 1885.
- Wrangel W. Ein Kampf um Wahrheit.* Stuttgart, 1940.

Содержание

Предисловие научного редактора	5
Введение	7
В школе В. М. Головнина	13
Ф. П. Врангель и проблема «Северной земли»	27
Поручение В. М. Головнина	27
Проблема «Северной земли»	30
Подготовка экспедиции	36
Путешествие из Петербурга в Нижнеколымск	42
Путешествие к Шелагскому мысу. Поиски «Северной земли»	50
Продолжение поисков «Северной земли»	63
Земля к северу от мыса Якан	76
Научное значение Колымской экспедиции	94
Окончательное решение проблемы северного материка	102
Ф. П. Врангель в Русской Америке	11
Крейсерство на севере Тихого океана	11
Кругосветное плавание	11
Вклад Ф. П. Врангеля в изучение Русской Америки	12
Труды Ф. П. Врангеля о Русской Америке	1
Проект достижения Северного полюса. Последние годы жизни	1
Заключение	1
Основные даты жизни и научной деятельности Ф. П. Врангеля	1
Труды Ф. П. Врангеля	1
Литература о Ф. П. Врангеле	1

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

ВЫШЛА ИЗ ПЕЧАТИ КНИГА:

Л. К. Габуния

ЛУИ ДОЛЛО

15 л. 1 руб.

В книге описывается жизненный путь гениального бельгийского естествоиспытателя-дарвиниста Луи Долло и дается подробный обзор его богатого научного наследия. Рассматриваются труды Луи Долло по палеонтологической истории головоногих моллюсков, двоякодышащих рыб, морских черепах, ихтиозавров, динозавров, сумчатых и др. Специальные главы посвящены его знаменитой «Этологической палеонтологии». Выясняется значение исследований Луи Долло для развития эволюционной палеонтологии. В книге использованы не только опубликованные работы, но и материалы архива Долло из Брюссельского института естественной истории.

Рассчитана на биологов различного профиля — зоологов, дарвинистов, палеонтологов и др.

Для получения книги почтой заказы просим направлять по адресу:

117464 Москва В-464, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»;

197110 Ленинград, II-110, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайшие магазины «Академкнига».

Цена 51 коп.